

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Скрипка Вероника Константиновна
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIV–XVII ВВ.

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е.А. Галинская

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Функционирование указательных местоимений в грамотах XIV века	31
1. Местоимение <i>сь</i> (<i>сеи</i>)	31
2. Местоимение <i>тъ</i> (<i>тотъ</i>).....	40
2.1. Местоимение <i>тъ</i> (<i>тотъ</i>) в анафорической функции ...	40
2.2. Местоимение <i>тъ</i> (<i>тотъ</i>) в артиклевой функции	48
2.3. Местоимение <i>тъ</i> (<i>тотъ</i>) в функции детерминатива	50
2.4. Местоимение <i>тъ</i> (<i>тотъ</i>) в катафорической функции...	64
Глава 2. Функционирование указательных местоимений в грамотах XV века.....	66
1. Местоимение <i>сь</i> (<i>сеи, сесь</i>)	66
2. Местоимение <i>оныи</i>	80
3. Местоимение <i>тотъ</i>	80
3.1. Местоимение <i>тотъ</i> в анафорической функции	81
3.2. Местоимение <i>тотъ</i> в артиклевой функции.....	91
3.3. Местоимение <i>тотъ</i> в функции детерминатива.....	95
3.4. Местоимение <i>тотъ</i> в катафорической функции	111
4. Местоимения <i>такои, таковъ</i>	111
Глава 3. Функционирование указательных местоимений в деловой письменности XVI–XVII веков.....	115
1. Местоимение <i>сеи</i>	115
2. Местоимение <i>оныи</i>	127
3. Местоимение <i>тотъ</i>	128
3.1. Местоимение <i>тотъ</i> в анафорической функции	128
3.2. Местоимение <i>тотъ</i> в артиклевой функции.....	130
3.3. Местоимение <i>тотъ</i> в функции детерминатива.....	135
3.4. Местоимение <i>тотъ</i> в катафорической функции	139
4. Местоимения <i>такои, таковъ</i>	139
Заключение	144
Источники	155
Список использованной литературы	155

Введение

Диссертация посвящена употреблению указательных местоимений в русской деловой письменности XIV–XVII вв.

В качестве **материала** исследования были выбраны изданные памятники делового письма XIV–XVII вв. разных диалектных зон: великорусского центра, Новгорода и Пскова XIV–XV вв., а также рязанские тексты XVI в., московские и южнорусские тексты XVII в.

Характеристика источников. Все исследованные деловые тексты относятся к нормализованным некнижным по классификации В. М. Живова [Живов 2017: 213]. В таких текстах в большей степени находят отражение черты разговорного языка, чем в книжных, однако «некнижные тексты могут быть лишь сдвинуты в сторону „устного” полюса» [Там же: 469]. О важной роли языка деловой письменности в Московской Руси в исследуемый период писал Р. И. Аванесов: «Традиции древнерусского делового языка... стали особенно широко развиваться в Москве с XIV в. При этом следует иметь в виду, что этот язык обслуживал все возрастающие потребности растущего в экономическом, политическом и культурном отношениях Русского государства» [Аванесов 1955: 38]. Деловой язык XV–XVI в., развившийся на основе ростово-суздальских говоров, был «в значительной мере свободен от элементов церковно-книжного, славянорусского языка. Последние были представлены в нем лишь отдельными фразеологическими оборотами, традиционными зачинами и концовками» [Там же]. К концу XVI в. «твердо очерчены и противопоставлены два типа письменного языка — литературно-книжный и приказный (деловой), более близкий к живому языку великорусской народности» [Там же: 39]. Но Р. И. Аванесов также отмечает традиционность делового языка и его ограниченные возможности в выражении развивающихся языковых явлений: «Этот язык был известным образом литературно обработан,

организован и по-своему нормирован. Поэтому деловой язык Русского государства XV–XVI в. не может быть принят за непосредственное и полное отражение живой общенародной речи своего времени» [Там же: 38]. По мнению О. В. Никитина, «деловая письменность включала... литературно обработанную разговорную речь местного населения, обогащенную специфическими терминами, имеющую свой формуляр» [Никитин 2004: 10].

Исследованные грамоты XIV–XV вв. диалектной зоны **великорусского центра** были опубликованы Л. В. Черепниным в [Духовные и договорные грамоты 1950]. В этой книге изданы древнейшие пергаменные и бумажные грамоты канцелярии московских князей: духовные грамоты, то есть завещания, великих и удельных князей и княгинь. К другому жанру принадлежат договорные грамоты — договоры и перемирия с удельными русскими князьями и великими князьями литовскими. Такие памятники интересны тем, что зачастую сохраняются в нескольких вариантах для каждой из сторон. Это дает возможность сравнить языковые особенности в текстах близких, но не тождественных друг другу (подробнее о таких грамотах см. в [Галинская 2022: 126–27]). С точки зрения диалектной принадлежности, многие из этих памятников были написаны в московской великокняжеской канцелярии, но касались не только московских, но и верейских и белозерских, серпуховских и боровских, можайских, дмитровских, галицких и звенигородских, волоцких, угличских, суздальских, тверских, рязанских князей. Е. А. Галинская исследовала диалектные фонетические особенности в этих грамотах и пришла к выводу, что «в некоторых случаях можно разграничить явления, которые отражаются в грамотах разной локализации в пределах Северо-Восточной Руси и смежных территорий» [Галинская 2022: 126]. Основываясь на исторических свидетельствах, Л. В. Черепнин сделал вывод, что некоторые грамоты являются «фрагментами рязанского и тверского великокняжеских архивов,

вывезенных в Москву в XV в.» [Черепнин 1948: 6]. Исходя из этого, в нашей работе все эти документы называются не «московскими», а грамотами великорусского центра.

Грамоты великорусского центра, датированные издателем XIV в.:

- духовные грамоты: 5 подлинников (№ 1, 3, 4, 8, 12);
- договорные грамоты: всего 10, из них 6 подлинников (№ 2, 5, 6, 7, 11, 13) и 4 списка XV в. (№ 9, 10, 14, 15).

Грамоты, датированные XV в.:

- духовные грамоты: всего 14, из них 10 подлинников (№ 20–22, 28, 57, 61, 71, 80, 86, 87) и 4 списка XV в. (№ 17, 29, 68, 74);
- договорные (докончальные) грамоты: всего 52, из них 35 подлинников (№ 16, 24, 30–32, 34, 35, 38, 40–46, 48, 51, 52, 56, 58, 59, 63–65, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 79, 81, 82, 84), 12 списков XV в. (№ 18, 19, 25–27, 33, 36, 37, 47, 62, 66, 78), 5 списков XVI в. (№ 39, 53–55, 60);
- жалованные грамоты: 2 подлинника (№ 77, 85);
- крестоцеловальные записи: 2 списка XVI в. (№ 49–50).

Всего было исследовано 85 грамот, из них 60 подлинных, найдено около 2200 употреблений указательных местоимений. Грамоты без указательных местоимений не учитывались.

Новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. взяты из изданий [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949] и [Марасинова 1966]. Они представляют собой разнородный в жанровом отношении материал: это документы, закрепляющие отношения Новгорода с князьями, иностранными городами, грамоты внутреннего управления, а также документы частных лиц: духовные, данные, купчие, рядные грамоты. Язык этих документов представляет большой интерес для сопоставительного исследования, так как «древний новгородско-

псковский диалект очень заметно отличался от наддиалектной формы древнерусского языка» [Зализняк 2004: 7]. Большинство документов касаются Великого Новгорода, однако небольшая часть грамот написана на псковской территории. В издании приведены и двинские грамоты, изначально изданные А. А. Шахматовым и И. М. Сибирцевым [Шахматов 1903; Сибирцев, Шахматов 1909]; они рассматриваются вместе с собственно новгородскими.

Грамоты, датированные издателями XIV в.

Новгородские грамоты: всего 24, из них

- договорные грамоты: всего 18, из них 17 подлинников (№№ 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 34, 35, 45, 46), 1 список XV–XVI вв. (№ 16);
- жалованная грамота: № 86, список XV–XVI вв.;
- уставная грамота: № 88, список XV–XVI вв.;
- купчая грамота: № 106, список XV–XVI вв.
- грамоты с просьбой о суде: 2 подлинных (№№ 36, 44);
- жалоба на князя: № 8, подлинник.

Псковские грамоты: всего 2, из них

- грамота с просьбой о суде № 332, подлинник, и
- жалованная грамота № 333, список XVII в.

Грамоты, датированные издателями XV в.

Новгородские грамоты:

- духовные грамоты: всего 14, из них 11 подлинников (№№ 129, 169, 170, 226, 230, 239, 256, 257, 263, 320, 328) и 3 списка XVII в. (№№ 244, 250, 271);
- договорные грамоты: всего 17, из них 7 подлинников (№№ 20, 50, 53, 60, 63, 70, 72) и 10 списков XV–XVI вв. (№№ 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 77, 78, 98);

- жалованные грамоты, данные, вкладные: всего 30, из них 23 подлинника (№№ 90, 95, 96, 99, 101, 156, 167, 171, 176, 192, 218, 224, 225, 253, 255, 281, 282, 298, 299, 300, 305, 316, 318), 4 списка XV–XVI в. (№№ 21, 280, 307, 330), 3 списка XVII в. (№№ 219, 315, 323),
- купчие грамоты: 54 подлинника (№№ 128, 133–136, 139–141, 143, 153, 157, 160, 162, 163, 165, 166, 172–175, 177, 179–182, 184–186, 189, 190, 193–195, 198, 199, 200–203, 206, 207, 216, 220, 227–229, 231, 252, 287, 296, 302, 317, 321, 322), 2 списка XV–XVI вв. (№№ 273, 289), 1 список XVII в. (№ 283);
- рядные грамоты: всего 10, из них 8 подлинников (№№ 115, 122, 130, 138, 148, 191, 251, 290) и 2 списка XV–XVI вв. (№№ 221, 277);
- закладные: 4 подлинника (№№ 152, 196, 197, 326);
раздельные: 4 подлинника (№№ 204, 262, 278, 324); меновная грамота № 205, подлинник;
- грамоты с требованием суда: 6 подлинников (№№ 56, 57, 58, 69, 71, 75); правая грамота № 92, подлинник; откупная грамота № 93, список XV–XVI вв.;
- просьба о присылке колокольного мастера № 65, подлинник.

Псковские грамоты: всего 9, из них 3 подлинные;

- духовные грамоты: № 344, список XVII в., а также № 33 в издании [Марасинова 1966: 72–73], подлинник;
- договорная грамота № 335, список XV в.;
- правая грамота № 340, список XVI в.;
- грамота с просьбой о суде № 336, подлинник;
- вкладная грамота № 337, подлинник;
- жалоба № 339, список XVI в.;
- раздельная грамота №№ 341, 345, списки XVII в.;

- ободная грамота № 346, список XIX в., подлинник утрачен.

Всего за период XIV–XV вв. было исследовано 167 новгородских грамот разных жанров, из них 137 подлинных, найдено около 1000 употреблений указательных местоимений; псковских грамот — всего 11, из них 4 подлинные, найдено около 110 употреблений указательных местоимений.

Употребление указательных местоимений в XVI–XVII вв. также исследуется по памятникам разных диалектных зон — московской и южной. Использовались издания под редакцией С. И. Коткова; об их значимости так писал В. В. Иванов: «Развитие науки об истории русского языка может привести к новым результатам, а возможно, и к пересмотру устоявшихся взглядов при условии вовлечения в научный оборот новых памятников древнерусской и старорусской письменности, причем памятников различных территорий...» [Иванов 1987: 4]. «Материалы, относящиеся к деловой письменности... челобитные и сказки, расспросные речи... с наибольшей полнотой отражают живую народно-разговорную речь и являются наиболее достоверным источником при реконструкции явлений прошлого состояния русского языка и его диалектов [Иванов 1987: 9].

Тексты XVI в. анализируются по изданию [Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край 1978]. В них собраны рязанские тексты разных жанров. В качестве материала было взято 47 подлинных грамот и 10 списков XVI в.:

- данные грамоты (№ 9, 20, 29, 32, 35, 36, 39, 41, 42, 43; списки XVI в.: 80, 81, 82);
- купчие грамоты (№ 13, 14, 15, 24, 27, 34, 38);
- меновная грамота (№ 48);
- отводная грамота (№ 21);
- отступная запись (№ 28);

- правые грамоты (№ 16, 17, 26, 31; списки XVI в.: № 65, 66, 83);
- закладные и заемные (№ 45, 49; список XVI в.: № 79);
- выписи из писцовых и межевых книг (№ 18, 33, 37, 40, 46, 47, 50);
- грамоты различного содержания (№ 10, 11, 12, 19, 22, 23, 25, 30, 44; списки XVI в.: № 60, 63, 72).

Южнорусские тексты 1 пол. XVII в. исследуются по изданию [Памятники южновеликорусского наречия 1993]. В них содержатся челобитные — жалобы царю на кого-либо, индивидуальные или коллективные. Они «чрезвычайно разнообразны по содержанию и касаются всех аспектов жизни представителей разных социальных групп» [Хабургаев 1969: 109–110]. Издатели отмечают «наличие в них обширного репертуара синтаксических конструкций» [Памятники южновеликорусского наречия 1993: 4]. Исследовались челобитные разных поджанров: *ставочные, изветные, явочные, исковые* [Там же]. Другим жанром исследованных текстов являются расспросные, или обыскные, речи — показания свидетелей по какому-либо делу.

Исследованные тексты XVII в.:

- челобитные (№ 1–131);
- расспросные речи (№ 132–161).

Все документы представлены в подлинниках.

Московские тексты XVII в. исследованы по изданию [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968]. В издании приведены разнообразные тексты, «в которых получила отражение московская разговорная речь XVII столетия» [Там же: 9], как деловые, так и бытовые. Для нашего исследования были отобраны деловые документы:

- отдел II — челобитные 1617–1698 гг. (№ 1–142);
- отдел III — сказки 1646–1688 гг. (№ 1–12, всего 62 сказки);

- отдел IV — другие документы разных жанров (№ 1–48), купчие (№ 49–56), сговорные (№ 57–59), духовные грамоты (№ 60–63);
- отдел V — отрывки из следственных дел (№ 1–21, всего 52 документа).

Указательные местоимения в документах XVI–XVII вв. представлены в большом количестве — по приблизительному подсчету, более 5000 словоупотреблений в трех вышеназванных изданиях.

Проблематика и обзор научной литературы.

История указательных местоимений — одна из важнейших проблем исторической морфологии русского языка.

В морфологии современного русского языка существует несколько точек зрения на то, следует ли выделять местоимение как отдельную часть речи и какие лексемы можно включить в ее состав [Гард 1985], [Сичинава 2018: 20–22], [Современный русский литературный язык 2013: 498–502], [Шведова 1998]. К примеру, в Академической грамматике 1980 года местоимениями называются только местоимения-существительные, но среди них нет указательных местоимений-субстантивов, все указательные местоимения относятся к прилагательным [Русская грамматика 1980: § 1270, 1297].

Мы будем придерживаться традиционного понимания местоимений как особой части речи, объединяющей и местоименные существительные, и местоименные прилагательные. Это понимание представлено в таких авторитетных работах по нашей теме, как [Адамец 1983], [Галинская 2015], [Кржижкова 1972], [Падучева 2010], [Хабургаев 1990]. О целесообразности применения традиционного выделения местоимений в исторической лингвистике писал Г. А. Хабургаев: «Если исследователи современного русского языка указывают, например, на отсутствие грамматических оснований для выделения в особую часть

речи местоимений, частью объединяющихся с существительными, а частью — с прилагательными, то в древнерусской системе местоимения, объединяемые «указательно-отсылочным» значением, именно по формальным морфологическим показателям образуют четко обособленную от других группу лексем» [Хабургаев 1990: 34]. При этом неличные местоимения могли «наряду с исходной для них функцией согласованного определения выполнять и функции существительных» [Горшкова, Хабургаев 1981: 249]. Учитывая вышеизложенное, мы будем разграничивать употребление указательных местоимений-атрибутивов (согласующихся с другим именем местоимений-прилагательных) и субстантивов (самостоятельно функционирующих местоимений-существительных). Местоимение-атрибутив может употребляться и без существительного, которое подразумевается контекстом; в этом случае целесообразно говорить о субстантивированном атрибутиве, отличая его от субстантива (термин «субстантивированный» по отношению к таким местоимениям заимствован из работ Е. В. Падучевой [Падучева 2016]). Формальным отличием их можно считать категорию рода и числа: если для субстантивов это постоянная категория и они всегда употребляются в определенном роде и числе (в исследуемых текстах это местоимение среднего рода единственного числа, например, *то*), то атрибутивы согласуются в роде и в числе с существительным, от которого зависят. Субстантивированные атрибутивы, формально не согласуясь с другими словами в предложении, меняют род и число в зависимости от антецедента и этим отличаются от собственно субстантивов.

Кратко опишем систему указательных местоимений, восстанавливаемую для эпохи праславянского языка. Она заметно отличается от той системы, которую мы наблюдаем в современном русском языке: произошли изменения и в количестве местоимений, и в их семантике.

Для позднеславянского периода А. Мейе в книге «Общеславянский язык» по аналогии с латинским языком предполагает древнюю, индоевропейскую по происхождению трехчленную систему указательных местоимений. Они соответствуют трем степеням отношения предмета к участникам речевого акта: **sь* означало объект в отношении к говорящему (лат. *hic*), **tь* — объект в отношении к лицу, с которым говорят (лат. *iste*), **onь* — объект вне отношений с говорящим и слушающим (лат. *ille*). Трехчленная система сохранилась в сербохорватском языке, однако местоимение ближнего дейксиса образуется от другой основы (*овај, тај, онај*) [Мейе 1951: 351–354]. В целом, трехчленная система в сфере пространственного дейксиса «является достаточно распространенной... Трехчленный дейксис имеется в современных испанском и португальском языках; по-видимому, существовал он и в латинском; он засвидетельствован в армянском, грузинском, японском, в тюркских и многих других языках» [Плунгян 2003: 262]. М. И. Откупщикова даже находит трехчленный дейксис в современном русском языке (к выделяемым обычно двум степеням она добавляет третью — «сферу сильной удаленности», которая образуется из сочетания местоимений дальнего дейксиса «с частицей *вон*, произносимой с особой интонацией и долготой гласного») [Откупщикова 1984: 30].

Уже в старославянском языке указательные местоимения «не были связаны каким-либо отношением с лицом участников диалога» [Кузнецов 2020]. Например, в Зографском Евангелии в анафорической функции могут использоваться все три местоимения-атрибутива, но *сь* чаще употребляется в дейктической функции, а *ть* — в анафорической, указывая «на отсутствующий предмет» [Там же]. Эти три указательных местоимения в роли субстантива употребляются в анафорической функции «свободно от греческой системы местоимений» [Там же]. Подробно функции местоимений в старославянских памятниках

расписаны в «Словаре старославянского языка», изданном в Праге [Slovník jazyka staroslověnského II: 508–509, 545; IV: 373–376, 523–528], их соотношение в различных старославянских памятниках рассматривается Й. Курцем [Курц 1963: 121–182].

К этим трем местоимениям можно добавить местоимение с основой **j-*. Указательное местоимение *j-* (**и, *я, *ю*) было анафорическим и не зафиксировано в формах именительного падежа. «Новая тенденция выражать при глаголе местоимение-подлежащее привела к объединению с указательным местоимением местоимения, давшего ему формы Им. падежа; этим местоимением вообще является *онъ* (за исключением болгарского языка, где *той*)» [Мейе 1951: 352, §502]. Местоимение **и* чаще всего выступало в роли субстантива; в роли атрибутива оно обнаруживается в нескольких древнейших памятниках, однако Э. Благова называет такую их роль «мнимой» и предполагает, что их появление скорее вызвано описками и искажениями (в том числе и знаменитый пример из Остромирова Евангелия: *еуѣлие е*, вместо *еуѣлие се*, которое несколько раз встречается в той же записи) [Благова 1963: 36].

Указательное местоимение *овъ* имеет в старославянском языке особое употребление и используется в противопоставлении *овъ — овъ, овъ — инъ, овъ — други* [Вайан 1952: 167]. Синтаксически все указательные местоимения могли быть как атрибутивными, так и субстантивными [Мейе 1938: 332].

Система указательных местоимений в древнерусском языке XII–XIII вв. описана Т. А. Сумниковой на основе книжных и некнижных текстов разных жанров. В древнерусских текстах зафиксированы местоимения *тъ, съ* и *онъ–оного* (субстантивные и атрибутивные), а также *овъ* и **и, *я, *ю* в косвенных падежах (субстантивные).

Для древнерусского языка, как и для старославянского, уже не восстанавливается трехчленная дейктическая система атрибутивных

указательных местоимений. Местоимение *тъ* больше не обладает значением ‘близкий к слушающему’ и не образует пар с другими местоимениями при противопоставлении объектов. Оно служит нейтральным указанием на предмет или 3-е лицо [Сумникова 1995: 364–365].

Маркированным по признаку близости к говорящему является местоимение *сь*, а по признаку удаленности от говорящего — местоимение *онъ—оного*. Близость и удаленность могут быть как территориальные, так и временные, в зависимости от определяемого местоимением слова [Сумникова 1995: 364–365].

Пример употребления *сь* для обозначения территориальной близости — в значении ‘этот, вот здесь находящийся’: *ре^ч моужь к жене своеи. даивъ. сребрьники сия въ заимъ. она же... показа емоу нищая глици симъ дажъ* (97ГПЛ¹); в значении ‘близкий к настоящему моменту’: *пришьдше оунии къ мнихоу глиша. приде ли жена сде въ сию ночь* 108в¹. Местоимение *онъ—оного* в значении территориальной удаленности: Г 1239¹: *аже латиньскыи гость съ смольнаны приидеть на волокъ. метати жеребии. кого на передъ вести къ смоленьскоу. Аже боудоуть людье. из оное земли. тѣхъ после всти* [вм. *вести*]. *Из оное земли* — ‘из другой, не участвующей в договоре страны’ [Сумникова 1995: 365].

Атрибутивные местоимения использовались также для указания-отсылки к тому, о чем говорится в придаточном предложении (термин Т. А. Сумниковой; другие термины: указательное слово, соотносительное слово, детерминатив). В этом значении использовалось чаще всего местоимение *тъ*, но есть и несколько примеров использования местоимений *онъ—оного* и *сь*:

а что погынетъ о^м того товара что емоу приказано Г 1229А;

то^с лѣ^м коли альбрахтъ. влдка ризкии оумърль Г 1229А;

¹ Сохранены сокращённые указания источников, которые используются в цитируемой работе.

о семь епѣнь егоже обрѣте въ поустыни ПЛ 65в;

да просятъ сами поставити... прѣдѣложенаго игоумена... или
оного на немъже все быша коупьноразоумьни УС 239об.

Что касается субстантивных местоимений, то Т. А. Сумникова выделяет две основные их функции: указание-отсылка к тому, о чем говорится в придаточном предложении (соотносительное слово, детерминатив), и отсылка к ранее упоминавшемуся предмету (эквивалент современных личных местоимений 3 лица) [Сумникова 1995: 368].

В качестве соотносительного слова употреблялись чаще всего формы местоимения *тъ*, а также (менее часто) *съ*:

о томъ яко не погрѣбати никого же въ манастири УС 237об;

страхъ бо ма великъ одържитъ братие о семь, еже вы хоцю
съказати ЧН 68в. (примеры Т. А. Сумниковой).

Контексты, приводимые Г. Д. Богатыревой, свидетельствуют о том, что атрибутивы и субстантивы *съ* и *се* и субстантив *то* в летописных текстах могли употребляться и в катафорической функции:

есть притча сия и до сего дне: «бѣда аки въ Роднѣ» (Новг. л., Вор. сп., стр. 479);

... умоленъ бывъ отъ живущихъ ту, сотвори сия: отгнавъ множество змий и скоропий изъ града (Лавр. л., стр. 39);

... списа на дищице сия: «увы тобѣ, оканьный граде...» (Лавр. л., стр. 39);

... и то ми ся выня: «вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши меня?» и прочая (Лавр. л., стр. 233) [Богатырева 1968: 4, 9, 17].

В качестве указания на 3-е лицо, по подсчетам Т. А. Сумниковой, в формах косвенных падежей использовались формы местоимения **jъ*, гораздо реже встречались формы местоимений *тъ*, *съ* и *онъ–оного*; в именительном же падеже из всех вариантов наиболее часто используется форма местоимения *онъ*, но возможны и *съ*, *тъ* [Сумникова 1995: 373]. «Уже в XII в. в им.п. предпочтение отдается местоимению *онъ*, которое

обычно выступало в роли существительного и очень редко в роли определения при существительном, в отличие от местоимений *сь* и *тъ*» [Крысько, Кузнецов, Пенькова 2020: 179]. Использование именительного падежа местоимения *онъ* в этой функции ограничено: оно возможно только при противопоставлении (и иных формах подчеркивания) или только вместе с клитиками, которые относятся к этому местоимению; почти всегда это группы *онъ же, а онъ* или *и онъ* [Зализняк 2008: 262]. Г. А. Хабургаев объединяет наиболее употребительные формы в одно новое местоимение *онъ—его*, возводя его появление к праславянской эпохе, так как эта парадигма сохранилась и в современном русском языке, и в других славянских [Хабургаев 1990: 225].

Нейтральным указанием на 3-е лицо служило местоимение *онъ—его*. Другие местоимения-субстантивы (*сь, тъ, онъ—оного*), по мнению Г. А. Хабургаева, использовались в этой синтаксической функции «при необходимости актуализации отношений, при этом *сь* обычно в конструкциях прямой речи, т. е. в фрагментах текста, где отражение отношения говорящего к окружающему неизбежно», а *онъ—оного* подчеркивало «чуждость», «внешний» характер лица или предмета. Местоимения-субстантивы *сь* и *онъ—оного*, так же, как и соответствующие местоимения в атрибутивной функции, были маркированно противопоставлены друг другу. Они могут использоваться в одном тексте как антонимы:

Оже ми брате симъ не поможемъ. тъ си имоуть придатися к нимъ. тъ онѣмъ больши будеть сила (из речи Мстислава Галицкого, пример из Новгородской I летописи по Синодальному списку) [Хабургаев 1990: 226].

Т. А. Сумникова утверждает, что в повествовательном тексте субстантивные местоимения *тъ, сь, онъ—оного* могли выступать как семантически нейтральная анафора и даже быть кореферентными (то есть отсылать к одному и тому же референту) в пределах одного текста. В

качестве примера она приводит отрывок из Жития Феодосия Печерского: «В одном из них (эпизод с разбойниками, пытавшимися ограбить церковь) субстантивы от семантически полярных местоимений *сь* и *онъ* использованы для замещения одного и того же существительного *разбоиници*:

приидоша... разбоиници... оуслышаша гласъ поющихъ въ цркви... си же [разбойники] мнѣвѣше яко братии навечерняя мѣтвы поющимъ отъидоша... и се слыша тѣ же гла҃... онѣмъ [разбойникам] мнящемъ. яко братии полоунощною пѣниѣ съвършающемъ... о҃идоша 46г» [Сумникова 1995: 372].

Это единственный пример с кореферентными *сь* и *онъ–оного*, в других случаях могут быть кореферентны только местоимения *сь*, *тѣ* и *онъ–его*, но не *онъ–оного*. Видимо, можно утверждать, что противопоставление *сь* и *онъ–оного* всё же сохраняется и в пределах указания на 3-е лицо.

Местоимение *онъ–оного* в древних книжных текстах имело еще одну функцию: в субстантивном употреблении оно так же, как местоимение *овѣ*, использовалось при противопоставлении со значением типа совр. ‘те – эти’, ‘эти – те’, ‘одни – другие’: *имахуть wnи wnи^x а wnи wnѣхъ* ‘захватывали те этих, а эти — тех’ (Киевская летопись по Ипатьевскому сп., запись под 1151 г.) [Галинская 2015: 297].

С указательными местоимениями тесно связан вопрос о возможном определенном артикле, развившемся в истории русского языка на основе *тѣ* (подробно об этой проблеме в [Иорданиди 2023] и [Элсберг 1967: 47–50, 62–65]. Одно из важных значений древнерусского атрибутивного местоимения *тѣ* — отсылка к ранее упомянутому предмету, подчеркивание его известности, определенности (со значением ‘тот же самый’) [Галинская 2015: 297]. М. Г. Халанский сближает такие употребления местоимения *тѣ* с артиклем: «постепенное ослабление указательности и более тесное соединение с предшествующим

определяемым словом образует естественный переход от случаев анафорического употребления *тъ* к случаям членным» [Халанский 1901: 130]. Халанский даже находит «несомненные примеры постпозитивного члена» в «Житии Феодосия Печерского» и других памятниках Древней Руси. Примеры из «Жития Феодосия Печерского»:

Се бо приспѣвшю нѣколи празднику Успенія прѣсвятыя Богородицы, бѣша же и църкви творяще праздникъ въ тѣ днь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вѣляние въ тѣ днь. Помысли строитель църквѣный въ стѣмени льнянѣмъ избити масла и то, вѣлявѣше въ кандила, вѣжещи. И въпросивъ о томъ блаженаго Феодосія, и оному повелѣвшю сѣтворити тако, якоже помысли. И егда въсхотѣ ляти въ кандило масло то, и се видѣ мышь въпадѣшю въ не, мъртву плавающу въ немъ. Таче скоро шѣдѣ, съповѣда блаженому, глаголя, яко «сѣ въсякимъ утвѣрьженемъ бѣхъ покрылъ съсудѣ тѣ сѣ маслѣмъ, и не вѣдѣ, откуда вѣлѣзе гадѣ тѣ и утопе».

С. И. Иорданиди, пользуясь схемой-шкалой Н. И. Толстого [Толстой 1962: 125–126], проанализировала употребление постпозитивного *тъ* в Житии протопопа Аввакума и пришла к выводу, что оно «выступает в функции, приближающейся по своему значению к артиклю» [Иорданиди 2023: 162]. А. И. Соболевский также называл *тъ* артиклем («членом»): «член *тъ* прежде ставился иногда перед тем словом, к которому он относился, иногда после этого слова; последнее было, кажется, чаще. <...> Но член в русском языке не получил такого развития, как в новоболгарском, и с течением времени стал выходить из употребления» [Соболевский 1907: 227–228]. По мнению П. С. Кузнецова, местоимение *тъ* «выступает в роли определенного члена, обозначая нечто уже известное, упоминавшееся», однако «ни в одном говоре русского языка употребление частицы из указательного местоимения *тъ* не достигло той степени обязательности, какой характеризуется член в языках, где он имеется» [Кузнецов 1953: 166–168].

Вопросы функционирования указательных местоимений в древнерусский период затронуты также в работах [Басенко 1958], [Богатырева 1968], [Демидов 2011], [Федорова 1965], [Элсберг 1967].

Система значений указательных местоимений в современном русском языке построена в нашей работе на основании выводов Е. В. Падучевой, сделанных в статье «Указательные местоимения» для проекта корпусного описания русской грамматики rusgram.ru [Падучева 2016].

В современном русском языке в качестве указательных традиционно выделяются местоимения *тот* и *этот*, а также примыкающие к ним *такой*, *таков*, *столько* и устарелые *экий*, *этакий*, *сей*, *оный* [Современный русский литературный язык 2013: 496]. К ним Е. В. Падучева добавляет субстантивные местоимения *это* и *то*, отличая их от формы среднего рода атрибутивных местоимений *этот* и *тот* соответственно.

Основные функции атрибутивных указательных местоимений — дейктическая и анафорическая. В дейктической функции *тот* указывает на предмет, более далекий от говорящего, *этот* — на предмет, более близкий к говорящему («ближний дейксис»):

В том корпусе столовая гораздо лучше, чем в этом (пример наш — В. С.).

Иногда к местоимениям присоединяются указательные частицы: *вот* (ближнее указание) и *вон* (дальнее указание):

Вот этот куст посадили мы с мамой, а вон тот — уже я сама (пример наш — В.С.).

Е. Н. Палкина пишет о том, что указательные частицы усиливают дейктическое значение местоимений, которые в разговорной речи употребляются «не столько для указания на предмет, сколько для обозначения определенности предмета для говорящего», в связи с чем «указательная сила местоимения ослабевает» [Палкина 2001: 89].

В дейктической функции местоимение *тот* может также иметь значение ‘противоположный’ (берег, конец, сторона), тогда как местоимение *этот* — ‘тот, на котором находится говорящий’:

Теперь я поняла, какая огромная разница: стоять по ту или по эту сторону преграды... [И. Грекова. Перелом (1987)] (пример Е. В. Падучевой).

В анафорической функции местоимения также различаются: *этот* обозначает ближнюю анафору, *тот* — дальнюю анафору («"дальняя" здесь не связано с пространством, имеется в виду "психологическое" расстояние» [Падучева 2016]), например:

На днях я в компании друзей отправился в цирк! Очень давно не был в цирке — по-моему, даже в детстве ходил туда только один раз. ... Запомнились из того похода разве что медведи и клоуны — давненько дело было уже) Цирк, в котором я побывал на этот раз, оказался не совсем обычным [коллективный. Форум: Поход в цирк (2010); Национальный корпус русского языка].

Однако в примерно одинаковом контексте могут использоваться разные местоимения:

Для меня универ был просто золотым временем. Всегда с теплотой вспоминаю те годы [коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011); Национальный корпус русского языка] и

А что касается 80-х — было просто хорошее время для меня, эти годы были замечательными. [Александр Братерский. Тото да Си Си. Звезды 80-х выступают на фестивале-дискотеке в «Лужниках» (2002) // «Известия», 2002.11.24; Национальный корпус русского языка].

По-видимому, местоимение *тот* подчеркивает отдаленность предмета или события от собеседника, тогда как *этот* вне противопоставления является скорее нейтральным показателем анафоры: «Можно говорить об УМ *этот* как об основном анафорическом

местоимении и об УМ *тот* как анафорическом второстепенном местоимении» [Кржижкова 1972: 148]. К схожим выводам приходит и Л. Г. Чапаева [Чапаева 2019: 296].

Местоимение *тот* может иметь значение ‘тот, который нужен или должен быть’, но в этом случае оно является определительным местоимением, а не указательным, например:

Случилась ошибка, не то лекарство девушка дала. М. Горький, Васса Железнова (Мать) [Словарь русского языка].

Основная функция субстантивных указательных местоимений — анафорическая. Местоимение *это* может отсылать к предметному antecedенту или к предикативному, который может пониматься очень широко:

Сегодня шел дождь. Это было очень неприятно.

Кипарис — это южное дерево.

Это в контекстах, подобных последнему предложению, традиционно считается не местоимением, а связкой [Щерба 1957: 79], [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 552] или частицей [Булаховский 1952: 324]. Но Е. В. Падучева называет *это* в таких предложениях «вторым (вспомогательным) подлежащим», подчеркивая анафорическую связь между первым существительным и словом *это*, и таким образом доказывает, что *это* — местоимение [Падучева 1982: 85–86].

Местоимение *то*, видимо, может отсылать только к предикативному antecedенту:

Они все будто его и ждали, его вторжений в частную жизнь, то бишь детских расспросов в лоб, люди всегда того и жаждут, не признаваясь в том [Д. Симонова. Сорванная слива (2002); Национальный корпус русского языка]; *того* = жаждут вторжений; *в том* = в том, что жаждут (пример Е. В. Падучевой).

Местоимение *это* обладает и дейктической функцией. Хотя в статье Е. В. Падучевой среди функций местоимения *то* не приведена дейктическая функция, можно предположить, что при необходимости в устной речи по аналогии с дейктическим *это* можно употребить и *то* (пример наш — В.С.):

[В магазине перед прилавком, о любом продукте]

— *Это, пожалуйста, заверните.*

— *Вот это?*

— *Нет, вон то, ближе к вам.*

Субстантивированное местоимение *тот* в анафорической функции используется всегда в тех случаях, когда необходима отсылка к одному из двух прежде упомянутых лиц одного пола и местоимение *он* может быть понято двояко. В таких контекстах «местоимение *тот* обозначает то из двух упоминаемых в тексте лиц, которое не является смысловой темой данного предложения, текста или фрагмента текста» [Падучева 2010: 126]. Например:

Старшина разломал сухарь пополам, половинку протянул Косте. Тот мотнул головой: — Не хочу [В. Быков. Болото (2001)] (пример Е. В. Падучевой).

Таким образом, в современном русском языке наблюдается следующая картина:

- в дейктической функции местоимения *тот, то* и *этот, это* симметрично противопоставлены друг другу;
- в анафорической функции используется преимущественно местоимение *этот, это* в качестве нейтральной анафоры и *тот, то* для дальней анафоры, то есть при подчеркивании психологического расстояния между предметом или событием и говорящим;

- в качестве отсылки к одному из двух прежде упомянутых лиц употребляется местоимение *тот*;
- в функции детерминатива используется местоимение *тот*.

Система указательных местоимений в диалектах может быть более разнообразной в отношении как набора местоимений, так и их функционирования. Например, в Архангельской области существуют местоимения *нутый*, *тот-там*, а «для юго-восточных говоров характерно местоимение *энтот*» [Пожарицкая 2005: 126]. По наблюдениям Т. С. Шулькиной, «в современных диалектах юга России *этот* господствует, противопоставляясь местоимению *ентот*, а местоимение *тот* сохраняется только при поддержке литературного языка» [Шулькина 1979: 11]. Е. А. Галинская описала функционирование местоимения *тот-то* в курских говорах, которое употребляется «только анафорически» и не имеет дейктической функции [Галинская 2017: 75].

Итак, **тема работы** — развитие системы указательных местоимений и особенности их функционирования в памятниках деловой письменности XIV–XVII вв. различной диалектной принадлежности.

Предметом исследования являются функции указательных местоимений в деловых памятниках XIV–XVII вв.

Объект изучения — указательные местоимения-субстантивы и субстантивированные атрибутивы, а также сочетания указательных местоимений-атрибутивов с существительными (указательные группы).

Актуальность работы обусловлена необходимостью диахронического изучения истории указательных местоимений на материале деловых текстов в период значительного изменения их функций и системы указательных местоимений в целом в XIV–XVII вв.

Основная цель исследования — проследить эволюцию принципов употребления указательных местоимений в текстах делового регистра на протяжении четырех веков: с XIV по XVII вв.

Эта цель достигается с помощью ряда поставленных **задач**:

- выявление набора функций, которые выполняют указательные местоимения *тѣ* (*тотъ*), *сѣ* (*сеи*), *онѣ*—*оного* (менее подробно проанализированы местоимения *такои* и *таковъ* ввиду малого количества употреблений в исследуемом материале);
- анализ того, каким образом различные факторы, семантические или синтаксические (антецедент; синтаксическая роль местоимения: атрибутив, субстантив, субстантивированный атрибутив; положение зависимой клаузы в относительном предложении) влияют на выбор местоимения как средства выражения данной функции;
- построение системы указательных местоимений для каждого из исследуемых периодов;
- сравнение полученных на материале каждого периода результатов между собой и с системами местоимений, построенных другими исследователями для предыдущих периодов и современного русского языка.

Методология исследования включает:

- аналитический и синтетический методы, при помощи которых производится обработка и классификация материала, анализ функций всех указательных местоимений в выбранном материале, распределение местоимений в зависимости от их синтаксической роли, а также нахождение в тексте антецедента местоимения;
- описательный метод, который используется для обзора системы указательных местоимений трех исследованных периодов;

- сравнительный метод, применяющийся при описании диахронической динамики системы указательных местоимений в исследуемых памятниках, при сравнении полученных данных с реконструируемыми системами указательных местоимений в праславянский и древнерусский периоды, а также при описании функционирования указательных местоимений в современном русском литературном языке.

Научная новизна работы заключается в том, что исследуемые памятники деловой письменности ранее не становились предметом комплексного изучения с целью реконструкции системы указательных местоимений и набора их функций.

Работа имеет **теоретическую значимость** для исторической грамматики русского языка, так как комплексное исследование набора указательных местоимений и их функций в разные периоды существования древнерусского и старорусского языка позволило реконструировать рассматриваемую морфологическую подсистему в диахронической перспективе, причем анализ материала проводился с учетом последних научных исследований в области теории референции.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в общем курсе исторической грамматики русского языка, а также в курсах исторической морфологии и исторического синтаксиса русского языка для магистрантов и аспирантов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Местоимение *сь* (*сеи*, *сесь*) на протяжении всего исследованного периода было местоимением ближнего дейксиса и обозначало предмет, событие, пространство, близкие говорящему (пишущему) в пространственном или временном отношении; чаще всего оно употреблялось по

отношению к самому документу либо в составе временных показателей.

2. В анафорической функции местоимение *сь* (*сеи*, *сесь*) в деловой письменности не использовалось за исключением некоторых случаев употребления его в этой функции в текстах XIV–XV в. в связи с нейтрализацией дейксиса и анафоры (антецедентом субстантива *се* является содержание всего документа); позднее такие конструкции не зафиксированы.
3. Местоимение *сь* (*сеи*, *сесь*) в XVI–XVII вв. использовалось по-прежнему в дейктической функции, но в более ограниченном числе контекстов, чем в XIV–XV вв., что, возможно, объясняется появлением в разговорной речи местоимения *этот* в качестве показателя ближнего дейксиса; однако *сеи* по-прежнему использовалось в устойчивых сочетаниях, особенно в сфере временного дейксиса.
4. Местоимение *онъ* (*оныи*) в XV в. употреблялось в дейктической функции и являлось местоимением дальнего дейксиса, обозначая предмет, более удаленный от говорящего (пишущего). Ввиду специфики письменного документа дальний дейксис редко находит в нем отражение; по всей видимости, этим можно объяснить отсутствие примеров для *оныи* в исследованном материале XIV и XVI–XVII вв.
5. Местоимение *тъ* (*тотъ*) на протяжении всего исследованного периода выполняло две основные функции: анафорическую, в том числе артиклевую, и функцию соотносительного слова (детерминатива) при придаточном. Случаев употребления *тъ* (*тотъ*) в дейктической функции (в том числе в качестве местоимения дальнего дейксиса) в

исследованных памятниках деловой письменности зафиксировано не было.

6. Артиклевая функция местоимения *тъ* (*тоть*) в деловой письменности фиксируется с конца XIV — начала XV в. и достигает наибольшего количества словоупотреблений в XVII в., однако отсутствие местоимения в ряде контекстов, свойственных определенному артиклю в артиклевых языках, не позволяет говорить о формировании на базе *тоть* определенного артикля.

Достоверность полученных результатов подтверждается большим объемом исследованного материала, а также применением надежных методов исследования. Научные положения и выводы в диссертации последовательно аргументированы, подкреплены фактическими данными.

Личный вклад автора состоит в сборе, обработке и анализе материала.

Апробация. Основные положения диссертации изложены в **четыре**х публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5. — Русский язык. Языки народов России, а также в **шести** докладах и тезисах конференций.

Статьи:

- Функции указательного местоимения *сь* в деловой письменности XIV–XV вв. (Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2021, № 3. С. 44–53);
- Функционирование местоимения *тъ* (*тоть*) в деловой письменности XIV–XV вв. (Litera, 2022, № 6. С. 56–65);

- Указательное местоимение *сеи* в деловой письменности XVI–XVII вв. (Русский язык в научном освещении, 2023, № 2. С. 281–292);
- Артиклевая функция указательного местоимения *тотъ* в южнорусской деловой письменности XVII в. (Филология и культура. Philology and Culture, 2023, № 4 (74). С. 87–91).

Доклады:

- Функции указательного местоимения *сь* в духовных и договорных грамотах русских князей XIV века. XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017», Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, 20 апреля 2017 г.;
- Сегментированные предложения с указательными местоимениями в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV века. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 11 апреля 2018 г.;
- Указательное местоимение *тотъ* в относительных предложениях в духовных и договорных грамотах XIV и XV вв. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 11 апреля 2019 г.;
- Одна особенность согласования указательных местоимений-атрибутивов в языке грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. XXVII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20 ноября 2020 г.;

- Употребление указательного местоимения-атрибутива *тъ* (*тот*) с именами собственными в деловой письменности XIV–XV вв. Конференция «Славянский мир: общность и многообразие. Конференция молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры», Москва, Институт славяноведения РАН, 25 мая 2021 г.;
- Функции указательного местоимения *тъ* (*тотъ*) в русской деловой письменности XIV–XV вв. Международная научная конференция ИРЯ РАН «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии», Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 14 июня 2022 г.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе описано функционирование указательных местоимений в грамотах XIV в. В первом разделе рассматривается местоимение *сь* в синтаксических функциях атрибутива субстантива. Во втором разделе первой главы анализируются функции *тъ*: анафорическая (раздел 2.1), артиклевая (раздел 2.2), функция детерминатива, или соотносительного слова (раздел 2.3), и катафорическая (раздел 2.4). Вторая глава посвящена функционированию указательных местоимений в памятниках XV в. Рассматриваются не только местоимения *сь* (*сеи*, *сесь*) и *тъ* (*тотъ*), но и зафиксированные в текстах этого периода местоимения *оныи*, *такои*, *таковъ*. Вторая глава завершается сопоставлением системы указательных местоимений, реконструированной по данным исследованного материала XV в., с данными, полученными на основании памятников XIV в. В третьей главе рассматривается функционирование указательных местоимений в памятниках XVI–XVII вв., затем полученные выводы сопоставляются с выводами, сделанными на основании анализа текстов предшествующих периодов. В заключении обобщаются результаты исследования.

Примеры даются курсивом, указательные местоимения или указательные группы (используется термин Е. В. Падучевой: указательная группа — это «сочетание указательного местоимения с существительным» [Падучева 2010: 158]) подчеркнуты сплошной чертой, антецеденты, где это необходимо, — пунктирной чертой. Добавленные издателями знаки препинания и заглавные буквы, а также заполненные на основании позднейших списков пропуски оставлены в некоторых цитируемых примерах, чтобы более понятно передать содержание грамоты.

После каждого примера указан источник, причем используются следующие сокращения: **Ц** — грамоты великорусского центра [Духовные и договорные грамоты 1950], **Н** — новгородские грамоты [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 9–315], **П331–348** — псковские грамоты [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 317–338], **П33** — псковская грамота [Марасинова 1966: 72–73], **Р** — рязанские тексты [Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край 1978], **Ю** — южнорусские документы [Памятники южновеликорусского наречия 1993], **М** + римская цифра, обозначающая номер раздела — московские документы [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968]. После сокращения указан номер грамоты в издании.

Глава 1. Функционирование указательных местоимений в грамотах XIV века

В качестве материала для анализа употреблений указательных местоимений в языке деловых документов XIV в. были взяты подлинные грамоты великорусского центра, новгородские и псковские, датированные издателями XIV в. [Духовные и договорные грамоты 1950: 1–42; Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 15–33, 62–83, 142–146, 163–166, 285–286, 317–318; Марасинова 1966: 72–73].

1. Местоимение *сь (сеи)*²

В исследуемых нами грамотах местоимение *сь (сеи)* встречается в форме атрибутивов и субстантивов. Оно не представлено какой-либо застывшей формой и не составляет ограниченное количество словосочетаний, а свободно изменяется по падежам.

Основная функция местоимения *сь (сеи)* — **дейктическая**. Оно сохраняет древнее значение ‘ближний к говорящему или пишущему’.

Рассмотрим случаи использования **атрибутива** *сь (сеи)*, обнаруженные в нашем материале XIV века.

Атрибутивы *сь (сеи)* обладают функцией **пространственного дейксиса** и обозначают предмет, близкий в пространственном отношении. Они используются в словосочетании *си грамота*, называя саму грамоту, в тексте которой находится местоимение. Указательная группа может отсылать к ней как к физическому объекту:

А кто привезлъ грамоту сию, тому вѣры имите (‘поверьте’) НЗ6,

И о(те)ць мои Олексѣи, митрополитъ всея Руси, и пе[чя]ть свою при[вѣсилъ] к сеи грамотѣ Ц8,

или к ее содержанию:

² Содержание данного раздела отражено в статье «**Функции указательного местоимения *сь* в деловой письменности XIV–XV вв.**» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, №3, 2022.

А послус(и)³ на сию грамоту... Ц8,

жити ны по сей грамотѣ Ц7.

Вместо существительного *грамота* может быть употреблен синоним:

А кто на се цѣлованье наступитъ, на того богъ и святая богородица ‘если кто-то нарушит этот договор, против того пусть будут Бог и святая Богородица’ Н18,

А пишу вамъ се слово того дѣла, чтобы не перестала память роди[те]лии нашихъ и наша ‘пишу вам этот текст для того, чтобы не исчезла память о нас и наших родителях’ Ц3.

Атрибутив *съ (сеи)* используется в функции пространственного дейксиса и в тех случаях, когда нужно назвать местность, близкую к составителям документа:

А которая дѣла оучинаѡса межи нами, и намъ отъслати своихъ бояръ, инѣ исправу⁴ оучина^м. А о чемъ сопрутъса, ини ѣдутъ к митрополиту. А не буде^м митрополи^м в сеи землѣ, инѣ на третей, кого себѣ изберутъ. А которыхъ бояре оумолваѡтъ, то подоиметъ кна³, которого оумолваѡтъ, а бояромъ вины нѣтъ ‘если между нами будет спор о каком-то деле, то нам нужно отправить своих бояр, они решат это дело на суде. А если они не договорятся, пусть едут к митрополиту. А если митрополита в этой земле не будет, пусть едут на третейский суд к судье, которого сами выберут. Какого князя бояре признают виновным, тот пусть примет на себя вину, кого они осудят, а сами бояре ни в чем не виноваты’ Ц11 (докончание князя Дмитрия Донского с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, 1389 г.).

В это время на Руси был только один митрополит — Киевский и всея Руси. В 1325 году митрополичья кафедра была перенесена в Москву.

³ Послухъ – «свидетель на суде, в тяжбе, при заключении сделки» [СлРЯ XI–XVII 17: 188].

⁴ Исправа – «судебное разбирательство; решение, принятое в результате судебного разбирательства» [СлРЯ XI–XVII 6: 287]

Словосочетание *в сеи землѣ* с местоимением в дейктической функции означает ‘в этой земле’, ‘в нашей земле’, то есть ‘в Москве’.

Другой схожий пример:

А чт[о сѧ мнѣ] достали мѣ[ста Рязань]скаѧ на сеи сторонѣ Оки, ис ты^х мѣсть да¹ есмь кня³ Володи[меру], в Лопастны мѣста, Новыи городокъ на Оустѣ Поротли ‘рязанские поселения на этой стороне Оки, которые мне достались, — из них я дал князю Владимиру вместо Лопасны Новый городок на устье Протвы’ Ц4а.

В этом примере *сеи* берег — явно ближний к пишущему, то есть к Москве. Это подтверждают и выводы историков: Новый городок, или Городец, находился недалеко от впадения Протвы (в нашем тексте — Поротли) в Оку [Сахаров 1959: 100] — это северная, ближняя к Москве сторона Оки.

В новгородской грамоте («Нибуров мир») несколько раз используется словосочетание *се поморье*:

Се приѣха Иванъ Нибуръ из Люпка посольствомъ... ис Колываня Григорья Витъ, и от всихъ купьцовъ заморьскихъ и се сторонѣ поморья к посаднику... Иванъ Нибуръ люпскыи повѣстовале и его дружина Иньца Вландерь и Федоръ Куръ заморьскыи посолъ, и на сомъ поморьи Тилка из Ригы, и Еремъги и Винька изъ Юрьева, ис Колываня Григорья... а по томъ за[мо]рьскимъ нѣмѣцькимъ купьца[мъ] и на сомъ поморьи ничто не надобѣ⁵ Н46.

Си сторона поморья, се поморье противопоставляется другим землям как часть берега Балтийского моря, ближняя к Новгороду: на *сем поморье* оказываются послы из Риги, Нарвы (Юрьева) и Таллина (Колываня), но не из Любека и Готланда (которые называются *заморьскими*).

⁵ Не надобѣ — «не касается, не относится» [СлРЯ XI–XVII 10: 72].

Наконец, указательная группа с *съ* (*сеи*) употребляется в так называемой «проезжей» грамоте. Приведем ее целиком:

От великого князя Анѣдрея, от посадника Смена, от тысяцкого Машка, от всего Новгорода. Се приеха Иванъ Бѣлый из Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инча Олчатъ из Ригы от своей братии, от своихъ купѣчь латиньского языка. И дахомъ имъ 3 поуты горьнии по своей волости, а чѣтвертыи в рѣчкахъ. Гости ехати бесъ пакости на божии ручѣ и на княжи и на вьсего Новгорода. Оже будетъ не чистъ путь в рѣчкахъ, князь велитъ своимъ мужемъ проводить сии гостѣ, а вѣсть имъ подати ‘От великого князя Андрея, от посадника Семена, от тысяцкого Машка, от всего Новгорода. Вот приехал Иван Белый из Любека, Адам из Готланда, Инча Олчат из Риги от своей братии, от своих купцов-католиков. И мы отвели им три пути сухопутных по нашим владениям, а четвертый — по речкам. Пусть купцы едут без вреда, с помощью Божьей, князя и всего Новгорода. Если будет труден путь по речкам, то князь пусть велит своим мужам проводить этих купцов и им сообщить’ НЗ4.

В данном случае можно посчитать функцию указательного местоимения анафорической, ведь в предшествующем тексте купцы названы и даже употреблено слово *гостѣ*. Однако на фоне всех остальных примеров нам кажется более правильным считать его функцию дейктической: указательная группа не столько отсылает к прежде упомянутым купцам, сколько называет ближайших к грамоте людей: тех, кто ее везет, кому она была дана и кто в будущем даст ее прочесть новгородцам в качестве подтверждения возможности проезда.

К области **временного дейксиса** относятся указательные группы с атрибутивом *съ* (*сеи*), называющие актуальную ситуацию, по результатам которой пишется документ:

А кто бу^{д(е)}тъ бояръ и слугъ къ тобѣ, брату моему молодшему, от мене отѣѣха^л до сего докончанья, или по сѣмь докончаньи к тобѣ приѣдетъ, на тыхъ ми нелюбья не держати ‘если кто-то из бояр и

служителей к тебе от меня ушел до этого нашего договора или приедет после, то к ним я вражды не имею' Ц5;

а также ситуацию, ближайшую к моменту написания грамоты:

А что сель или людии новгородскихъ в сию замятню заложилось за князя и за княгину... 'а какие новгородские села или крестьяне во время этого похода присягнули князю и княгине...' Н11.

Местоимение может также явно участвовать в дейктической оппозиции:

А что князь Михаилу на первомъ перемирь(е), на другомъ и на третьемъ которая бу^дтъ мѣста пограби^л в нашей очинѣ, в велико^м княженъи, а то князю великому Ольгѣрду мнѣ чистити^б, то князю Михаилу по исправѣ подавати наза^д... А от сего перемирья, от оспожына заговѣнья до Дмитриева дни, а иметъ кн^а Михаилу что пакостити в нашей очинѣ, в великомъ княженъи, или грабити, намъ с^а с нимъ вѣдати самимъ Ц6.

Похожий пример в новгородской грамоте:

И такоже послы заморьскыи... хрестъ целовалъ по сому доконьцанию и по старому хрестному целованию держати безо всякой хитрости 'и заморские послы также поклялись соблюдать этот договор и старый договор без обмана' Н46.

В этих грамотах местоимение входит в дейктическую временную оппозицию «с^ь — предыдущий», то есть 'договор актуальный, тот, который мы сейчас заключаем' (в примерах подчеркнуты) — 'все прежние договоры' (в примерах выделены полужирным шрифтом).

Оппозицию в сфере временного дейксиса мы находим и в формуле, где противопоставляются *сии вѣкъ* и *будущии*:

А хто сию грамоту порушитъ, суди^т ему Б(ог)ъ, а не буде^т на не^м моего бл(а)г(о)^{с(лове)}н^я ни в сии вѣ^к, ни в будущии 'если кто-то нарушит

^б Чистити, очищать – «делать свободным от долгов, недоимок, залогов и т.п. при передаче прав собственности» [СлРЯ XI–XVII 14: 102].

условия моего завещания, пусть его осудит Бог и пусть на нем не будет моего благословения ни на этом свете, ни на том' Ц12.

Атрибутив *сь* (*сеи*) во всех перечисленных случаях не образует анафору, то есть не отсылает к предыдущему тексту. Прототипический случай анафоры при помощи указательных местоимений-атрибутивов выглядит следующим образом: сначала предмет упоминается как неопределенный, принадлежащий множеству однотипных объектов, а затем в последующем тексте он выделяется из этого множества при помощи указательного местоимения, образуя определенную именную группу, например:

В комнату вошла женщина. Эту женщину я видел когда-то у приятеля (пример Е. В. Падучевой) [Падучева 2010: 158–161].

Определенная именная группа — термин Е. В. Падучевой: «Именной группе со статусом определенности соответствует презумпция существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего» [Падучева 2010: 87].

Ни в одном из наших примеров именная группа с атрибутивом *сь* (*сеи*) не отсылает к какому-то предмету, который упомянут в предыдущем высказывании как неопределенный. Конечно, в случаях со словосочетаниями *си грамота* нельзя игнорировать формульный зачин в самом начале грамот 1, 3, 4 и 12 *се язъ ... пишу **грамоту** душевную*, но представляется более верным, что именная группа с *сь* (*сеи*) отсылает к самой грамоте, которую пишущий и читающий держат в руках, а не к первому употреблению слова *грамота*, которое в большинстве случаев находится в тексте слишком далеко от именной группы с *сь* (*сеи*). Нельзя изменить вышеприведенный пример Е. В. Падучевой, добавив между первым и вторым высказыванием какую-то новую информацию, не относящуюся к *женщине*, — станет неясно, о какой *этой женщине* идет речь в последнем высказывании, нарушится анафорическая связь. В

наших же случаях между первым упоминанием о *грамоте* и сочетаниями с *сь* (*сеи*) находится множество новой информации.

Теперь проанализируем случаи употребления *сь* (*сеи*) в функции **субстантива** (*се*). Почти во всех этих случаях (кроме нескольких примеров, приведенных далее) *се* обозначает грамоту или ее содержание.

Субстантив *се* употребляется в составе фиксированных формул *на семь цѣлуи крестъ* или *на семь цѣловали есмы* (*цѣловаль*, *цѣлуеть*) *крестъ* ‘клянись (или клянусь) всё это выполнять’, которая может находиться как в начале (Ц2), так и в конце грамоты (Ц5, Ц11, Ц13, Н11) или повторяться дважды — в начале и в конце грамоты (Н17), например:

На семь на всемь целовали есмы кр(е)с^стъ Ц2,

На семь, господине, Новгородъ всь крьстъ цѣлуеть Н15.

В двух грамотах в формуле *на сю грамоту послуи* словосочетание *си грамота* заменено на субстантив *се*:

А на се послуи: о(те)ць мои д(у)ш(е)вьныи Юфрѣмъ... Ц1а,

Послухи сему Борис посадник да Петр П333, список XVII в.

Есть также несколько неформульных употреблений субстантива *се*, аналогов которым нет в других грамотах похожего жанра:

А сю грамоту писалъ есмь пере^о своими отци: пере^о владыкою володимерьскимъ пере^о Олексѣемъ,... пере^о своимъ отцемъ душевнымъ, попомъ Евсевиемъ. А все есмь се положилъ на Б(о)зѣ и на своей братьѣ Ц3. Интересующую нас часть текста *все есмь се положилъ на Бозѣ и на своей братьѣ* можно перевести как «всё это поручил Богу и своим братьям» [СлРЯ XI–XVII 16: 238]. В данном случае *се* заменяет ‘завещанное князем в этой грамоте’, содержание грамоты.

Другое неформульное употребление:

Послаше Новгородъ Юрья и Якима къ княз[ю] к Михаилъ на Тфѣрь, а велѣлъ мир[ъ] имати на семъ. Аже братью нашу попуца[ти] без окупа новгородскихъ бояръ ... или х[то да]нъ на пор[ук]ъ новгородъчь ил[и] новоторжанин[ъ], а с тыхъ порука на зен[ъ]... ‘Послал Новгород

Юрия и Якима к князю Михаилу в Тверь и велел договариваться о мире на этих условиях: что наших братьев, новгородских бояр, отпускать без выкупа... или с тех, кто из новгородцев и новоторжцев дан на поруки, поруку снять' Н17.

Во всех встреченных нами примерах *се* относится только к тому, что связано с грамотой, в которой оно употреблено. Не всегда можно однозначно понять, имеется ли в виду содержание грамоты или грамота как физический объект. Если *се* отсылает к содержанию грамоты, то в этом случае можно предположить, что оно обладает анафорической функцией. Но в таком случае оно выполняет эту функцию очень ограниченно: во-первых, антецедентом всегда является содержание всей грамоты, им не может быть любой предмет или пропозиция; во-вторых, местоимение относится не только к тому, что было упомянуто прежде, но вообще ко всему, что написано в грамоте, до и после употребления местоимения. Местоимение в таком случае не отсылает читателя в узком смысле назад, то есть к прежнему тексту. Например, с субстантива начинается грамота Ц13:

На семь, брате молодиии, князь Володимеръ Аньдръевичъ, целуи ко мнѣ кр(е)^стъ Ц13.

В этом случае очевидно, что *се* не отсылает к предыдущим высказываниям.

В некоторых новгородских грамотах XIV века в тех же самых формулах писцы начинают использовать субстантив *то* вместо *се*:

На томъ Яковъ да Иванъ из Любка, да Григоръи да Иванъ из Гоцкого берега хръсть цѣловалъ Н45.

Можно предположить, что местоимение *сь* (*сеи*), ранее имевшее анафорическую функцию и свободно употреблявшееся в ней, находится в процессе ее утраты и сохраняет ее только в тех случаях, когда анафору поддерживает дейксис — указание на то, что близко к пишущему. И даже

в этих случаях некоторые писцы предпочитают заменять традиционное *се* на анафорическое местоимение *то*.

В грамотах XIV века есть также несколько примеров употребления субстантива *се* в дейктическом значении ‘настоящий момент’:

А что буде сонналося купьцю с купьцомъ с обѣ половинѣ, или по семь соннется, а то знати исцю исца ‘если насчет какого-либо дела был спор у купцов с разных сторон [договора] или будет, то пусть истцы разбираются сами’ Н46.

В грамотах центра такие употребления находятся только во фрагментах плохо сохранившихся грамот, контекст и значение местоимения можно восстановить только путем сопоставления с аналогичными выражениями в других грамотах:

Или кто по семь что кто прикупить... (далее текст утрачен) Ц2,

А что переже сег^о... (далее текст утрачен) Ц7.

Есть такое употребление и в позднем списке:

А что еси целова^л к на^м наперед^о сего, что буде^т на ко^м не взато... ино взатое отъдати ‘по тому, как мы ранее договаривались, если какие-то долги остались, то надо их отдать’ Ц9, 1375 г., список XVI в.

Таким образом, и атрибутивы, и субстантивы *сь* (*сеи*) имеют дейктическую функцию, обозначая близкие говорящему, пишущему или читающему предмет или ситуацию в пространственном или временном отношении. Некоторые примеры могут быть трактованы как свидетельства анафорической функции, однако во всех этих случаях, разобранных выше, она поддерживается дейктической. Кроме того, есть свидетельства замены местоимения *сь* (*сеи*) в этих контекстах на анафорическое местоимение *тѣ*, что может свидетельствовать о нежелании пишущих использовать *сь* (*сеи*) в качестве анафорического местоимения.

2. Местоимение *тъ (тотъ)*⁷

Местоимение *тъ (тотъ)* — самое распространенное указательное местоимение в исследованном нами материале. Если *сь (сеи)*, как предполагается, выполняло в основном только дейктическую функцию, то *тъ (тотъ)* должно брать на себя все остальные: функцию анафоры и функцию детерминатива (слова-заместителя придаточного предложения).

2.1. Местоимение *тъ (тотъ)* в анафорической функции

2.1.1. Атрибутивы *тъ (тотъ)* в составе указательной группы могли отсылать к прежде упомянутым **предметам, людям или ситуациям**.

При отсылке к **предметам** может использоваться то же существительное, которое уже было употреблено в позиции антецедента:

А княгини Оульяна по о(т)ца м[оего, князя] великого, грамотъ по дивной въдаеть волости и осмничье и се⁷ до св[оего живота], а по ее животъ тъ волости и села и осмничье дѣтемъ моимъ ‘А княгиня Ульяна в соответствии с завещанием моего отца, князя великого, владеет землями, и пошлинами, и селами до своей смерти, а после ее смерти эти волости и села и пошлины — моим детям’ Ц4б;

А за все за то взяти князю у Новагорода двѣнадцать тысячи серебра... и что взял Федоръ Юрьевичъ и Елферии Жидьслаичъ у т[алиц]иковъ и у Машка з дѣтьми, а то поиде в ту же двѣнадцать тысячи серебра... ‘что взял Федор Юрьевич и Елферий Жидьславичъ у пленников и Машка с детьми, то будет причислено к тем же 12 000 серебра’ Н11.

Или же в указательной группе может быть употреблено прежде не упомянутое слово, синоним:

⁷ Содержание данного раздела отражено в статье «Функционирование местоимения *тъ (тотъ)* в деловой письменности XIV–XV вв.» // Litera, № 6, 2022.

А коли дѣтемъ мои^м взати да^н на своеи о(т)ч(и)нѣ, чѣмъ есмь и^х бл(а)г(о)^{с(ло)}вилъ, и с(ы)нѣ мои, княз^з Василеи, возме^т съ своего оудѣла с Коломны и со всѣ^х Коломенъски^х волостии триста ру^б и соро^к и два ру^б, и княгини моя дастъ ему в то серебро с Пѣсочны 50 ру^б бѣ^з 3-хъ Ц12 (синонимы 342 руб — то серебро).

А что с(я) ни дѣало дотолѣ, ка^к есма целовали кр(е)^стъ, томоу въсему погре^б до Сп(а)с(о)ва преображе^на дни за четыре дни. А су^д вопчиши ме^ж насъ в^т того праздника всему ‘что ни происходило до того времени, как мы заключили договор, за 4 дня до праздника Преображения, то всё забудем. А всё после этого праздника будем судить общим судом’ Ц10, список XV в.

Но таких примеров немного, например, их вообще нет в новгородских грамотах XIV в. Видимо, более предпочтительным был повтор того же существительного.

Указательные группы с *тѣ*-атрибутивом могли отсылать и к прежде упомянутым **людям**.

Се язъ, князь великии Олгѣрдъ... и князь великии Св(я)тѣславъ Иванови^ч [по]слали есмы своихъ пословъ къ брату къ своему... и ко князю к Володимеру Аньдрѣеви^ч княза Бори^с Костантинови^ч, княза Аньдрѣя Иванови^ч, княза Юрья Володимирови^ч, Дмитрея Обиручева, Меркурѣя, Петра, Лукѣяна. Тѣ послове оучинили межы на^с перемирье (‘эти послы заключили между нами перемирие’) Ц6,

Отдаите тои товаръ погыблымъ людемъ, обыся просто не уцинилося, занеже тыхъ погыблыхъ людей боле двусотъ человекъ в томъ товаръ ‘отдайте [арестованный вами] товар людям, потерпевшим убыток, чтобы не сделать неразумно, потому что владельцев этого товара — больше 200 человек’ Н44.

В московских грамотах есть 1 предложение, где указательная группа с *тѣ* (*тотъ*) отсылает **к ситуациям**:

А чего ми бу^{д(е)}тъ искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати от собе по боярину, тѣ тому дѣлу оучинять исправу ‘если мне нужно будет подать в суд на твоих бояр или тебе — на моих, то нам нужно будет отправить каждому по боярину, они это дело будут судить’ Ц5, то дѣло — суд князей над чужими боярами;

Указательная группа с *тѣ (тотъ)* может называть не только в целом упомянутую прежде ситуацию, но и **компонент** этой **ситуации**:

Буди вамъ свѣдомо: братьи нашей побито на морѣ 12 человека в ѣдной лодѣ, и тѣи товаръ разбойники привезлѣ к вамъ в Любокъ ‘пусть вам будет известно: на 12 наших соотечественников в одной лодке напали в море, а украденный товар разбойники привезли к вам в Любек’ Н44; тѣи товаръ — украденный товар побитой братьи с лодѣ;

А володимерьскіи послы, какъ ты выѣха^л и(з) своѣ о(т)ч(и)ны, а тотъ проторъ намъ не надобѣ Ц13 ‘а что касается владимирских послов, после того, как ты выехал из своей вотчины, — эти издержки на них к нам не относятся’; тотъ проторъ — издержки на владимирских послов.

Это одна из особенностей указательной группы, описанная Е. В. Падучевой: указательная группа может относиться «к такому объекту, наличие которого в описываемой ситуации вытекает из смысла слов, хотя этот объект не назван никакой отдельной единицей поверхностного уровня». В качестве примера Е. В. Падучева приводит такое предложение: *Продам мешок огурцов — на эти деньги курицу куплю* (Толстой). [Падучева 2010: 159]. Герберт Г. Кларк использовал для таких случаев термин «бриджинг» [Падучева 2016: §3.1.3, Clark 1977].

2.1.2. Рассмотрим теперь предложения с **субстантивированными атрибутивами** *тѣ (тотъ)*.

Во всех найденных предложениях субстантивированные атрибутивы *тѣ* отсылают к прежде упомянутым **людям**. Впрочем, чаще всего в грамотах для отсылки к людям используется местоимение *онъ—его*:

*А приказываю ⁸ тобѣ, с(ы)ну своему Семену, братю твою
молодшую и княгиню свою с мен(ь)шими дѣтми, по Б(о)зѣ ты имѣ
будеши печальникъ⁹ Ц1а,*

*А Бориса Костянтиновица кѣрмилъ Новгородъ Корѣлою; и онъ
Колѣлу всю истерялъ и за нѣмѣмъ загонилъ ‘князь Борис Константинович
получал плату от Новгорода данью с карелов, но он утратил это право,
потому что не смог воспрепятствовать германцам завоевать карелов’ Н8.*

Но в некоторых малочисленных случаях вместо местоимения *онъ*—
его используется местоимение *тѣ* (*тотѣ*):

*Чего ми бу^{д(е)}тѣ искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ
на моихъ боярехъ, намѣ отослати от себе по боярину, тѣ тому дѣлу
оучинять исправу. А ци о [каковѣ дѣлѣ] межѣ себе сопрутса, гхати имѣ
на третиѣ, кого собѣ изберуть, тамо гхавѣ, перемолвѣтса ‘если мне
нужно будет подать в суд на твоих бояр или тебе — на моих, то нам нужно
будет отправить каждому по боярину, они это дело будут судить. А если
о чем-то они не смогут договориться, то пусть устроят третейский суд с
судьей, которого выберут сами, и там договорятся’ Ц5.*

*А холопъ или половникъ¹⁰ забѣжитъ въ Тфѣрьскую волость, а
тѣхъ, княже, выдавати Н7, 1304–1305 гг.*

*А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры не
яти ‘если холоп или раба станут клеветать на владельца, то не верь этому’
Н6, Н9, Н10, Н14, Н15 (формула, употребленная в нескольких грамотах;
нельзя с точностью даже сказать, употреблен ли в ней
субстантивированный атрибутив или субстантив *то*: *вѣры не яти тому*
— человеку или высказанным обвинениям? Фраза, на наш взгляд, может
допустить оба толкования).*

⁸ Приказывати – «поручать чѣм-л. заботам, отдавать под чѣе-л. покровительство» [СлРЯ XI–XVII 19: 173].

⁹ Печальникъ – «заступник, защитник, покровитель, опекун» [СлРЯ XI–XVII 15: 33].

¹⁰ Половникъ – «лицо, подрядившееся обрабатывать землю за половину урожая в качестве платы за пользование ею» [СлРЯ XI–XVII 16: 233].

Следует отметить, что во всех этих примерах местоимение отсылает не к определенным людям, а к любым, которые будут отвечать условиям, описанным в предыдущей клаузе: любой боярин, которого выберут князья для суда, любой холоп, который *збѣжитъ въ Тфѣрьскую волость* или будет жаловаться на хозяина, и т.д. Это сближает такие примеры с местоимениями в функции детерминатива, о которой пойдет речь в соответствующем разделе (2.3). В функции детерминатива субстантивированные атрибутивы употребляются регулярно, чего нельзя сказать об анафорической функции. Интересно, что в текстах на церковнославянском языке, переведенных русскими книжниками в этот же период, в XIV в., субстантивированный атрибутив *тъ* часто используется для отсылки к прежде упомянутым людям [Афанасьева 2019: 104–114].

В московских грамотах встречаются предложения с конструкцией особого типа, которую можно условно определить как «название объекта + *тъ* (*тотъ*)» и назвать конструкцией с двойным обозначением, **или сегментированной конструкцией**, вслед за А. С. Поповым, который употребляет термин Шарля Балли. «Сегментированная конструкция состоит из сегмента, который представляет собой выделенную и подчеркнутую тему, и основы (основной части) с местоименным коррелятом темы» [Попов 1964: 256, 273]. В этой конструкции часто используется субстантив *то*, но встретились и два предложения с субстантивированными атрибутивами, которые отсылают к сегменту-теме:

А численыи лю^{δ(u)}, а тѣ въдаютъ с[ы]н[о]ве мои собча, а блю^{δ(y)}тъ вси с одного ‘податные люди — а те принадлежат всем моим сыновьям вместе, а управляют ими все сообща’ Ц1а,

А ординци¹¹ и дѣлюи¹², а тѣмъ знати своя служба, како то было при нашемъ о(т)ци ‘ордынцы и татарские ремесленники — а те пусть занимаются своей службой, как было при нашем отце’ Ц13.

Таким образом, можно сказать, что субстантивированные атрибутивы *тъ* (*тотъ*) могли использоваться в анафорической функции для отсылки к прежде упомянутым людям, но это происходило редко (около 10 примеров на весь корпус грамот XIV в.), вместо указательных местоимений в таких контекстах предпочтительнее использовалось местоимение *онъ—его*.

2.1.3. Перейдем к анализу употреблений **субстантива** *то*.

Это местоимение способно отсылать как к антецеденту-предмету, так и к антецеденту-ситуации, описанной в предыдущих высказываниях. Часто *то*-субстантив в анафорической функции является нейтральным обозначением **ситуации**, описанной в предыдущих предложениях:

А гдѣ бу^{д(е)}тъ кнѧ^{з(б)} Михаило восла^т в нашу о(т)чину, в великое кнѧженъе, намѣсни^{к(и)} или волостели, и тыхъ ны сослати доловъ, а не поѣдутъ, и намъ ихъ имати, а то отъ на^с не в ызмѣну ‘а если где-то князь Михаил поставил в нашей вотчине наместников или управителей, то их нам выслать, а если они не поедут, то нам их арестовать, и это не будет считаться нарушением договора’ Ц6; *то* — гипотетическая ситуация ареста наместников и волостелей тверского князя Михаила Александровича на территории великого княжества Московского [Черепнин 1948: 47];

А на Козловѣ бродѣ слати ти своего данщика, тѣмъ та есмъ пожалова^т ‘на Козлове броде ты собираешь дань, этим я тебя пожаловал’ Ц11; *то* — право собирать дань с Козлова брода.

¹¹ Ординецъ, ордынецъ — «лицо, поселенное на землях великого князя и занятое обслуживанием сообщения с Ордой» [СлРЯ XI–XVII 13: 65].

¹² Дѣлюи — «тяглые люди, ремесленники, обслуживавшие татарских должностных лиц, послов» [СлРЯ XI–XVII 4: 211].

А не выне[су]ть то[б]ѣ княжения велико[го из] Орды, поити твоимъ намѣстникамъ из Новгорода проць и из новгородскихъ пригородовъ, а в томъ Новгороду измѣны нѣту ‘а если ты не получишь ханский ярлык на княжение, то пусть твои наместники уходят из Новгорода и новгородских земель, это не будет считаться нарушением договора’ Н15; *то* — изгнание наместников князя Михаила Александровича из Новгорода;

А учинится тат<ь>ба¹³ от двинскихъ людей съ поличнымъ, инѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ великимъ княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу Н88; *то* — воровство.

Субстантив также мог отсылать к **предмету** или предметам, но не к живым людям:

А князь Иванъ дастъ князю Василью съ Сохны пать ру^б, а с Раменеица дастъ князю Петру пать ру^б. А то возму^т в тысячю ру^б Ц12; *то* — дань: по пять рублей с Сохны и с Раменьица.

Съ лодии на Устюзѣ намѣстникомъ два пуза¹⁴ соли, а с воза двѣ бѣлки, а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники, ничего ‘с каждой лодки на Устюге наместникам полагается пошлина в два пуза¹⁴ соли, а с повозки — две белки, а кроме этого ни наместники, ни таможенники пусть не берут ничего’ Н88 (Уставная грамота Двинской земле, 1397 г., список XV–XVI вв.).

Субстантивы *то* используются и в сегментированных конструкциях, о которых шла речь выше. В таких предложениях предмет, о котором идет речь, сначала называется существительным в именительном или винительном падеже, а далее в основной части это название заменяется субстантивом *то* в среднем роде, в единственном числе и в том падеже, в котором должен стоять актант предиката.

¹³ Татьба – «воровство, кража» [СлРЯ XI–XVII 29: 224]

¹⁴ Пузь — «мера объема сыпучих тел на Русском Севере (Подвинье), по своему объему пуз был равен московской полуосьмине и вмещал в себя 1,5 пуда ржи и 3 пуда соли» [Романова 2017: 213].

Предложениями с сегментированной конструкцией мы можем назвать следующие:

А чело и гривну, то есмь да¹ при собе ‘а головной убор и украшение на шею, а это отдал еще при жизни’ Ц1а,

А бортъници въ станѣ^x в городски^x, и конюшии путь, и сокол(ь)ничии, и ловчии, тѣ^m с[ы]н[о]ве мои подѣлать^c ровно ‘а дань с бортников в землях около городов, и конное, сокольниче и охотничье ведомство, ими пусть мои сыновья поделаются поровну’ Ц12,

а также еще 4 аналогичных примера с отсылкой к разным предметам в грамотах Ц1а, Ц11, Ц12. В новгородских грамотах XIV в., как и в случае с субстантивированными атрибутами, такие конструкции не были зафиксированы.

В наших примерах сегментированная конструкция помогает сразу определить тему высказывания. Это необходимо для такого жанра, как духовная грамота: сначала называется предмет, а затем то, что с этим предметом следует сделать по завещанию после смерти князя. Такая конструкция оказывается очень удобной, и, вероятно, поэтому случаев ее использования немало.

В целом субстантив *то*, как нам кажется, обладает такими же характеристиками, что и современное местоимение *это*, которое описано Е. В. Падучевой. Приведем несколько особенностей этого местоимения в современном русском языке.

Чаще всего у местоимения *это* предикативный антецедент:

Инспектор ходил по классу, ничего не говоря, а это был дурной знак (пример Е. В. Падучевой, антецедент — ситуация хождения инспектора). Кроме высказываний с предикативными антецедентами, Е. В. Падучева описывает высказывания, где антецедент у местоимения *это* субстантивный, то есть именная группа:

Какое дело мне до твоих страстей! Плевать мне на это (на твои страсти);

Баба говорила, что лучше всего съездить на святое место. Это (святое место, о котором говорила баба) *где-то там, за горами* (примеры Е. В. Падучевой).

Часто антецедент *это* может быть размытым и неопределенным, например, «в реплике князя *Разве это возможно?* в одной из последних сцен романа "Идиот" для восстановления содержания отсылки нужна чуть ли не целая глава» [Падучева 2010: 164–166].

Процитированное выше можно отнести и к употреблению местоимения *то* в наших предложениях.

Таким образом, материал наших грамот показывает, что местоимение *тъ* (*тотъ*) последовательно принимает на себя анафорическую функцию, отсылая к предыдущему тексту в виде указательной группы с местоимением-атрибутивом *тъ* (*тотъ*), субстантивированного атрибутива *тъ* (*тотъ*) и субстантива *то*. Указательные группы с атрибутивом *тъ* (*тотъ*) отсылают к прежде упомянутым ситуациям, предметам, людям. Субстантивированные атрибутивы *тъ* (*тотъ*) отсылают только к прежде упомянутым людям, а субстантивы *то* — к предметам и к ситуациям, а также к компонентам ситуаций. Субстантивированные атрибутивы и субстантивы использовались как в рамках сегментированной конструкции, так и вне ее.

2.2. Местоимение *тъ* (*тотъ*) в артиклевой функции

Указательное местоимение *тъ* (*тотъ*) в грамотах может также выполнять функцию, близкую к функции **определенного артикля**. Это касается лишь местоимений-атрибутивов. Местоимения в этой функции используются не так, как свойственно указательным местоимениям в современных языках (в современном русском языке по описанию Е. В. Падучевой [Падучева 2010], И. И. Ревзина [Ревзин 1973] и в иберо-романских языках по описанию Е. М. Вольф [Вольф 1974]; подробно

артиклевая функция указательных местоимений в современном русском разговорном языке и в диалектах рассмотрена в работах Р. Ф. Касаткиной, например, в [Касаткина 2007, 2012]).

В некоторых грамотах последней четверти XIV в. отмечена способность указательных местоимений использоваться **для постоянного обозначения** одного и того же предмета:

Буди вамъ свѣдомо: братьи нашей побито на морѣ 12 человека в ѡдной лодѣ, и тыи товаръ розбойники привезлѣ к вамъ в Любокъ. ... Игнате с Готкого берега своими складники и с ратманы стоколомъскими отѣмля[лѣ] товаръ силно и послалѣ к вамъ в Любокъ торговать. И вы, то услышавъ, аже у нашеи братьи товаръ отѣмалѣ Игнатъ силно, и вы тои товаръ отѣмалѣ. И нынѣ тако вамъ повѣствуемъ, по хрестьному чelованью: отдаите тои товаръ погыблымъ людемъ, обыся просто не уцинилося, занеже тыхъ погыблыхъ людеи боле двусотъ чelовѣкъ в томъ товаръ ‘Пусть вам будет известно: на 12 наших соотечественников в одной лодке напали в море, а украденный товар разбойники привезли к вам в Любек. Игнат из Готланда со своими компаньонами и с ратманами Стокгольма забрали себе этот товар и отправили на продажу в Любек. И вы, узнав, что этот товар украл Игнат у наших соотечественников, арестовали этот товар. И теперь призываем вас, по нашему договору, отдайте этот товар людям, потерпевшим убыток, чтобы не сделать неразумно, потому что потерпевших убыток — больше 200 человек’ Н44,

А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣозерѣ... та мѣста вѣдаетъ княги[на] Федосья до своего живота, а по ее животѣ то княгинѣ моеи. А тѣми своими примысли встѣми бл(а)г(о)^{с(ло)}вляю княгиню свою, а в тѣхъ примыслѣ^х вол<ь>на моя княгини ‘Судой на Белом озере, которую мне завещала княгиня Федосья, пусть владеет сама княгиня Федосья до своей смерти, а после ее смерти пусть она достанется моей

княгине. Все это, что мне досталось, я оставляю своей княгине, пусть она поступит с этим, как сочтет нужным' Ц12.

Указательные местоимения выделяют объект из класса и не используются для нейтрального обозначения одного и того же предмета без введения дополнительных характеристик и без изменения его категоризации. «В первичном повторе могут участвовать конструкции с любыми детерминативами — с личным или указательным местоимением или артиклем. Последующие указания на референт могут быть оформлены разными видами единичных обозначений, в т. ч. личными местоимениями, собственными именами и т.д., но не указательными местоимениями... Демонстратив не может служить для постоянного обозначения референта» [Вольф 1974: 117–118]. В нашем же материале указательные группы могут повторяться дважды, а иногда выстраиваются и более длинные цепочки обозначений. В данном случае, как нам кажется, можно говорить об артиклевой функции: местоимение не столько отсылает к прежде упомянутому предмету, сколько подчеркивает его определенность, известность.

Однако нельзя называть местоимение в этой функции собственно артиклем — его наличие при определенных именных группах грамматически не обязательно. Это показывает пример из новгородской грамоты Н44: один и тот же товар четырежды называется указательной группой *тыи товаръ* и дважды — существительным *товаръ* без указательного местоимения. Пока мы можем отметить лишь тенденцию к использованию атрибутива *тъ* (*тотъ*) в артиклевой функции, которая разовьется в следующем, XV веке.

2.3. Местоимение *тъ* (*тотъ*) в функции детерминатива

Помимо анафорической функции, местоимение *тъ* (*тотъ*) может выполнять и функцию местоимения-заместителя придаточного предложения, функция (В) по классификации Кржижковой [Кржижкова

1972: 144]. Мы старались различать эти функции и, соответственно, местоимения, отсылающие к придаточным и к непридаточным предложениям, хотя во многих случаях такое разделение может представлять проблему: части сложноподчиненного предложения бывают связаны сочинительным союзом. «Мы имеем здесь дело с явлением, переходным между сочинением и подчинением. В древнерусском эти модели, кроме того, очень слабо отграничены от сложных предложений, выражающих условие, <...> ср. фразу (58) [*а кто речеть судъ, а тому судъ — В. С.*], которую можно истолковать и как относительную, и как условную» [Зализняк, Падучева 1997: 82].

Мы будем опираться в нашем описании указательных местоимений в этой функции главным образом на статью «К типологии относительного предложения» А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1997]. Положения, высказанные в ней, относятся к описанию сложных предложений с придаточными относительными, то есть такими придаточными, в которых показателем связи с главной частью является относительное местоимение. Проблема функционирования указательных местоимений в главной части сложного предложения в этой работе тоже затрагивается, и мы рассмотрим только ту часть статьи, которая непосредственно касается нашей темы.

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева выстраивают типологию относительных предложений исходя из их глубинной структуры. Она представляет собой два исходных предложения (1-ое и 2-ое), связанных между собой связью типа сочинительной, причем в 1-ом предложении есть существительное (или именная группа) C_1 , «для которого во 2-ом имеется дублер C_2 , т.е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительным или именной группой из 1-ого предложения», то есть с C_1 [Зализняк, Падучева 1997: 69]. Например, для предложения

Убежал осел, которого мы любили

выстраивается глубинная структура

Убежал осел. Осла мы любили. (C_1 — *осел*; примеры авторов статьи)

Указательные местоимения могут непосредственно участвовать в образовании из этих двух предложений одного сложноподчиненного двумя способами: либо к C_1 добавляется местоимение-атрибутив, либо C_1 заменяется местоимением-субстантивом. При этом в обоих случаях необходимо добавить в придаточную часть подчинительное местоимение, либо заменив C_2 относительным местоимением-субстантивом, либо добавив к C_2 относительное местоимение-атрибутив.

В зависимости от того, сохранен ли в получившемся сложном предложении хоть один член пары C_1 — C_2 , авторы статьи выделяют два класса относительных предложений: «основной — сложные предложения, где хотя бы один член пары C_1 — C_2 сохранен», и «бессубстантивный — сложные предложения, где и C_1 , и C_2 подверглись устранению (т. е. заменены местоимениями или просто уничтожены)» [Зализняк, Падучева 1997: 72]. В предложениях бессубстантивного класса на месте C_1 и C_2 могут быть только слова с предельно обобщенным значением, как, например, *предмет* или *человек*, так что указательная группа *тот предмет* равнозначна субстантиву *то*, а *тот человек* — субстантивированному атрибутиву *тот*.

Приведем примеры. Возьмем два исходных предложения:

Я говорю о человеке. Ты не знаешь человека. (C_1 — *человек*)

Путем преобразований, описанных выше, можно получить следующие относительные предложения:

Я говорю о том человеке, которого ты не знаешь (основной тип) и

Я говорю о том, кого ты не знаешь (бессубстантивный тип).

Но 1-ое исходное предложение не обязательно должно быть главным, оно может быть и придаточным. В этом случае указательное местоимение добавляется к C_2 или заменяет его. Хотя для современного литературного языка это не характерно, в разговорной речи (и, как мы

увидим дальше, на более раннем этапе развития русского языка) такие предложения возможны. Из наших исходных предложений путем такого преобразования получатся следующие сложноподчиненные предложения:

О котором человеке я говорю, того человека ты не знаешь и

О ком я говорю, того ты не знаешь.

Подобной структурой обладают многие пословицы и поговорки, например:

Кто успел, тот и съел.

В зависимости от положения придаточной части авторы относят каждое относительное предложение к определенному типу. При **классическом** типе 1-ое исходное предложение — главное, 2-ое — придаточное; зависимая клауза находится в постпозиции, относительное местоимение заменяет C_2 или добавляется к нему, например, *Я говорю о том, кого ты не знаешь*. К этому типу относится большинство относительных предложений современного русского литературного языка и почти всех других современных индоевропейских языков. При **архаическом** типе 1-ое исходное предложение — придаточное, 2-ое — главное; зависимая клауза находится в препозиции, относительное местоимение заменяет C_1 или добавляется к нему, например: *Что упало, то пропало*. К архаическому типу относится большинство относительных предложений древнерусского языка, некоторых других древних языков, например, хеттского. Существует также семитский тип, разбор которого не относится прямым образом к нашей теме.

Теперь приведем предложения из нашего материала, которые можно описать с помощью метода, изложенного в статье А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой. Некоторые из этих предложений приведены в самой статье, так как авторы основываются, помимо прочего, на исследуемом нами материале.

Мы начнем с предложений **архаического типа**, в которых придаточная часть предшествует главной. Таких предложений в нашем материале большинство. Прямой чертой, как и в прочих примерах, подчеркнуты указательное местоимение или указательная группа с атрибутивом, а пунктирной — то относительное местоимение (или именная группа с ним), которое образует связь с указательным.

2.3.1. Сначала рассмотрим предложения, в которых при C_2 стоит указательное **местоимение-атрибутив**. Начнем рассмотрение предложений с таких, в которых относительное слово — тоже местоимение-атрибутив, а существительные C_1 и C_2 повторяются. В таких предложениях «соотносительное слово в главном предложении выступает в качестве определенной «скрепы». В предложениях устанавливается соотношение: ... который + сущ., ... тот + сущ.» [Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение 1979: 64]. Функция местоимения в таких предложениях наиболее близка анафорической — указательная группа входит в анафорическую связь с антецедентом-существительным в предыдущей клаузе:

А которые грамоты буду подава^л, а тѣ ми грамоты отоимати ‘[жалованные] грамоты, которые я подавал ранее, теперь мне нужно забрать’ Ц5,

А которая села покуплена при князи при Олександрѣ, при Ярославѣ, при Васильѣ, при Дмитриѣ, при Андрѣѣ, на тѣхъ селѣхъ куны имати у истѣця ‘в судебных делах по поводу сел, купленных при князьях Александре, Ярославе, Василии, Дмитрие, Андрее, брать судебную пошлину с истца’ Н12,

А которые бояре твои живутъ в наши^х оудѣльнѣхъ и въ великомъ княженѣи, а тѣ бояре с тобою Ц13.

Поскольку существительные повторяются, местоимение-союзное слово *которые* нельзя назвать относительным: оно не стало заместителем

существительного-вершины в придаточном предложении и не приобрело свойств относительности [Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение 1979: 58]. «Повторение определяемого слова в главном и придаточном предложениях в рассматриваемых структурах унаследовано от древнего следования простых предложений — показатель несложившейся относительности союзного слова и малой зависимости друг от друга главного и придаточного предложений» [Там же: 59]. В таких случаях можно считать, что анафорическая функция указательных местоимений и функция соотносительного слова нейтрализуются: антецедентом указательной группы является прежде упомянутый предмет или человек.

В роли относительного местоимения-атрибутива может выступать и другое местоимение, например, *что*. В нашем материале слово *что* в качестве показателя связи придаточного с главной частью встречается по меньшей мере в трех функциях: подчинительного союза, местоимения-субстантива (значение то же, что и у местоимения *что* в современном русском языке: *Я сказала то, что думаю*), а также местоимения-атрибутива. Атрибутив употребляется при существительном; об этой функции пишут А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, [Зализняк, Падучева 1997: 81]. В современном русском языке употребление *что* в качестве атрибутива утрачено, реликтом этой функции можно назвать союзное слово *что* в определительных предложениях современного русского языка: «*Дойдите до киоска, что стоит на углу*» [Зализняк, Падучева 1997: 78–81]. В грамотах несогласованный атрибутив *что* употребляется в тех же конструкциях, что и *которые*:

*А что слобода противъ Боровска, та ны слобода свести*¹⁵ Ц13,

А что товаръ поиманъ у новъгородскихъ купецъ и у новоторскихъ из лодги рубежомъ до нов<о>тор<ж>ского взятья, тотъ товаръ

¹⁵ Свести – «переместить, перевести какие-л. объекты, учреждения на другое место; переселить» [СлРЯ XI–XVII 23: 130].

князю Михаилу подавати новгородскимъ купцамъ и новоторскимъ ‘а товар, который был взят у купцов из Новгорода и Торжка из лодок на границе до захвата Торжка, этот товар пусть князь Михаил отдаст купцам из Новгорода и Торжка’ Н18.

Теперь приведем предложения с местоимением *кто* в придаточной части. Местоимение *кто* тоже могло выступать как атрибутив:

А кому^т буде жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ люде^м оучини^т исправу княгини моя ‘если у кого-то из крестьян будет жалоба на управляющих, пусть их рассудит моя княгиня’ Ц12.

Но могла использоваться и форма субстантива:

А хто мои^х бояръ име^т служыти моеи княгинѣ, тѣхъ бояръ, дѣти мои, блюдите с одного ‘а если кто-то из моих бояр будет служить моей княгине, теми боярами, дети мои, управляйте вместе’ Ц12.

В предложении может быть несколько придаточных частей, каждая со своим союзным словом — относительным местоимением, и все они соотносятся с указательной группой с *тѣ* (*тотъ*):

А что грамота на Городицѣ писана, и что в Торъжску писана при Таитемери и влад[ыч]ня серебряная, а тѣ грамотѣ Михаилу князь порѣзалъ ‘А грамоты, которые были написаны в Городке, в Торжке при Таитемере и грамота с серебряной печатью владыки — эти грамоты князь Михаил порезал’ Н13,

А что бу^{д(е)} прикупилъ [селѣ или] примыслилъ или починковъ¹⁶, или которая бу^{д(у)}т сѣла о(т)ца моего великомъ княженѣ купла, или моя сѣла купленая, или бра^{т(а)} моего сѣла, княжи Ивановы, тѣ сѣла и починки с(ы)ну моему Ц8.

Не всегда в относительных предложениях указательная группа отсылает именно к группе союзного слова; при этой связи тоже может

¹⁶ Починокъ – «новое поселение, деревенька на вновь расчищенном участке» [СлРЯ XI–XVII 18: 75].

быть «бриджинг», то есть указательное местоимение может связываться с существительным, называющим компонент предыдущей ситуации:

А что тобѣ Б(ог)ъ дастъ иныхъ мѣсть, опри^с Муромѣ или Торусы, а тотъ проторъ намъ не надобѣ ‘если тебе Бог даст завовать другие земли, кроме Мурома и Тарусы, то подать с них к нам не относится’ Ц13 (указательная группа *тотъ проторъ* вместо *съ тѣхъ селъ проторъ*).

Есть также небольшая группа относительных предложений **классического** типа с атрибутивами *тъ* (*тотъ*): 3 примера в грамотах центра и 3 в новгородских грамотах. В этих случаях указательная группа отсылает вперед, к последующему тексту:

А в томъ докончани кнѣ^{з(б)} Михаило тфѣрьскии, кнѣ^{з(б)} Дмитрии браньскии и тѣ кнѣзи, хто бу^{д(е)}тъ оу кнѣ^{з(я)} великого оу Олгѣрда в ымени его Ц6;

... братъ нашъ Сидоръ былъ въ Стоколмѣ посольствомъ с теми погыблыми (‘потерпевшими убыток’) *люд(ь)ми, которыхъ племя на морѣ побито* Н44,

А ис тѣхъ волости и слобод^о и сел, что есмъ вымалъ оу дѣтии свои^х изъ оудѣловъ, а подавалъ кнѣгинѣ своей, а кому буде^т жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ люде^м оучини^т исправу кнѣгини моя ‘если в тех волостях, слободах и селах, которые я отдал своей княгине из уделов своих сыновей, у кого-то из крестьян будет жалоба на управляющих, то пусть их рассудит моя княгиня’ Ц12,

От архиепископа новгородского владыки Олексѣя, от посадника Юргя, от тысяцкого Матфѣя, от всего Новгорода о той жалобѣ, что у насъ былъ на любцианѣ и на годѣцкѣ бережанѣ ‘От архиепископа новгородского, владыки Алексея, от посадника Юрия, от тысяцкого Матфея, от всего Новгорода о той жалобе, которая была у нас на жителей Любека и Готланда’ [конец предложения] Н45.

А с(ы)на своего бл(а)г(о)^{с(ло)}вляю, князя Юрья, своего дѣда куплю, Галиче^м, со вѣсьми волостми, и съ селы, и со вѣсьми пошлинами, и с тѣми селы, которыѣ тагли¹⁷ къ Костромѣ, Микульское и Борисовъское Ц12.

Интересно отметить, что существительное в зависимой клаузе в таких случаях опускается, в отличие от предложений с препозитивным придаточным, где одно и то же существительное могло повторяться в обеих частях.

2.3.2 Субстантивированные атрибутивы *тѣ* (*тотѣ*)

Субстантивированные атрибутивы *тѣ* (*тотѣ*) в функции детерминатива могут отсылать как к людям, так и к предметам, охарактеризованным в зависимой клаузе. Этим они отличаются от субстантивированных атрибутивов в анафорической функции, которые, за единственным исключением на весь корпус грамот XIV–XV вв., не используются для отсылки к предметам.

При них в подавляющем большинстве случаев употребляются относительное местоимение *кто*-субстантив, а *тѣ* (*тотѣ*) обозначает живых лиц:

А кто сѧ ослушаютъ, того ми казнити ‘а кто ослушается, того я казню’ Ц5, 21;

А хто иметъ жити твоихъ бояръ въ моемъ оудѣлѣ и въ велико^м княженъи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ ‘с теми твоими боярами, кто будет жить в моем уделе на землях великого княжества, я буду обращаться, как со своими’ Ц11, 32;

Вместо субстантива *кто* может использоваться атрибутив:

А кто будетъ закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новѣгородьскои волости, тѣхъ вѣсѣхъ отступилъ ся есмь Новугороду

¹⁷ Тянути — «принадлежать, находиться в ведении кого-, чего-л., подчиняться кому-, чему-л.» [СлРЯ XI–XVII 30: 298]

‘если кто-то из должников принадлежал мне, но жил в новгородских землях, их всех я уступил Новгороду’ Н4,

В двух формульных предложениях, которые повторяются из грамоты в грамоту (Ц5, Ц11, Ц13), *то*, по всей видимости, форма Им. ед. муж. субстантивированного атрибутива (с прояснением редуцированного):

А кто бу^{о(е)}ть мнѣ, брату твоѣму старѣишему, другъ, то и тобѣ другъ Ц5,

А хто намъ будетъ недругъ, то и тобѣ недругъ Ц13.

Вместо относительного местоимения *кто* может использоваться атрибутив *что* в сочетании с существительным, обозначающим людей:

А что мои люди куплени в ве^{л(и)}ком свертиѣ, а тыми сѧ подѣлать с(ы)н(о)ве мои ‘а что касается людей, купленных мной, перечисленных в большом свитке (?), ими пусть поделятся мои сыновья’ Ц1а, 8;

А что в [твоеи] очинѣ сѣдѣли мои волостели, тѣмъ ны исправа оучинити ‘а что касается твоих управляющих, которые управляли в моей вотчине, тех мы будем судить’ Ц13, 38.

А что пословѣ княжи Михаиловѣ челоवालѣ крѣсть к Новугороду, с тыхъ Новгородѣ челованье снялѣ ‘а что касается послов князя Михаила, заключивших договор с Новгородом, то с тех Новгород снимает обязательства по договору’ Н18.

Или же атрибутив *который*:

А которыи с(ы)нѣ мои не имѣ^т слушати свое м(а)т(е)ри, а буде^т не въ ее воли, на то^м не буде^т моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нѣя ‘а если какой-то мой сын не будет слушаться своей матери и не исполнит ее волю, то на том пусть не будет моего благословения’ Ц12,

А которыи бояринѣ поѣдет ис корѣмленѣя отъ тебе ли ко мнѣ, от мене ли к тобѣ, а службы не отъслуживѣ, тому дати корѣмленѣя по исправѣ, а любо служба отъслужити юму ‘а если кто-то из бояр поедет

из своего имения к тебе от меня или ко мне от тебя, не отслужив службы, тому дать имение по суду или пусть он отслужит свою службу’ Ц5.

Только в одном предложении субстантивированный атрибутив *тъ* (*тоть*) отсылает не к людям, а к судебным делам:

А которыи суды издавна потягли къ городу, а тъ и нынѣча к городу ‘те судебные дела, которые раньше разбирались в городе, пусть и теперь принадлежат городу’ Ц5.

Не было найдено ни одного предложения с субстантивированными атрибутивами **классического** типа (с постпозицией зависимой клаузы).

2.3.3. Далее рассмотрим предложения с указательным местоимением-субстантивом *то*. Оно в большинстве случаев отсылает к предметам, описанным в зависимой клаузе. Сочетание двух субстантивов (*что* и *то*) использовалось для обозначения предметов с максимально обобщенным значением — ‘имущество’, ‘деньги’:

А что есмь писалъ в сю грамоту, то есмь все да^л своеи княгини Ц3;

А мнѣ, князю Ивану, что да^л кня^з ве^{ли}кий изъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати ‘то, что мне дал великий князь из имущества князя Алексея, я князю Алексею не буду возвращать’ Ц2;

А что н(а)ши данщи^{к(и)} сберутъ в городѣ, и в станѣ^х, и въ варяхъ, тому ити в мою казну ‘та дань, которую мои посыльные соберут в городе, и в станах, и в соляных варницах, пусть идет в мою казну’ Ц11.

Чтобы уточнить значение местоимения, использовался атрибутив *что* в сочетании с существительным:

А что сѧ остане^т (‘останется’) золото или серебро или иное что н^есть, то все моеи княгинѣ Ц12,

А что есмь да^л с(ы)ну своему, князю Аньдрѣю, Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ обро^к ‘за волость Заберегу, которую я отдал моему сыну, князю Андрею, пусть платят оброк все мои сыновья’ Ц12,

А што пошлины городъ[с]к[ъи] во Тфѣри, и въ Новѣгородѣ, и в Торѣжску, и въ Волоцѣ, а то по давной пошлинѣ ‘а что касается пошлин в пользу города в землях Твери, Новгорода, Торжка, Волока, то они платятся по-старому’ Н5.

Субстантив *то* мог отсылать к ситуациям, описанным в зависимой клаузе:

А что о(те)цъ мой, кнѧ³ великий, [сдалъ село Павлов]ское к с(вя)тому Олександру, а к с(вя)тѣи Б(огороди)ци на Крутицю [четвертую часть ис тамги ис ко]ломенское, а кости московскыѣ к с(вя)тѣи Б(огороди)ци на Москвѣ [и к свѧтому] Михаилу, а того не подвигнуть ‘а что касается того, что мой отец, великий князь, отдал село Павловское Ипатьевскому монастырю, четвертую часть от коломенских доходов — Крутицкому монастырю, а налоги с Москвы — монастырю Богородицы и Чудовскому монастырю, то этого не менять’ Ц8,

А что взялъ князь Михаилу городъ Торжокъ или волости новѣгородскыи, то все Новгородѣ отложилъ от князя от Михаила ‘а город Торжок и волости новгородские, которые захватил князь Михаил, Новгород прощает князю Михаилу’ Н18.

В одном предложении субстантив отсылает к людям:

А што мои зашелци в Торѣжску, а то есмы положили в ысправу ‘а что касается моих воинов (князя тверского, напавших в 1315 г. на Новгородскую землю), разоривших Торжок, то мы это будем разбирать на суде’ Н12.

Однако в этом случае, на наш взгляд, есть метонимический перенос: «воины» — «урон, нанесенный ими», и местоимение скорее отсылает к убытку.

В нашем материале были найдены предложения с **множественной релятивизацией** — такие, в которых есть две пары соответствующих друг другу относительного и указательного местоимений. Всегда в таких контекстах используются одно указательное местоимение-субстантив и

одно указательное местоимение — субстантивированный атрибутив, чтобы отличить, что к чему отсылает: субстантив — к предмету, а субстантивированный атрибутив — к человеку:

А вы, дѣти мои, слушайте свое м(а)т(е)ри, что кому дать, то тому и есть Ц12,

А тамгою (‘пошлинами’) и иными волостми городскими подѣлатся с(ы)н(о)ве мои; тако же и мыты (‘таможенные доходы’), которые в которого оуѣздѣ, то тому Ц16.

В одном случае субстантив *то* в такой конструкции отсылает к людям, однако они, видимо, мыслятся скорее как имущество:

А что моих бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которые в которого росписи, то того ‘а что касается моих бортников и тех, кто платит оброк: кто у кого в списке, тот тому и принадлежит’ Ц16.

В грамотах также были найдены примеры катафорической отсылки субстантива *то* к придаточным, то есть относительные предложения **классического типа**. Всё это сложноподчиненные предложения с союзным словом *какъ* и союзами *чтобы, аже*:

А жити ны по тому, какъ то о(т)ци наши жили съ братомъ своимъ с старѣишимъ ‘жить нам на тех же условиях, как наш отец жил со своим старшим братом’ Ц5,

А жити ны по тому, какъ жили о(т)ци наши съ своимъ братомъ съ старѣишимъ^м Ц11 (интересно отметить, что в предыдущем примере из более ранней грамоты в придаточном сохранен релятивизатор *то*, а в более позднем варианте — опущен, что согласуется с выводами А. А. Зализняка: «*же* и *то* в составе относительной конструкции употребляются всё реже и со временем полностью исчезают» [Зализняк 1981: 92]; приведенный отрывок грамоты Ц5 также цитируется автором статьи [Там же: 100]),

А пишу вамъ се слово того дѣла, чтобы не перестала память роди[те]ли нашихъ и наша ‘пишу вам это для того, чтобы не исчезла память о нас и наших родителях’ ЦЗ,

Что избили братию нашу у васъ и товаръ поимали, за то вамъ богъ помози, аже есте разбоиниковъ изыскали по хрьстьному члованию ‘что касается того, что у вас на наших соотечественников напали и украли товар, то спаси вас Бог, что вы, по нашему договору, задержали разбойников’ НЗ6.

Субстантив *то* в грамотах XIV в. не употреблялся с постпозитивными придаточными со словами *кто, что, которыи*, в отличие от указательной группы с атрибутивом *тъ (тотъ)*.

Как следует из исследованного материала, указательное местоимение *тъ (тотъ)* чаще всего встречается именно в функции соотносительного слова (например, только в новгородских грамотах 100 местоимений в функции детерминатива приходится на 70 местоимений в анафорической и артиклевой функциях).

Итак, большинство относительных предложений с указательными местоимениями — архаического типа, функция местоимения в этих случаях близка анафорической. Среди предложений есть такие, в которых существительное повторяется дважды — в сочетании с союзным словом и с указательным местоимением-атрибутивом, и между двумя этими именными группами устанавливается связь. Однако второе из этих существительных может опускаться: предмет, человек или ситуация называются и описываются в препозитивном придаточном, а вершиной его становится местоимение-атрибутив *то* или субстантивированный атрибутив *тъ (тотъ)*, а не указательная группа. Есть тенденция к разделению сферы использования этих местоимений (что мы уже наблюдали на примере предложений с *тъ (тотъ)* в анафорической функции): субстантивы *то* отсылают к предметам и ситуациям, а

субстантивированные атрибутивы, за одним исключением, — только к людям.

Было найдено несколько примеров относительных предложений классического типа (всего 10 на все исследованные грамоты XIV в., не считая повторов). Указательные группы с атрибутивами *тъ* (*тоть*) предшествовали придаточным с союзными словами *которыи*, *кто*, *что*. Во всех этих примерах существительное в придаточном, С₂, опущено. Неиспользование второго существительного в предложениях как архаического, так и классического типов кажется нам частным случаем закона экономии усилий.

2.4. Местоимение *тъ* (*тоть*) в катафорической функции

Нами было найдено всего два примера местоимений *тъ* (*тоть*), которые отсылают к последующему тексту. Оба они обнаружены в новгородских грамотах. В одном случае при помощи местоимения *то* в текст вводится прямая речь:

То ти, отъче, повѣдаю: с[ъ бр]атомъ своимъ съ старѣишимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ... ‘расскажу тебе, владыка, вот что: я заключил договор со старшим братом Даниилом и с Иваном’ Н4.

В другом случае толкуется понятие:

А самосуда четыре рубли; а самосудъ то: кто, изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ ‘за самосуд четыре рубля, а самосуд — это когда кто-то, поймав вора с поличным, отпустит его, а сам возьмет с него взятку, а наместники узнают об этом, это и есть самосуд’ Н88, 1397 г.

Как нам кажется, такое употребление было необычно для *тъ* (*тоть*), поэтому после объяснения повторяется *то*, но уже в анафорической функции. На употребление местоимения могло повлиять

и то, что это список с подлинной грамоты, неизвестно, какая фраза была в оригинале.

Глава 2. Функционирование указательных местоимений в грамотах XV века

В качестве материала для исследования указательных местоимений в языке деловых документов XV в. были выбраны грамоты, датированные издателями XV в.: **великорусского центра** [Духовные и договорные грамоты 1950: 43–349]; **новгородские грамоты** [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 34–53, 85–138, 146–157, 169–277, 280–283, 288–315]; **псковские грамоты**: [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 318–331; Марасинова 1966: 72–73].

1. Местоимение *сь* (*сеи, сесь*)¹⁸

Местоимение *сь* (*сеи, сесь*) достаточно широко употребляется в исследованных грамотах XV века — только в подлинных грамотах было найдено около 370 употреблений. Оно, как и в XIV веке, не представлено несколькими застывшими формами, а свободно изменяется по падежам. Местоимение *сесь* именно в форме с редупликацией употреблено в большинстве предложений, где требуется форма именительного падежа единственного числа мужского рода.

1.1. Атрибутив *сь* (*сеи, сесь*).

Самые частые словосочетания с атрибутивом *сь* (*сеи, сесь*) — те, которые обозначают саму грамоту. Существительным в указательной группе может быть как слово *грамота*, так и его синонимы — *докончальная, духовная, душевная, рукописание, список*:

А грамоту сю писа^л дья^к мои Василеи Беда Ц61,

А послали есмя к вамъ сю грамоту сь Олексѣемъ с поповичемъ. А живите здорово Н58,

¹⁸ Содержание данного раздела отражено в статье «**Функции указательного местоимения *сь* в деловой письменности XIV–XV вв.**» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, №3, 2022.

Писалъ сюю рядничю¹⁹ Аристъ Онаньиничъ Н138,

А сия намъ дѣловая²⁰ и дертная²¹ и дѣтемъ нашимъ Н262.

А оу сее д(у)х(о)вные седѣли мои бояре: князъ Андрѣи Федорови^ч да князъ Петръ Микити^ч да Данило Иванович^ч да w(те)ць мои д(у)х(о)внои по^н Ива^н ‘а свидетели этого завещания — мои бояре князь Андрей Федорович, князь Петр Микитич, Данило Иванович и мой духовный отец Иван’ Ц71,

А кого есмь не написа^л свои^х холопо^в в сю душевную, или кому есмь да^л свою грамоту жаловал(ь)ную на и^х дочери, и тѣ всѣ на слободу ‘если кого-то из своих холопов я не написал в этом завещании, или если я дал жалованную грамоту на дочерей кого из них, то им всем даю свободу’ Ц71,

А кто се рукописанье преступи, сужуся с нимъ предъ богомъ в день страшнаго суда ‘если кто-то не исполнит мою волю в завещании, то я с ним буду судиться перед Богом в день Страшного суда’ Н256,

Се^{с(б)} списw^к приписно^у велѣ^л князъ Михаило Андрѣеви^ч написа^{м(б)} Ц80г,

А приве^злъ сесъ списо^к Володѣ Д(а)^{в(ы)}дов Ц62.

Указательная группа с *съ* (*сеи, сесъ*) часто употребляется в приписках для обозначения грамоты, к которой делаются пояснения:

А подписано на сеи грамоте в лѣ^т 6000-ное 900-ное въ 48-е, м(еся)ца июня в 24 д(е)нь Ц35 Пб,

Лѣта девятдесятого юнѣ 4 сѧ докончална²² кн(я)жа Михаилова взѧта у митрополита у Гервѣнтѣя Ц67, приписка 2 пол 15 в.,

Примечательно начало приписной грамоты к духовной князя Василия Васильевича 1461–1462 гг.:

¹⁹ Рядница — «письменный договор» [СлРЯ XI–XVII 22: 287].

²⁰ Деловая (грамота) — «грамота, документ на раздел чего-л.» [СлРЯ XI–XVII 4: 209].

²¹ Дертная (грамота) — «документ, подтверждающий окончательность и постоянность какого-л. акта, полноту и постоянность собственности на что-л.» [СлРЯ XI–XVII 4: 230].

²² Докончальная (грамота) — «документ, фиксирующий достигнутое соглашение, договор» [СлРЯ XI–XVII 4: 292].

Се я^з ... пишу сию душевную приписную грамоту. Что есмь писа^л большую свою душевную грамоту, дая р^д своеи кн(я)з(и)нѣ и свои^м дѣте^м, и че^{с(о)} есмь в ту свою душевную грамоту не вписа^л, и я^з в сию грамоту в приписную написа^л ‘Вот я... пишу эту приписку к завещанию. Что я написал в основном завещании и завещал княгине и детям и чего я в то свое завещание не вписал, то я в эту приписку написал’ 61б.

В этом предложении *большая душевная грамота* (грамота с основным текстом завещания) и *та своя душевная грамота* (та же грамота, упомянутая второй раз; местоимение *тотъ* употреблено в анафорической функции) противопоставляются указательной группе *ся душевная приписная грамота* — это другая грамота, дополнительная, в которой и содержится это предложение.

Местоимение-атрибутив *съ* (*сеи, сесь*) было зафиксировано еще в одном интересном контексте. Все черновые варианты договоров 1481 года были переданы в архив в виде связки, на которой есть помета почерком XV века:

В се^м сваску дес^{м(б)} списко^в з доко^нчальных ‘в этой связке 10 списков с dokonчальных грамот’ Ц72 [Черепнин 1948: 173].

Указательная группа с *съ* (*сеи, сесь*), как и в словосочетаниях *са грамота*, в этом случае используется для обозначения близости к пишущему или держащему связку грамот в руках.

В сфере **временного** дейксиса указательная группа с *съ* (*сеи, сесь*) называет ситуацию написания грамоты (в сочетаниях со словами *докончание, перемирие, миръ, рядъ, дѣль* и др.):

А што брате въ наше розмирье в наши^х отчина^х воины и грабежи чинилися, а тому всему дерть по се наше докончание на обѣ стороны ‘а что, брат, во время наших столкновений в наших вотчинах были войны и грабежи, всё это забудем после нашего договора’ Ц38Ia,

А в се^м на^м перемирие на кн(я)з^а велико^{с(о)} Васи^ля Васильеви^ч ... и на кн(я)зеи на wrдынски^х и на и^х татаръ не ити и не изгонити и^х ‘а в это

перемирие против князя Василия Васильевича и ордынских князей и их татар не идти и не пытаться их выгнать' Ц46,

А на семь заимъ были люди добрые со обѣ половинъ: Степанъ Фомине, Степане Остафине 'свидетели займа — свободные люди от обеих сторон: Степан Фомин, Степан Остафин...' Н326,

А на семь делу были люди добрыи со обѣ половины: Василеи Ивановичь, Иванъ Якимовичь... 'свидетели раздела — свободные люди от обеих сторон: Василий Иванович, Иван Якимович...' Н278,

А на семь миру соркоша срокъ быти съѣзду на Норовъ на рѣкѣ на пошломъ мѣстѣ сего лѣта за двѣ недѣли по Ивани дни 'в этом перемирии договорились, что съезд будет на реке Нарве, на привычном месте, в этом году через 2 недели после 7 июля' Н72.

Указательные группы с *съ* (*сеи, сесь*) используются для отсылки и к другим ситуациям, которые близки к моменту написания грамоты:

Взяша перемирье от князя от местеря с Великимъ Новымъ городомъ от сего сбора за мѣсяць по Рожествѣ святѣи Богородици 'установили перемирие князь местер и Великий Новгород от этого съезда на месяц после праздника Рождества Богородицы' Н72.

Указательная группа с *съ* (*сеи, сесь*) может обозначать текущий временной промежуток, тот, в который грамота была написана:

Соркоша срокъ быти съѣзду на Норовъ на рѣкѣ на пошломъ мѣстѣ сего лѣта за двѣ недѣли по Ивани дни 'договорились, что съезд будет на реке Нарве, на привычном месте, в этом году через 2 недели после 7 июля' Н72,

Что ма еси, г(о)^{с(поди)}не, пожалова^л... о^тда^л выхода на го^д, и того ти... не взати от Петрова дни до Петрова дни на се^{с(б)} го^д 'того, чем ты меня пожаловал — разрешил не отсылать дань татарам на год, — этого ты не будешь брать от 12 июля до 12 июля на этот год' Ц41,

Дахомъ черныи боръ на сеи годѣ великому князю 'мы отдали налог «черный бор» на этот год великому князю' Н21, список XV–XVI вв.

Володѣти имѣ на сеи годѣ со единого [по] половинамъ... а доидеть сеи годѣ от Покрова до Покрова Святеи Богородицы... ино володѣти игумену Варламу ‘пусть владеют [спорной землей] в этом году вместе пополам, а когда закончится год от праздника Покрова до праздника Покрова, то с тех пор владеет только игумен Варлам’ Н314, список XVII в.;

или ближайший промежуток в будущем:

Как пошлетъ Великий Новѣгородъ своего посла сеи зимѣ князю местерю, и князю местерю самому... крестъ человати ‘когда пошлет Великий Новгород своего посла в эту зиму к князю местерю, то он пусть сам подпишет договор’ Н72.

В грамотах XV века, как и XIV, употребляется формула со словосочетанием *сии вѣкъ*, которое обозначает земную жизнь и противопоставляет ее жизни после Страшного Суда:

А кто сю мою грамоту поруши^м, суди^м ему Б(ог)ѣ, а не буди на немъ моего благословения ни в сии вѣ^к, ни в будущи Ц21,

А кто на^с поруши^м се нашо dokonчaньe и сю нашу oутверженную грамоту и кр(е)^стное целованье по докo^нчa^нны^м грамота^м и по сеи грамотѣ не исправить, ино на то^м на виновато^м не буде^м м(и)л(о)^сти б(о)жъеи... и в си вѣ^к и в будущи ‘если кто-то из нас нарушит этот наш договор и эту нашу подписанную грамоту и не будет поступать в соответствии с ними, то на виноватом пусть не будет милости Божьей на этом свете и на том’ Ц51в.

В грамотах в похожем значении употребляется указательная группа *сеи свѣтъ*, которая обозначает земную жизнь:

Се язѣ рабѣ божии Григории Гавриловичъ Кякшиа, отходя сего свѣта, пишу рукописание ‘вот я, раб Божий Григорий Гаврилович Кякша, умирая, пишу завещание’ Н320,

Се азѣ Исакѣ Семеновичѣ... далѣ есми в Мидлѣшѣ двѣ деревни, а на Пинешкѣ далѣ есми три дѣревеньки в домѣ великому Ивану Богослову

и Триемъ Святителемъ... да молятъ Бога о здравии государей великихъ князей и о нашемъ, а отшедшихъ свѣта сего поминають за упокои ‘вот я, Исак Семенович, дал в Мидлеше две деревни и на Пинежке три деревни монастырю Иоанна Богослова и Трех Святителей... чтобы они молили Бога о здравии великих князей и меня, а умерших пусть поминают за упокой’ Н282,

Се азъ раба Б(о)жья Кюлена втходя сего света учиних радъ животоу своему ‘вот я, раба Божия Акулина, умирая, распоряжаюсь своим имуществом’ П33 [Марасинова 1966: 72–73].

А придет к тому Б(о)жья воля, дастъ ми Б(о)гъ дѣти, а меня Б(о)гъ возмет с сегѡ свѣта ‘если будет на то воля Божья и у меня будут дети, а я умру...’ Ц83, список XVII в.

В сфере **пространственного дейксиса** указательные группы с *съ* (*сеи, сесь*) также использовались. Например, несколько раз встретилось словосочетание *си сторона*, которое можно понять, только посмотрев на карту. Приведем одну из таких цитат целиком:

А что ма еси, г(о)^{с(поди)}не, пожалова^л, да^л ми еси в вотчину и в вудѣ^л половину Заузерья, втчины заузерских князей половина и съ селы и со встѣмъ с тѣмъ, ка^к было за втчици за князми, да к той половинѣ прида^л ми еси, г(о)^{с(поди)}не, исъ своею половиною того жо Заузерья сто деревень, а что, г(о)^{с(поди)}не, Кубена на сеи сторонѣ, и противу, г(о)^{с(поди)}не, половины Кубены велѣти ти г(о)^{с(поди)}не мнѣ в^мписати Заузерских деревень по пригожу вмѣсто половины Кубены исъ своею половиною, а в^мписати ти, г(о)^{с(поди)}не, велѣти мнѣ, своему брату, тою втчины своему писцю, а моему, г(о)^{с(поди)}не, писцю быти с твоимъ писце^м, а в^мписати, г(о)^{с(поди)}не, твоему писцю мнѣ та сторона, которая пришла к моеи втчинѣ к Бѣлу Гѡзеру, а того ти, г(о)^{с(поди)}не кня^з велики, по^д мною блюсти и не вбидѣти ‘То, чем ты, господин, меня пожаловал — дал в вотчину и удел половину Заозерского княжества, вотчины заозерских князей половину с селами, со всем тем, что принадлежало вотчинным князьям, и к той половине

добавил мне из своей половины того же Заозерья сто деревень, то, господин, вместо Кубены на этой стороне вели мне отдать равноценно вместо Кубены заозерских деревень из своей половины, и вели твоему писцу отписать мне эти земли, а моему писцу сопровождать твоего писца, и отпиши мне ту сторону, которая соприкасается с моей вотчиной, с Белоозером, и это мое владение не отнимай' Ц44.

Кубена, или Заозерье, — это земли вокруг Кубенского озера в современной Вологодской области. Великий князь Василий II отписывает князю белозерскому Михаилу Андреевичу половину вотчины заозерских князей, которые поддерживали Дмитрия Шемяку. Михаил Андреевич просит великого князя вместо его половины Кубены, которая находится на *сеи сторонѣ*, дать ему земли на той стороне, которая находится рядом с его вотчиной, Белоозером. Видимо, *си сторона* — это сторона, ближняя к Московскому княжеству (которое к тому времени уже владело вологодскими землями, примыкавшими с юга к Кубенскому озеру), а ей противопоставлена *та сторона, которая пришла к Бѣлу Озеру*, то есть дальняя от Москвы.

Еще один контекст из грамоты Ц17 (список второй половины XV века):

А бл(а)г(о)^{с(лови)}лѣ есмь с(ы)на кн(я)зѣ Семена, кн(я)зѣ Ярослава, да^л есмь и^м велико^{с(о)} кн(я)зѣ удѣла Васи^лева Дмитриеви^{ч(а)} Городецѣ на Волзѣ, вприсно мыта и тамги, а мыт и тамгу да^л есмь жонѣ своеи кн(я)г(и)не Олене на Городецѣ по старои пошлинѣ, ка^к было пере[же] сего. А город и станы дѣтем моим напoлы и со всѣми пошлинами. А с(ы)ну кн(я)зю Семену станы на сеи сторонѣ Волги пониже Горо^дца да Белогоро^д. А с(ы)ну кн(я)зю Ярославу станы на внои стороны Волги повыше Горо^дца да Юрьевицѣ. А станы дѣти мои поделатся напoлы ровно, а у которо^{с(о)} буде^т болѣ в станѣ^х, и то^т тому ступит^ся 'князю Семену и князю Ярославу я дал из удела великого князя Василия Дмитриевича доходы с Городца на Волге, кроме таможенных пошлин и

ордынских налогов, а их дал своей жене княгине Олене, с Городца по старым пошлинам, как было раньше. А доход с городов и станов моим детям пополам: сыну князю Семену станы на этой стороне Волги, ниже Городца, и Белгород, а сыну князю Ярославу станы на той стороне Волги выше Городца и Юрьевец. А станами мои дети пусть поделятся пополам поровну, у кого окажется больше, тот пусть уступит другому' Ц17.

В этом предложении выражено противопоставление *сеи* — *онои*, которое не было зафиксировано в проанализированных нами ранее грамотах XIV в. По всей видимости, *станы на сеи сторонѣ Волги* были ближе к Москве, чем *станы на онои сторонѣ*. Хотя в тексте нет объективных свидетельств этому, мы можем сделать такой вывод, исходя из других употреблений этих местоимений.

Во всех перечисленных выше случаях местоимение *съ* (*сеи*, *сесѣ*) в составе указательной группы выступает в **дейктической** функции, основным значением местоимения можно считать близость к пишущему, пространственную или временную.

Однако есть примеры, в которых функция местоимения *съ* (*сеи*, *сесѣ*) не очевидна. Приведем все такие примеры, найденные в новгородских и псковских грамотах:

Се язъ... Феофиль далъ есмь в домъ Святаго Спаса... Бобровую гору... а в тую в Бобровую гору не вступатися никому же ... а дана имъ сиа Бобровая гора и в вѣки Н99,

Продадут ли или купятъ что с тои лодыи, а сии есмь пошлины отдали въ домъ святѣи Живоначалнѣи Троици в Сергиевъ монастырь на темьянѣ Н101,

А хто буде игуменомъ или попомъ, и вы творите память по Дмитреи, по Марьи, по Ондргѣи, по Федосѣи, по Данили, по Огруфини, по Тарасѣи, по Федори, по Михаили, по Василисти, п[о] Ул[ь]янѣ, по Яковѣ и Ульяни и по ихъ племени. [А] сихъ памятеи не заложите 'тот, кто будет игуменом или священником, пусть поминает Дмитрия, Марью, Андрея,

Федосью, Данилу, Аграфену, Тараса, Федора, Михаила, Василиска, Ульяну, Якова и Ульяну и их родню. А этого поминания не оставьте' Н148,

Се язъ Миня Васильевъ сынъ купил есми себѣ землю... а сию землю купилъ Миня на женни куны 'вот я, Миня Васильев, купил себе землю... а эту землю купил Миня на деньги жены' Н220,

Се дастъ Ондръ Михайловичъ землю, и жена его Анна, и сынъ Офромѣи, и дочи его Мария в домъ Рожеству Пречистѣи и святому Николѣ. А ободъ той земли от усть Хмелева ручья, от Быковой рѣки по Хмелевому ручию вверхъ... А кто почнетъ на сию землю наступать, ино Спасъ на него и Пречистая и святыи Никола 'Вот дал землю Андрей Михайлович, его жена Анна, сын Офроем и дочь Мария монастырю Рождественскому и святого Николая. А граница этой земле от устья Хмелева ручья, от реки Быловой по Хмелевому ручью вверх... а кто будет претендовать на эту землю, пусть против него будут Спас и Пречистая и святой Николай' Н255,

Кто на сию землю наступитъ, на дание святаго Николы, Богъ на того и святыи Николае Н323, список XVII века;

Исаия Елѣнтеевицъ Хмелковъ и жена его Иринья... дали столъ, сиречь скамью, в обитѣль святаго святителя отца Николы... а сее данье при старощенъ²³ Нестерове Бобровниковъ... а кто наши братьи учнетъ сию скамью продавати или в поминки отдати, да будетъ проклятъ П337 (запись вписана в пергаменный стихирарь 1421–1422 г.).

Во всех этих примерах указательные группы с *съ* (*сеи*, *сесь*) отсылают к антецеденту в предыдущем тексте, то есть местоимение скорее выполняет анафорическую функцию. Но все эти употребления объединяет то, что эти словосочетания называют предмет договора — то, по поводу чего написана грамота. В других грамотах (или даже в

²³ Старощенъ — «должность старосты; время исполнения должности старосты» [СлРЯ XI–XVII 28: 16].

рассмотренных грамотах, но в других случаях) в аналогичных контекстах в подавляющем большинстве употреблено местоимение *тъ* (*тотъ*). Возможно, для говорящего или пишущего в этих случаях была важна не просто отсылка к первому упоминанию предмета, сколько его актуальность, сосредоточенность участников договора на нем. Нам такое употребление кажется более близким к дейксису, чем к анафоре. Возможно, это допустимо охарактеризовать как «мысленный дейксис», или «дейксис представления», по терминологии К. Бюлера, или «символический дейксис», по Ч. Филмору («указание на ненаблюдаемые элементы речевой ситуации») [Человеческий фактор в языке 1992: 171]. Впрочем, скорее всего, предметы (например, *си скамья* из грамоты П337) или территории (*земли* из грамот Н99, Н220, Н255, Н323) были даже вполне наблюдаемыми элементами речевой ситуации.

В материале грамот великорусского центра встретилось только одно предложение, в котором употребление указательной группы с *съ* является однозначной анафорой. Найдено оно в трех экземплярах грамоты Ц51 — это dokonчание великого князя Василия Васильевича с Иваном Андреевичем Можайским 1448 года. Как пишет Л. В. Черепнин, эта грамота не содержит новых условий, а восстанавливает условия договора, заключенного в 1447 году и затем нарушенного [Черепнин 1948: 145]. Отсылка к прежним грамотам, фиксировавшим договор 1447 года, не раз встречается в этой грамоте. Предыдущие грамоты в каждой из трех копий упомянуты 9 раз, из них 7 раз — скрытоопределенные именные группы (без указательных местоимений):

А хотѣти ми ва^м добра во все^м вездѣ без хитрости и прави^{м(и)} ми ва^м по наши^м доко^нча^нны^м грамота^м и по сеи по нашей грамотѣ ‘я буду вам желать добра во всем без притворства, а я буду поступать с вами по нашим договорам и по этому нашему договору’ Ц51а.

1 раз грамоты упомянуты в составе указательной группы с местоимением *тотъ*:

А по Б(о)жъеи волѣ w^mиме^m, з(о)^{c(поди)}не, Б(о)гъ тебѣ, моего з(о)^{c(поди)}на, брата моего старешего, велико^{z(o)} кн(я)зѣ Васильѣ Васильеви^{ч(a)}, и мнѣ з(о)^{c(поди)}не кн(я)зю Ивану Ондръеви^{ч(y)} тако же хотѣ^{m(u)} добра во все^m твоеи матери великои кн(я)з(и)нѣ и твоеи великои кнѣзинѣ и твои^m дѣте^m и мои^m дѣте^m, а жити ми та^k же с ними и правити им во все^m (‘поступать с ними во всем’) по тѣ^m наши^m по докоⁿча^{л(b)}ны^m грамота^m и по сеи грамотѣ и по кр(е)^cтному целованью и до живота Ц51а,

и, наконец, 1 раз грамоты упоминаются с местоимением съ (сеи, сесь):

А wтоиме^m з(о)^{c(поди)}не Бо^z менѣ кн(я)зѣ Ивана Ондръевича, и тобѣ моему з(о)^{c(поди)}ну брату моему старешему... тако же хотѣ^m добра моеи кн(я)з(и)нѣ и моим дѣте^m, а держати ти их, з(о)^{c(поди)}не, по сѣ^m по наши^m докоⁿчалны^m грамота^m и по сеи грамотѣ и по кр(е)^cтному целованью и до живота Ц51а, в противне грамоты — по си^m по наши^m докоⁿчалны^m грамота^m и по сеи грамотѣ Ц51в.

Неясно, с чем связано такое уникальное употребление; возможно, это ошибка писца, которая была механически перенесена в копии грамот.

1.2. Субстантивированный атрибутив съ (сеи, сесь)

В грамотах XIV века субстантивированные атрибутивы съ (сеи, сесь) вообще не встретились. В материале XV в. было встречено всего одно предложение с субстантивированным атрибутивом съ (сеи, сесь) — это приписка к связке грамот 1481 года, о которой уже шла речь выше:

В се^m свѣску деса^{m(b)} списко^v з докоⁿчалных, съ сѣ^x писаны докоⁿчалные лѣта 80 девѣто^{z(o)} ‘в этой связке десять списков с докончальных грамот, на их основе написаны докончальные грамоты [69]89 года’ Ц72.

Вместо того чтобы полностью написать съ сѣхъ докончальныхъ, писец употребляет атрибутив без существительного, возможно, потому,

что в этой фразе слово *докончальные* употреблено дважды. В данном случае, как и в уже рассмотренных предложениях с указательными группами, местоимение отсылает к грамотам, которые держат в руках пишущий и читающий.

1.3. Субстантив *се*.

Местоимение-субстантив среднего рода *се* встречается в грамотах XV века в контекстах, которые можно разделить на 2 группы. Во-первых, это формулы *на семь на всемъ цѣлуи (цѣловали есмы) крестъ* ‘поклонись (мы поклонились) это выполнить’. В грамотах Московского княжества писцы выбрали формулу с формой повелительного наклонения *целуи* и механически повторяли ее в каждой грамоте. Эта формула встречается дважды почти во всех договорных грамотах, она начинается и заканчивает текст, например:

На се^м на все^м, брате моло^дшии, кня^з Ан^дреи Васи^леви^ч, целуи ко мнѣ кр(е)^стъ, къ своему г(осподи)ну и брату старѣишему, к великому кн(я)зю Ивану Васи^леви^ч(у) всеа Руси Ц82.

Интересно отметить, что в трех списках грамот удельных князей с Великим княжеством Литовским в начале формулы с *се* нет, а в конце вместо формулы с местоимением *се* употреблена аналогичная с местоимением *то*:

На томъ на все^м я^з великии кн(я)зъ Ива^н Федорови^ч целовавъ кр(е)^стъ своему wspодарю великому кн^з(ю) Витовту Ц25, список сер. XV в.;

На томъ на все^м я^з великии кн(я)зъ Ива^н Володимерови^ч целовавъ кр(е)^стъ своему wspодарю великому кн^з Витовту Ц26, список сер. XV в.;

А на томъ все^м я кн(я)зъ Федоръ Лвови^ч новосе^лски^и wdоевски^и целова^л есми крестъ великому кн(я)зю Казимиру королевичу Ц39, список XVI в.

В грамотах новгородских формула с *се* также встречается:

А на семь на всемъ, господине князь великий Борисъ Олександровичъ, челуи крсть ко всему Великому Новугороду Н20

Однако в этой же грамоте и в некоторых других вместо формулы с *се* употреблена формула с субстантивом *то*:

А на томъ на всемъ, князь великий Борисъ Олександровичъ, челуи, господине, крсть к Великому Новугороду по любви, в правду Н20.

Формула с *то* используется в подлинной грамоте Н60 и в списках Н19, Н22, Н26, Н77.

Как было показано в разделе 1 первой главы, это употребление находится на границе между анафорой и дейксисом, поэтому мы не можем с точностью определить функцию местоимения в этом контексте. Примечательно отсутствие других примеров употребления *се* для обозначения содержания грамоты, иначе как в рамках этой формулы.

Таким образом, можно сказать, что в традиции договорных грамот московских князей было жесткое правило: употреблять в начале и в конце текста формулу с *се*. Для новгородских грамот и грамот, которые относились к канцелярии великого князя литовского (грамоты Ц23, Ц25, Ц26, Ц39), видимо, формула с субстантивом *се* не была обязательной (или она была заменена при переписывании).

Вторая группа предложений с субстантивом *се* — сочетания с синонимичными предлогами *наперед* и *переже*:

А давати ми, г(осподи)не, тобъ, великому кн(я)зю, с своей w^mчины по тому ро^зводу, ка^к напере^о се² давали въ выхо^о и въ я^м ‘а я буду давать тебе, господину великому князю, со своей вотчины по тому расчету, как раньше давали в ордынскую дань и на подводы ордынским чиновникам’ Ц27,

А мы вашему гостю такоже здъсе даль путь, куды и переже сего не бывало, а вам дружа, своимъ сусъдамъ ‘а мы вашему купцу также дали

здесь право проезда, как раньше не бывало, оказывая милость вам, нашим соседям' Н50,

А с полу Заозерья давати ми тобѣ гнѣ великому кн(я)зю по тому, ка^к переже се^{2(о)} давали заозерьскы кн(я)зи ярославскы^м во тцаре^в выхо^д
'а с половины Заозерского княжества я буду давать тебе, господин великий князь, так, как раньше давали заозерские князья ярославским в счет ордынской дани' Ц48.

В этом случае *се* выступает в своей основной дейктической функции: субстантив *се* обозначает ту ситуацию, в которой находится говорящий; *переже сего* — то, что было до момента написания грамоты. В этих случаях местоимение *се* функционирует в сфере временного дейксиса.

Итак, как и в грамотах XIV в., местоимение *сь* (*сеи, сесь*) употребляется в грамотах XV века почти исключительно в дейктической функции. В большинстве случаев местоимение или указательная группа с *сь* (*сеи, сесь*) отсылают к грамоте, в которой они употреблены. Зафиксировано также несколько случаев использования *сь* (*сеи, сесь*) в сферах пространственного и временного дейксиса.

Однако есть некоторое количество примеров, в которых функция местоимения может быть трактована как анафорическая, но нам кажется, что даже в этих случаях можно говорить о какой-то разновидности дейксиса. Обсуждаемый выше пример местоимения-атрибутива из московской грамоты, в котором функция местоимения однозначно является анафорической, как нам представляется, больше похож на ошибку писца.

2. Местоимение *оныи*

Если в грамотах XIV века местоимение *онъ—оного* не встретилось ни разу, то в грамотах XV века оно встречается дважды только в московских грамотах и, к сожалению, только в списках:

А из Московьского даю с(ы)ну своему Дмитрею бортники на внои сторонъ Москвы, ка^к и за мною были ‘а из московских доходов даю своему сыну Дмитрию борти на той стороне Москвы, которые мне принадлежали’ Ц29 (грамота 1433 года, список XV в.);

А также выше разобранный пример с оппозицией *сеи — онои*:

А с(ы)ну кн(я)зю Семену станы на сеи сторонъ Волги пониже Горо^дца да Белогоро^д. А с(ы)ну кн(я)зю Ярославу станы на внои стороны Волги повыше Горо^дца да Юрьевецъ Ц17 (грамота 1401–1402 гг., список второй половины XV века).

В обоих случаях употребляется словосочетание *оная сторона* по отношению к одной из сторон реки, Москвы или Волги. Функция местоимения — дейктическая, а значение, которое мы можем реконструировать — ‘противоположный, более далекий от говорящего, находящийся дальше, чем другой’.

3. Местоимение *тотъ*²⁴

Местоимение *тотъ* в грамотах XV в. именно в форме с редупликацией употреблено в большинстве предложений, где требуется форма именительного падежа единственного числа мужского рода. Как и в XIV в., это местоимение используется в грамотах XV века в анафорической функции, а также в качестве детерминатива.

²⁴ Содержание данного раздела отражено в статье «Функционирование местоимения *тъ (тотъ)* в деловой письменности XIV–XV вв.» // Litera, № 6, 2022.

3.1. Местоимение *тотъ* в анафорической функции

3.1.1. Местоимение-атрибутив *тотъ* в анафорической функции.

Сначала хотелось бы отметить формальную особенность атрибутивов *тотъ* в текстах XV–XVII в., которая важна для анализа значения этого местоимения. Она заключается в том, что при наличии нескольких антецедентов, связанных сочинительной связью, в указательной именной группе местоимение-атрибутив часто согласуется только с первым существительным:

А к Пр(е)ч(и)стои в Пафнѣтьевъ мана^стырь даю свое сел(ь)це Кук^нпо^ское з деревн^ами въ Ярвславецко^м уездѣ и с хлѣб^м и с серебр^м и со всѣ^м, что к тѣм^у сел^цю и к деревн^а и^з старины потагл^и Ц80в.

При этом по смыслу местоимение относится и к другим существительным, связанным сочинительной связью с первым, все эти существительные имеют одинаковый референциальный статус.

Теперь перейдем к описанию семантики атрибута *тотъ* в грамотах XV в.

Как и в грамотах XIV в., местоимение-атрибутив могло сочетаться с уже названным существительным, повторяющим антецедент, или же мог использоваться синоним. В новгородских грамотах XV в. нашлись примеры с существительным-синонимом в указательной группе (таких примеров в грамотах XIV в. найти не удалось):

Се купи Иванъ Чевакинъ у Сасинихъ у Ерѣмолинихъ дитеи у Парѣфенья, у Ерефи, у Григорья, у Ларивона, у Перѣфурья у Васильева сына, в Обросима, у Степана в Иванов^а унука и у Филикса тони в Великои Сярѣти в полови^ни полови^ну на литнои сторони; а другая полови^на тои тони за Ивановыми дитьтѣми [так в подлиннике] за Оврамова, за Степаномъ и за Иваномъ. А далъ Иванъ Чевакинъ на тои полуполовини тони на Великои Сярѣти всѣмъ тѣмъ сябрамъ, Сасинимъ дѣтемъ, полъ четверѣта сорока бѣлкѣ ‘вот купил Иван Чевакин у детей Саси

Ермолина: у Парфения, Ерефы, Григория, Лариона, Перфирия Васильева, Обросима, Степана, Иванова внука, и Феликса — рыбных угодий на реке Великой Сярти, половину половины на южной стороне, а другая половина угодий принадлежит детям Ивана Аврамова, Степану и Ивану. А дал Иван Чевакин за ту половину половины угодий на Великой Сярти всем членам этой семьи, детям Саси, 3,5 сорока белок' Н200 (синонимы *Парѣфении, Ерефа и т.д. — сябры*);

*И ты, добрый местерь, по крестьному челованью чобы еси имъ велѣлъ дати нашей братьи четыриста рублевъ по жеребью и по утягал(ь)ной грамотѣ²⁵. А только не отдадутъ нашей братьи того серебра, и мы имъ велимъ взяти ту четыриста рублевъ на вашей братьи, на купчехъ Н53 (синонимы *четыриста рублевъ — серебро* и затем указательная группа с повтором существительного *то серебро*);*

*А чѣ^м, г(о)^{с(поди)}не, благо^слови^л втець нашъ на^с по душевной грамоте в^тца свое^{с(о)}, а нашего дѣда велико^{с(о)} кня^{з(я)} Дмитрея Ивановичи^{ч(а)} въ Москвѣ и Можайско^м с волостьми и что к тѣ[м] ко встѣмъ мѣсто^м потагло истарины Ц41 (синонимы *что в Москвѣ и Можайскѣ с волостьми — мѣста*).*

Указательные группы с *тѣ* (*тотѣ*) могли отсылать к прежде упомянутым **предметам**:

А исъ селѣ из Московскихъ даю своеи княгинѣ Митинѣ починок^к... да Крилатское село, што было за татаромъ, а княгини моя дастъ с того села черницѣ Софѣѣ пятдесять^т рублевъ долѣгу ее Ц21,

А с Суходола и с Красного села да^{н(б)} ти имати собѣ, а в выходѣ ти тое дани мнѣ суходольские и Красного села не давати 'а дань с Суходола и Красного села бери себе, а в ордынскую дань ты мне дань с Суходола и Красного села давать не должен' Ц56а,

²⁵ Утягальная грамота — документ, выданный судом истцу на получение присужденного с ответчика; перевод наш (В. С.), сделан для 33 выпуска «Словаря русского языка XI-XVII вв.» (в печати).

Отсталошь у него полътретьядьчять боцекъ пива да 4 бочке меду сыщеного. Ино тое пиво и медъ поимали наши люди, кому былъ Иване виновать ‘осталось у него [купца Ивана] 25 бочек пива и 4 бочки меда питьевого, и это пиво и мед забрали наши соотечественники, которым Иван был должен’ ПЗ36,

Взялъ вашъ братъ Иванъ у Кузмъ у Ларивоновичя товаръ на Ругодивъ, соболи, и троиничъ, и камъки; а на томъ товаръ взяти Кузмъ Ларивоновичю у вашего брата у Ивана у Амъбура десять ластовъ молодого ‘ваш соотечественник Иван взял у Кузьмы Ларионовича товар в Нарве: соболей, и (?), и ткани, а за этот товар пусть возьмет Кузьма Ларионович у вашего соотечественника Ивана Амбура 120 бочек молодого (кваса?)’ Н69.

Были также найдены указательные группы, отсылающие к прежде упомянутым **людям**:

А что сказыва^ш заня^л еси оу гостей и оу суконьнико⁶ шестьсо^т рубле⁶... и мнѣ с тебе то^т долгъ, ту шестьсо^т рубле⁶ сняти, а с тѣми гостѣми въдатися мнѣ, впро^{ч(е)} тебе, самому ‘а что ты говоришь, что занял у купцов и у торговцев тканью 600 рублей, то я с тебя этот долг снимаю, а с купцами и торговцами тканью буду разбираться сам, без тебя’ Ц30;

А с(ы)на Ивана бл(а)г(о)^{с(по)}вляю на старешии пу^{т(б)} ему в Москвѣ и в станѣ^х, конюшеи пу^{т(б)}, бортници, садо⁶ници, бобро⁶ники, барыши и дѣлюи, а тѣ^х бортникѣ⁶ или садо⁶нико⁶ или псарей или бобро⁶нико⁶ или барышо⁶, делюе⁶ не всхоче^т жы^т на тѣ^х земля^х, инѣ земли лишю^н ‘сыну Ивану завещаю долю старшего князя в доходах с Москвы, станов, конюшенное ведомство, доходы с бортников, садовников, перекупщиков, ремесленников, а если кто-то из этих бортников, садовников, псарей, ловцов бобров (скорняков?), перекупщиков или ремесленников не захочет жить на этой земле, то он лишается земли’ Ц17 (1401–1402 гг., список 2 половины 15 в.),

Дати князю великому Борису Олександровичю своего боярина судьёю на рубежь, а Великому Новгороду дати своего боярина судьёю на рубежь; а тымъ судьямъ судити порубежныхъ людии ‘пусть великий князь Борис Александрович отправит своего боярина в качестве судьи на границу, а Великий Новгород также отправит своего боярина в качестве судьи на границу, и эти судьи пусть судят приграничных людей’ Н20,

Князь местерь нашихъ псковичъ полонилъ, и тые наши полоняне псковичи черезъ твою Литовскую землю бегаютъ ко Пскову из Немецкое земли, и литва тыхъ полоняниковъ ко Пскову не пускаютъ П339, список XVI в. из Литовской Метрики.

Антецедементом именной группы с *тотъ* может быть и **ситуация**, описанная ранее:

А ис *тѣхъ* воло^стеи и съ сель, што есмъ писа^л княгинѣ своей, хто ся име^т жаловати на воло^стелеи или на тиоуновъ или на посельскихъ или на дово^дщиковъ, то суди^т княгини моя или кому прикажетъ, а с(ы)ну моему князю в *тѣ* суды не вступатися ‘а если из тех волостей, которые я завещал своей княгине, кто-то будет жаловаться на управляющих волостью, тиунов, управляющих в вотчине, следователей, то пусть их судит моя княгиня или назначит судью, а мой сын в эти суды пусть не вмешивается’ Ц20 (*тѣ суды* — суды княгини в ее владениях);

Здѣсе намъ жаловалъся братъ нашъ Кузма Ларивоновичъ на вашего брата на Ивана на Амбѣура, што взялъ вашъ братъ Иванъ у Кузмѣ у Ларивоновичя товаръ на Ругодивѣ, соболи, и троичи, и камъки; а на томъ товаръ взяти Кузмѣ Ларивоновичю у вашего брата у Ивана у Амбѣура десять ластовъ молодого, 14 ласты жита, 3 пунѣды пшеницы; а тои торговли другии годъ ‘ваш соотечественник Иван взял у Кузьмы Ларионовича товар в Нарве: соболей, и (?), и ткани, а за этот товар пусть возьмет Кузьма Ларионович у вашего соотечественника Ивана Амбѣура 120 бочек молодого (кваса?), 168 бочек жита, 3 пуда пшеницы; а эта

сделка заключена больше года назад' Н69 (*та торговля* — упомянутая сделка Ивана Амбура и Кузьмы Ларионовича).

В грамотах XV в. используется и особенный вид анафорической связи, так называемый «бриджинг», уже упомянутый нами в разделе 2.1. Местоимение в таких случаях отсылает «имплицитному антецеденту» [Падучева 2016: §3.1.3], то есть к компоненту описанной прежде ситуации, не выраженному эксплицитно:

*А что была ра^m дѣда мое^{с(о)} велико^{с(о)} кн(я)зѧ Дмитриа Ивановича въ твоеи во^mчинѣ при твое^m дѣде при велико^m кн(я)зи Гѣ^лгѣ Ивановичѣ и кнѧ^{жс} Романова новоси^лско^{с(о)} и кн(я)зи торуски^x, и то^m на^m пол^wи^и втпусти^{m(и)} ве^{с(б)} ‘а что касается похода моего деда, великого князя Дмитрия Ивановича, в твою вотчину при твоём деде, великом князе Олеге Ивановиче, и князя Романа новосильского и князей тарусских, то нам всю добычу и пленных отдать’ Ц47 (*тотъ полонъ* — добыча и пленные, которые были захвачены при упомянутых военных действиях);*

*А ка^k почну^m дѣти мои жити по свои^m оудѣло^m, и моя кн(я)г(и)ни и мои с(ы)нѣ Иваⁿ и мои с(ы)нѣ Юрьи и мои дѣти пошлю^m писце^e, да оудѣлы свои писци ихъ напишу^m по кр(е)^cтному целованью, да по тому письму и вбложѧ^m по соха^m и по люде^m, да по тому вкладу моя кн(я)г(и)ни и мои дѣти и в выхо^д оучну^m давати с(ы)ну моему Ивану съ свои^x оудѣлов ‘после того, как мои дети вступят во владение своими уделами, пусть моя княгиня, мой сын Иван, мой сын Юрий и мои дети пошлют писцов, и их уделы писцы опишут с заключением договора, и по этому описанию пусть обложат налогами по количеству земли и людей, и по этому расчету налога моя княгиня и мои дети будут давать долю в ордынскую дань моему сыну Ивану со своих уделов’ Ц61 (*то письмо* — результат описи уделов князей, *тотъ окладъ* — размер дани, который будет установлен после обложения);*

Се язѣ Иванъ Васильевичъ с своею женою Евдокѣею далѣ есмь в домъ святаго Іоанна Богослова... два села на Паденгѣ, что ми далѣ дядя

мои Климентеи Тимофѣвичь, игумену Серапиону и старцемъ или кто по немъ иныи игумень будетъ. И тѣ села въдаеть игумень и старцы, а кунцики мои с тѣхъ селянъ кунъ не берутъ и иныхъ никакихъ пошлинъ... а въдаютъ тѣ селяне дѣло монастырьское ‘вот я, Иван Васильевич, со своей женой Евдокией даю монастырю святого Иоанна Богослова... два села на Паденге, которые мне завещал дядя мой, Климентий Тимофеевич, игумену Серапиону и старцам и тому, кто после него будет игуменом. И этими селами пусть распоряжается игумен и старцы, а мои сборщики подати пусть с этих крестьян денег не берут и никаких других налогов... а трудятся пусть эти крестьяне на монастырь’ Н281 (тѣ селяне — крестьяне, которые живут в пожертвованных селах),

А хто будетъ продавалъ полонъ въ княженьи в великомъ, а тому серебру погребъ с обѣ сторонъ Н23, список XV в. ‘а если кто-то продавал награбленное и плененных в великом княжестве, то те деньги прощаем для обеих сторон’ (то серебро — деньги, полученные от продажи пленных и добычи).

Таким образом, можно сказать, что атрибутив *тотъ* активно используется для отсылки к разным типам антецедентов.

3.1.2. **Субстантивированный атрибутив** *тотъ* в грамотах XV в., как и в XIV в., редко используется в анафорической функции. Подавляющее большинство случаев его употребления приходится на функцию детерминатива, о которой пойдет речь далее. В анафорической функции *тотъ* конкурирует с местоимением *онъ-его* и значительно уступает ему по частоте: всего было найдено около 20 примеров.

В нескольких случаях местоимение отсылает к имплицитному антецеденту; по всей видимости, писцом было опущено союзное слово *кто*, так что местоимение, по сути, выступает в роли детерминатива:

А поѣде^т на Версъ с торговлею, ино с того денга жо ‘если поедет с товаром в Бежецкий Верх, то с того надо взять пошлину’ Цб3а;

А поедет^м без^з торговли, ино с то^{с(о)} мыта нѣтъ и пошли^н ‘если поедет без товара, то с того пошлины не надо брать’ Ц59а.

Однако было зафиксировано несколько примеров, в которых местоимение не является вершиной относительного придаточного и не отсылает к людям, ограниченным условиями, описанными в придаточном из предшествующего текста. В некоторых случаях, как и в примерах из грамот XIV в., описанных в разделе 2.1, субстантивированные атрибутивы отсылают к неопределенному antecedенту, ограниченному условиями:

*А будетъ ти киличѣя послати в Орду, и что с ни^м пошле^ш или х тобѣ посо^л татарскои приде^м, и тобѣ то^{с(о)} почтити кр(е)стьяньского дѣла добра, а то тобѣ не в ызмѣну ‘а если ты отошлешь посла в Орду с подарками или к тебе приедет татарский посол и ты его примешь с почестями ради благополучия христиан, то это не будет считаться нарушением договора’ Ц19 (*тотъ* — гипотетический татарский посол, который может приехать в будущем),*

*А ц(а)реви^{ч(а)} на^м Да^няра или хто по не^м на то^м мѣстѣ иныи ц(а)р(е)в(и)^ч буде^м, и тобѣ е^{с(о)} держати с нами с о^дно^{с(о)}, а буде^м брате мнѣ великом^у кн(я)зю и моем^у с(ы)ну великому кн(я)зю иного ц(а)рви^{ч(а)} в^мколѣ принати въ свою землю свое^{с(о)} дѣла и хре^стьянско^{с(о)} дѣла, и тебѣ и того держати с нами с о^дного ‘а царевича Данияра или другого царевича, который будет на его месте, ты будешь содержать вместе с нами, а если мне, великому князю, или моему сыну придется откуда-то принять другого царевича в свою землю ради благополучия своего и христиан, то тебе содержать его вместе с нами’ Ц70Ia (*тотъ* — гипотетический царевич, который может приехать к князьям).*

Субстантивированный атрибутив зафиксирован и в предложениях с сегментированной конструкцией:

А в^рди^нци и дѣлюи, тѣ^м знати своя служ^жба по старинѣ, а земли и^х не купити Ц45Ia, Ц56a, Ц58a (это предложение впервые встретилось в

грамоте Ц13 1390 г. и с тех пор не раз повторялось в более поздних грамотах);

А про послы и про купци новгородские, тѣхъ вамъ не приимати Н22, Н26 (интересно отметить, что эта фраза также дословно повторяется в нескольких грамотах).

В грамотах встретилось всего два случая употребления субстантивированных атрибутивов при отсылке к антецедентам — определенным именным группам. В одном случае речь идет о людях:

А приѣхалъ от Новгорода Есифъ Васильевичъ, сынъ посадничъ, а от житыхъ Тимофии Ивановичъ; с тými есми миръ кончалъ ‘приехали из Новгорода Иосиф Васильевич, сын посадника, а от зажиточных граждан Тимофей Иванович, с ними заключили мир’ Н70.

Другой случай — единственный в корпусе грамот, в котором субстантивированный атрибутив в анафорической функции отсылает к предметам:

Другая полоса земли в лесном же поли, выменялъ ею в Селюши в Павлова, а далъ противу тое в Романови въ[ре]тѣи землю и з закраиною ‘другая полоса земли тоже в лесном поле, ее выменял у Селюши Павлова, а вместо нее дал в Романовой веретье (сухом месте среди болот) землю с крайним участком’ Н170.

Субстантивированный атрибутив *тотъ* в анафорической функции для отсылки к людям или предметам использовался нечасто, хотя это было возможно. Мы затрудняемся сказать, с чем связано употребление указательных местоимений именно в этих контекстах; в некоторых примерах местоимения, которые отсылают к неопределенным именным группам, могли испытать влияние субстантивированных атрибутивов в функции детерминатива.

3.1.3. Местоимение-субстантив *то* в анафорической функции

Проанализируем случаи употребления местоимения-субстантива *то*. Его антецедентом является **предмет** или **ситуация**.

Примеры употреблений субстантивов *то*, отсылающих к прежде упомянутым **предметам**:

А с ло^{д(б)}и пошлина с доски по два алтына, а болии того пошли^н нѣ^т
‘с каждого корабля пошлина с каждого торгового договора (?) два алтына, а других пошлин нет’ Ц63а,

Се купи попъ Максимъ Иониничъ у Семеновыхъ дѣтеи у Левонтѣя и у Ивана на лѣтної стороны тони. рѣку Яренгу от устья и до верховья. по обѣ стороны рѣки пожни и озора ... А даша на томъ попъ Максимъ Иониничъ Семеновымъ дѣтемъ Левонтѣю и Ивану десеть сороковъ бѣлки ‘вот купил священник Максим Ионинич у Леонтия и Ивана Семеновых на южной стороне рыбные угодья: река Яренга от устья до верховья, по обе стороны реки сенокосные угодья и озера... а дал за это священник Максим Ионинич Леонтию и Ивану Семеновым 10 сороков белок’ Н135,

Досташась Василю 3 села земли: Иудино седенье, да Созоново седенье, да Михалкино седенье. А Маковею досташась противъ того 3 села земли: Василево седенье, да Елизарово седенье, да Онаньино седенье ‘досталось Василю 3 земельных владения: усадьба Иуды, Созона, Михалки. А Маковею досталось вместо них 3 земельных владения: усадьба Василя, Елизара и Ананьи’ Н324.

Местоимение *то*, как и в грамотах XIV века, активно употребляется в качестве коррелята в сегментированных конструкциях:

А на великомъ посадѣ Мѣравьевъскѣи двѣрь и съ садо^м, то все ему же ‘а в большом посаде Моравьевский двор с садом, это всё ему же [внуку, князю Юрию Васильевичу дмитровскому]’ Ц57,

А ѡ(т)чины ти моее Москвы и все^{2(о)} велико^{2(о)} княжения и оудѣла мое^{2(о)}, того ти подо мною блюсти ‘а мою вотчину Москву, всё великое княжение и мой удел, это признавай моим’ Ц36а;

А пожня горочкая на Быстрои, а то имъ по полов[и]намъ ‘а городской сенокос на реке Быстрой, а это им пополам’ Н278;

А дворище мое, а то в домъ святому Спасу в Соловки ‘а мою усадьбу, а это завещаю Соловецкому монастырю’ Н271;

А вноучи свои и приворотъки, а то даю по своей д(у)ши за сорокоустъ ‘а мою обувь и шейные платки, а это завещаю на поминание моей души’ П33 [Марасинова 1966: 72–73] (всего 19 примеров в новгородских грамотах, 5 — в псковских, 16 — в грамотах центра).

Субстантив *то* отсылает и к описанным прежде **ситуациям**:

Вы, сусѣдѣ наши, посадникѣ, и ратманѣ, и вси добрыи люди, насѣ дѣля, мастера доброго колоколного к намъ пришлите, а тымъ издружите намъ ‘вы, наши соседи, посадники, ратманы, граждане, ради нас пришлите хорошего колокольного мастера к нам, этим нам удружите’ Н65 (то — отправка колокольного мастера),

А кто имѣ^т холопа или должника, а постави^т пере^д волостеле^м, в то^м ему вины нѣ^т, а выведе^т из волости, а пере^д волостеле^м не постави^т, в то^м ему вина ‘если кто-то возьмет холопа или должника и сообщит управляющему волости, он невиновен, а если выведет его из волости и не сообщит волостелю, то он виновен’ Ц63а,

А что твои люди деленыи ловчане, и вни свои мѣста и ухажая вѣдаю^т по старинѣ... и в то мнѣ твоему брату во все не вступати^с ‘а твои бортники (?) и охотники, они свои места и угодыя используют, как раньше... в это мне, твоему брату, не вмешиваться’ Ц84б.

Всего в двух предложениях антецедентом субстантива *то* были обозначения **людей**:

А дастъ моя княгини дочере^м мои^м из моихъ холопо^в по пяти семеи, а опроче того вси холопи мои на слободу Ц22,

А кого выму собѣ огороднико^в и мастеров^в, и мнѣ, великому кн(я)зю, и мои^м дѣте^м два жеребья, а тобѣ, брате, того треть ‘а если я получу

себе строителей укреплений и мастеров, то мне, великому князю, и моим детям две трети, а тебе, брат, от них треть' Ц56а.

По всей видимости, на употребление субстантива в этих двух контекстах мог повлиять социальный статус этих людей (*мастера, холопы*); в других случаях субстантив *то* для обозначения людей не зафиксирован.

Таким образом, местоимение *тотъ* в грамотах XV в. во многом совпадает по сфере употребления с этим местоимением в грамотах XIV в. Указательные группы с атрибутивами могли отсылать к разным типам antecedентов. Субстантивированные атрибутивы и субстантивы распределены по сферам употребления: субстантивы использовались для отсылки к предметам и к предикатным antecedентам (ситуациям), субстантивированные атрибутивы — к людям. Примеры нарушения такой закономерности были найдены, но они немногочисленны; часть из них может быть объяснена не семантикой местоимения, а другими факторами.

3.2. Местоимение *тотъ* в артиклевой функции

Атрибутив *тотъ* в артиклевой функции при постоянном обозначении объекта представлен еще в грамотах последней четверти XIV в. (раздел 2.2). В грамотах XV в. количество таких употреблений значительно возрастает: в некоторых грамотах при повторном обозначении объектов это почти обязательно (например, в грамоте Н122). Создаются длинные цепочки повторных наименований:

А о че^м су^дя мои, великого кн^я^{3(я)}, с брата моего судьею, со кн^яжи^м с Дмитриевы^м Юрьевича Ме^ншего, сопру^мся, и вни зову^мся на третей, а беру^м соб^я третьего из великого кн^я³ боярь дву боярино⁶, а изо кн^яжи^х из Дмитриевы^х Юрьевича Меншего одного боярина... а не изберу^м соб^я третьего из т^я^х тре^х боярино⁶ третьего, и они приду^м пере^д мене, пере^д великого кн^я³, ино и^м третей я³, кн^я^{3(б)} великии. А не изберу^м соб^я су^д^{д(б)}и и³

тѣ^х трѣ^х боярино⁶ третьего, и они придут^м пере^д мене, перед великого кн(я)зя, и мнѣ велѣти ему брати и^з тѣ^х же трѣ^х боярино⁶ третьего, на которы^х ся звали. А не всхоцет^м то^м, на ко^м искали, из тѣ^х трѣ^х боярино⁶ третьего, и мнѣ, кн(я)зю великому, того обвинити ‘если о чем-то мой судья, великого князя, с судьей моего брата, князя Дмитрия Юрьевича младшего, станут спорить, пусть они вызываются на третейский суд и выберут себе третейского судью из троих: двух бояр великого князя и одного боярина князя Дмитрия Юрьевича младшего... а если не выберут себе третейского судьи из этих трех бояр, то пусть идут ко мне, великому князю, и им третейский судья я, князь великий. А если не выберут себе третейского судьи из этих трех бояр, то пусть идут ко мне, великому князю, и я велю ему (?) выбирать из тех же трех бояр судью, к которым они вызывались (?). А если не захочет тот, на кого подали в суд, этого судью из трех бояр, то я, князь великий, того признаю неправым’ ЦЗ4, 89 (приписка почерком 15 в.);

Помимо возможности употребляться для постоянного нейтрального обозначения объекта, у атрибутива *тотъ* есть еще одна нехарактерная для указательных местоимений способность: он может употребляться с именами собственными. И. И. Ревзин пишет, что указательное местоимение *этот* или *тот* «выделяет один объект, принадлежащий классу. ... Если весь класс состоит из одного предмета, то употребление *этот* — *тот*, собственно говоря, некорректно» [Ревзин 1973: 122]. Е. М. Вольф говорит о том, что указательное местоимение «не сочетается со словами, которые индивидуализированы по самому своему смыслу. К ним относятся личные местоимения, собственные имена, определенные дескрипции» [Вольф 1974: 117]. В грамотах указательные местоимения употребляются с именами собственными — географическими названиями:

Да бл(а)г(о)^{с(ло)}в(л)яю г(осподи)на своего велико^{с(о)} кн(я)зя Ивана Васильевича^{ч(а)} свою w^мчиною... и Бѣлы^м wzерw^м с волост(ь)ми и со всѣ^м,

что к тому Бѣлу вѣзеру истарины потагло ‘завещаю господину моему великому князю Ивану свою вотчину... и Белоозеро с волостями и со всем, что исстари принадлежало этому Белоозеру’ Ц80а,

А и³ Юриевскы^х из свои^х сель даю ему свои ж прику^н: Тура^бевскийи села всѣ вприсно Бере^зниковъ да Ра^ткова да О^ле^ксина, а то О^ле^ксино дала есмь княгинѣ Ефросинѣ до ее живо^{т(а)} ‘а из моих Юрьевских сел завещаю ему свою покупку, все Турабьевские села, кроме Березников, Раткова и Олексина, а это Олексино дала княгине Ефросинѣ на время ее жизни’ Ц57,

Се язъ ... Феофилъ далъ есмь в домъ святаго Спаса и Успению святѣи Богородици и святаго чюдотворца Христова Николы Соловецкого монастыря игумену и священникомъ и всѣмъ старцомъ Бобровую гору, четыре селца, и землю, и воду, и полѣшии лѣсъ и страдомыи лѣсъ, и водныи ловища. А в тую в Бобровую гору не вступатися никому же ‘вот я, Феофил, даю Соловецкого монастыря игумену, священникам и всем старцем Бобровую гору, четыре сельца, землю, воду, участок, поросший лесом, пахотный лес и рыбные угодыя. А на эту Бобровую гору пусть никто не заявляет прав’ Н99,

Се купи Михаиле Вахромѣевичъ да Игнатей Вахромѣевичъ у Филкы, да у Родкы, да у Онашкы у великихъ смердовъ у Григорьевичей Малой Юры рѣкы от устья и до верховья два жеребья... А в той Малой Юры рѣкы Паустовичамъ треть ‘вот купил Михаил Вахрамеевич и Игнатий Вахрамеевич у Фильки, Родки, Онашки Григорьевичей, богатых (?) смердов, две части реки Малой Юры от устья до верховья... а в этой реке Малой Юре треть принадлежит Паустовичам’ Н194.

А также с именами людей:

Се язъ Миня Васильевъ сынъ купилъ есми себѣ землю и своимъ дѣтемъ у Никона... И тиунъ Тишковъ спросилъ Никона: «Продалъ ли еси свои участокъ земли в Лялинѣ погости и в тоняхъ, и взялъ ли еси на тое земли 17 сороковъ бѣлкѣ, а попольнѣка (‘в придачу’) пузь ржы?» И

Никонъ тако рекль: «Продаль есми, господине, тому Мини свои участокъ земли» Н220,

Здесе зялуются намъ молодии люди купцини Иване да Кузма на вашего брата на Иволта, что тотъ Иволтъ, не зная Бога, вдержяль нашихъ купцинь Ивана да Кузму 5 днѣи... мы тому велми дивимся, что теи Иволтъ не право чинить ‘здесь жалуются нам молодые купцы Иван и Кузьма на вашего соотечественника Иволта, что этот Иволт, не зная Бога, задержал наших купцов Ивана и Кузьму на 5 днѣй... мы очень удивляемся, что этот Иволт поступает незаконно’ П336,

Первое о обидахъ, што наши купъцы Микифорко купли на заехалъ у Луцъкое торгомъ, и воевода луцъкии того Микипоръка всего ограбилъ, товару много ‘сначала [напишем] об обидах, когда наши купцы и Микифорко приехал торговать в Луцк, а луцкий воевода у этого Микипорка отнял много товаров [конец предложения]’ П339, список XVI в. из Литовской Метрики.

Таким образом, атрибутив *тотъ* имеет более широкое употребление, чем указательные местоимения в современных языках, артиклевых (например, в иберо-романских, по описанию Е. М. Вольф [Вольф 1974]) и безартиклевых (например, в литературном русском языке, по описанию Е. В. Падучевой [Падучева 2010; 2016]). Эти две особенности: способность сочетаться с именами собственными и использование указательной группы для постоянного обозначения объекта без смены категоризации — свидетельствуют о том, что указательные группы с *тотъ* в грамотах в некоторых случаях служат нейтральным наименованием и конкурируют с местоимениями третьего лица. По всей видимости, можно сказать, что в некоторых контекстах местоимение *тотъ* выступает в роли факультативного определенного артикля.

3.3. Местоимение *тотъ* в функции детерминатива

Как и в грамотах XIV в., помимо анафорической функции, местоимение *тотъ* служит одним из средств связи между придаточной и главной частями сложного предложения. Субстантивированный атрибутив *тотъ* и субстантив *то* в этой функции является вершиной придаточного предложения — словом в главной части, от которого задается вопрос к придаточной. Местоимение-атрибутив *тотъ* в этой функции зависит от существительного — вершины придаточной части и образует с ним указательную группу.

3.3.1. Местоимение-атрибутив *тотъ* в функции соотносительного слова.

Начнем анализ атрибутивов в этой функции с предложений с препозицией придаточной части — она стоит перед главной, а указательная группа в главной части отсылает «назад» (предложения **архаического** типа по классификации А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1997: 75]). В таких случаях нельзя сказать определенно, какую функцию выполняет местоимение — анафорическую или соотносительного слова. Не всегда можно утверждать, что перед нами именно сложноподчиненное предложение, а не сложносочиненное или сочетание нескольких простых.

В придаточных препозитивных местоимения, выполняющие функции союзных слов, часто зависят от существительного; то же существительное или его синоним затем будет повторено в главной части в сочетании с указательным местоимением.

Приведем примеры таких предложений с разными союзными словами — *которыи, что, кто*, употреблёнными при существительных в атрибутивной функции. В указательной группе, которая находится в главной клаузе, это существительное повторяется:

А которые земли и воды втошли w^m нашии w^mчины... а тѣ^m, брате,
земла^m и водамъ су^o и и^cправа на вѣтъ стороны ‘какие земли и воды отпали
от нашей вотчины... тем землям и водам суд с участием обеих сторон’
Ц59а,

А которыхъ дѣ^l не искали до наше^{2(o)} докончанья, и тѣ^m дѣло^m на обѣ
стороны су^o ‘какие споры не решались до нашего договора, те дела с
обеих сторон будем судить’ Ц84б,

А что мати моя, великая кн(я)г(и)ни, дала тебѣ в нашей втчинѣ в
велико^m кн(я)жение в Ростовѣ куплю свою, колода^{3(b)} солонои оу Соли оу
Ростовские, и то^m колода³ твои и есть ‘а который колодец моя мать,
великая княгиня, дала тебе в нашей вотчине, в великом княжении, в
Ростове свою покупку, соляной колодец в Соли Ростовской, тот колодец
по-прежнему будет твой’ Ц70 Ia,

Чимъ володѣтъ Ортемеи, по отца своего и по братьи своеи по
купнымъ грамотамъ по дернымъ и по розделной грамоте з братомъ
своимъ с Семеномъ, своимъ уч[а]сткомъ земли, и пожнями, и всими
угодьи, тимъ володѣтъ Мелентю Чеваки и его дѣтемъ, тими землями,
и пож[н]ями, и всими угодиш, по Ортемын[у] володѣнию ‘которым
владел Артемий по документам своего отца и братьев о покупке, правах
на имущество, разделе с братом Семеном участком земли, сенокосами и
всеми угодьями, тем владеет Мелентя Чевака и его дети, этими землями,
сенокосами и всеми угодьями, как было во владении Артемия’ Н182,

А которые мои люди не писаны в сеи д(у)ше^vной грамоте, и те мои
люди все на слободу (‘на свободу’) Ц86,

Хто лиходѣи великихъ князеи побѣжитъ изъ Рускои земли изъ
Московского княжения в Литву или в Нѣмци, а из Литвы или изъ Немець
прибѣжитъ к Великому Новугороду, и Новугороду тыхъ лиходѣевъ не
приимати ‘если кто-то из врагов великих князей сбежит из русской
земли, из Московского княжества в Литву или к германцам, а из Литвы

или от германцев прибудет в Великий Новгород, то Новгород пусть этих врагов не принимает' Н23, 1456 г., список к. XV–н. XVI в.

Во всех этих предложениях дважды повторяется одно и то же существительное, сначала в сочетании с союзным словом, затем в составе указательной группы. Указательное местоимение в таких предложениях устанавливает дополнительную связь с придаточным предложением, помимо связи при помощи союзного слова.

При помощи союзного и соотносительного слов могут быть связаны последовательным подчинением несколько придаточных:

А что мои мана^стырь Сп(а)сь сты(и) на Камено^м, и которые земли то^{с(о)} мана^стырѧ, села и деревни в моеи во^тчинѣ моего данья и не мое^{с(о)} данья, и ꙗ(осподи)нѣ бы кня^{з(б)} велики пожалова^л, тѣ^х земе^л манастирски^х сп(ас)ски^х всѣ^х пи^сцо^м писати и дани с ни^х имати не велѣ^л 'а что касается моего Спасо-Каменного монастыря и земель того монастыря, сел и деревень в моей вотчине, подаренных мной или не мной, тех всех земель Спасского монастыря, князь, пожалуй, не вели своим писцам описывать и с них не вели брать дань' Ц74,

Также кои села в моеи в^тчинѣ въ Дмитровѣ и в Можайску и в Медыни и в Серпуховѣ и на Хотуни, и что в тѣ^х селе^х хлѣба стояче^с, и мати моя также то^т хлѣбъ вели^т продати 'также которые села в моей вотчине, в Дмитрове, Можайске, Медыни, Серпухове, Хатуни, в тех селах который урожай на полях не собран, тот хлеб пусть моя мать также велит продать' Ц68.

Повторение существительных в таких примерах помогает прояснить структуру предложения.

Можно сделать вывод, что для предложений с препозицией придаточного был характерен повтор существительного в обеих частях предложения, и указательное местоимение в этом случае не только укрепляло связь между двумя частями, но и маркировало главную часть.

Перейдем теперь к анализу предложений **классического типа** по классификации А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой, с придаточным в постпозиции. В них указательная группа с атрибутивом *тоть* отсылает «вперед», к последующему контексту (предложения).

В языке грамот XV века значительно увеличивается количество предложений с придаточными в постпозиции, в которых употреблено указательное местоимение-атрибутив. Если среди предложений с указательными местоимениями в материале грамот XIV века придаточная часть стояла после главной всего в 10 случаях, то в грамотах XV века таких предложений гораздо больше (больше 100 примеров в исследованном материале). При этом стоит отметить, что большинство этих примеров — в грамотах великорусского центра (95 в подлинниках и списках), и всего 10 примеров — в новгородских и псковских. Среди этих предложений, как и в уже рассмотренных предложениях архаического типа, часто встречаются такие, в которых повторяется одно и то же существительное в главной и в придаточной части:

А дати ми, з(о)^{с(поди)}не, тебѣ с Углича пола в се^{м(ь)} тыся^{ч(ь)} ру^{б(лев)} сто ру^{б(лев)} и п^{л(ь)} ру^{б(лев)}, а с Городца и с тѣ^х волостей, которыѣ ми еси волости к Городцю придал, дати ми тебѣ в полторы тысячи ру^{б(лев)} сто ру^{б(лев)} и шестьдеса^т ‘я должен тебе, господин, дать с Углича в 7000 рублей дани 105 рублей, а с Городца и тех волостей, которые волости ты мне дал в придачу к Городцу, я должен тебе дать в 1500 рублей дани 160 рублей’ Ц16,

А что мои хлѣ^б стоячеи в тѣ^х селе^х, кои есмь села подава^л матери своеи великои кн(я)з(и)нѣ и з(осподи)ну своему великому кн(я)зю и с(ы)ну его кн(я)зю Ивану и братии своеи молв^ошей, или кои есмь села подава^л по монастыре^м... ‘а что мой несобранный урожай в тех селах, которые села я отдал своей матери, великой княгине, и господину своему, великому князю, и сыну его, князю Ивану, и моим младшим братьям или которые села я отдал монастырям...’ Ц68,

А тыхъ всихъ сель пожни, и ловища, и страдомыи земли, и лѣсы, а то к тымъ селамъ по старинѣ, ис которого села гдѣ дѣлали ‘а во всех этих селах сенокосы, охотничьи угодья, пахотные земли и леса, а это принадлежит по-прежнему тем селам, из которых сел их обрабатывали’ Н278.

Помимо предложений с повтором существительного встречаются и такие, в которых нет существительного при союзном слове в придаточной части, то есть местоимение становится в полном смысле слова относительным. При отсылке к **людям** используются союзные слова *что, которыи, кои*:

А княгинѣ моеи тѣ люди, што есмь ей подава^л при своемъ животѣ, и грамоты полные тѣ^х людеи оу нее ‘даю моей княгине тех крестьян, которых ей отписал при своей жизни, а документы на этих людей у нее’ Ц20,

А су^{д(б)}ямъ нашы^м третей вол(ь)нои, а бере^т третей^{с(о)} то^т су^{д(б)}я, с которы^м ищя ‘для наших судей третейский судья любой, а выбирает его тот судья, которого поддерживает истец’ Ц66,

А что в то^т селѣ и в д(е)р(е)вен(ь)кѣ серебра на люде^х, ино того серебра половина великои Тр^{о(и)}цѣ, а другаа половина тѣ^м хр(и)стиан^м, на кои^х то серебро ‘а что касается долга крестьян в этих селе и деревне, то половина долга Троицкому монастырю, а половина тем крестьянам, кто сам должен’ Ц68.

И мы поставили передѣ Иволтомъ тыхъ людеи, которыи имали пиво и медъ за свои пенежи ‘и мы поставили на очную ставку Иволта и тех людей, которые взяли пиво и мед за свою плату’ П336.

Для обозначения **предметов** используются союзные слова *что, которыи, гдѣ, колько*:

А тѣ волости и села, што есмь подавалъ своеи княгинѣ, пославъ с(ы)нѣ мои да моя княгини опишють ‘а те волости и села, которые я отдал своей княгине, мой сын и моя княгиня пошлют описать’ Ц21,

Да даю после своего ж живота к стѣму Сп(а)су в Одрѣни[ково на] Москвѣ свое селѣ Лучинское впро^ч тое земли Можжевелника, чѣ^м есми пожалова^л свое^е боярина ‘завещаю Спасо-Андроникову монастырю в Москве свое селѣ Лучинское, кроме той земли Можжевелника, которой я пожаловал своего боярина’ Ц80в,

А князю Костянтину Дми^треевичу давати тобѣ дань и я^м с Шачебала и с Ликурги и с тѣхъ волостей з звенигоро^дскихъ, которыи за ни^м, ка^к дава^л при мое^м отци ‘князь Константин Дмитриевич должен давать тебе дань и ям (дань для проезда татар) с Шачебала, Ликурги и с тех звенигородских волостей, которые ему принадлежат, как давал при жизни моего отца’ Ц24а,

А что есмь которыи села свои подавала своему с(ы)ну великому кн(я)зю [и своей сн]о^стѣ великой княгинѣ М(а)рьѣ и своимъ внучат^ом, и я^з имъ тѣ села подавала по тому ^ж с половиною издѣлно^{с(о)} серебра [и с жив]отиною да съ хлѣбо^м с тѣ^м, которыи в земли ‘а какие села я дарила своему сыну, снохе, великой княгине Марьѣ, и внукам, те села я дарила тоже с половиной налогов, со скотом и с урожаем, который будет в этом году’ Ц57,

А бла(го)с(о)ловляю свои снохи и своего внука князя Василья Ярославича монастыре^м Рожѣство^м святѣи Бѣы, а дала есми тому монастырю, гдѣ ми самой лечи, села... ‘завещаю своим снохам и своему внуку Василию Ярославичу Рождественский монастырь, а завещаю этому монастырю, где я буду похоронена, села...’ Ц28,

... а встан^ок того с(ы)нѣ мои Дми^треи ро^зведе^т на Гали^ч на свои оудѣ^л по тому вкладу, колко на которой волости я^з ималѣ, да то в^мдастѣ ‘а оставшюся часть дани мой сын Дмитрий соберет со своего удела в Галиче по тому расчету, сколько я брал на каждой волости, и это отдаст’ Ц29,

В лѣто 6000-е 57-е, а от тое зимы, коли корѣла за моромъ дв[и]нянъ грабили ‘в год 6057, после той зимы, когда карелы на море грабили жителей Двинской земли’ Н152.

Во всех этих предложениях указательное местоимение предваряет придаточную часть, маркируя ее вершину. Интересен пример из двух парных грамот Ц35Ia и Ц35Iб: в первой грамоте в зависимой клаузе есть существительное, а во второй оно опущено:

Чемъ его бл(а)г(о)словиъ мои о(те)ць кн(я)зь Юрьи Дмитриевич^ч по о(т)ца моего д(у)хвнѣи грамотъ, оприсно того села, что есмь взя^л оу Семена оу Аминева пасынка село в Тростнѣ въ своемъ имени ‘что ему завещал мой отец, князь Юрий Дмитриевич, по его завещанию, кроме того села, которое село я взял у Семена, Аминева пасынка, в Тростне на свое имя’ Ц35 Ia,

Чемъ его бл(а)г(о)словиъ твои о(те)ць кн(я)зь Юрьи Дмитриевич^ч по отца твоего дхвнѣи грамотъ, опрѣ того села, што еси взя^л оу Семена оу Аминева пасынка в Тростнѣ в свое^м имяни ‘что ему завещал твой отец, князь Юрий Дмитриевич, по его завещанию, кроме того села, которое ты взял у Семена, Аминева пасынка, в Тростне на свое имя’ Ц35 Iб.

Этот пример свидетельствует о том, что предложения с повтором существительных и с пропуском существительного в придаточном воспринимались как полные синонимы.

Подытоживая сказанное, можно сказать о том, что атрибутив *тотъ* активно участвует в оформлении связи между главной и придаточной частью в сложноподчиненном предложении.

3.3.2. Субстантивированные атрибутивы *тотъ* в функции соотносительного слова.

Субстантивированные атрибутивы *тотъ* почти всегда используются в случаях, когда в придаточном предложении идет речь о людях. Для отсылки к ним могут использоваться указательные группы с

атрибутивом *тотъ* и существительным *люди*, однако таких примеров меньше, чем предложений с субстантивированными атрибутами.

[а кото]рьи будетъ издѣльныи серебреникъ изможенъ в животъ, а не вхудѣль, возможе^m заплатити и все серебро, и на то^m с(ы)нъ мои [вели]кии кня^{3(b)} вели^m все издѣльное серебро взати ‘который из крестьян, кто работает за долг, будет благополучен, не обеднеет, сможет заплатить весь долг, на том пусть мой сын, великий князь, велит взять весь долг’ Ц57,

Что мои нѣтци поиманы или в целование и на поруцъ оу то^{6(e)} или серебру перевод оучини^l боудешъ, и тобъ, г(осподи)не, мнѣ тѣ^x в^mпустити ‘а что мои пленные взяты, по договору или с поручителями, или с переводом долга, то ты всех мне отдай’ Ц36б,

А кои сѧ не име^m тагати, съ то^{2(o)} пошлины нѣтъ ‘кто не будет судиться, с того пошлины не брать’ Ц59а,

А хто половеникъ или два на томо селѣ, а на тыхъ сочекому и весемъ слобѣжаномо рѣзруба не класти ‘а кто издельщик (тот, кто работает за половину урожая) или два в этом селе, на тех пусть сотский староста и все жители слободы платежа в пользу общины не берут’ Н191.

Было найдено всего три примера, в которых субстантивированный атрибутив отсылает не к людям, а к предметам или ситуациям, описанным в придаточной части:

А что мои села на Вологдѣ, Говоровъские и Янгоса^pские и Маслени^чские, а тѣ даю своему брату кн(я)зю Ан^dрѣю Мен(ь)шему Ц68 (список 15 в.);

А которые соуды издавнѣна потагли к Москвѣ изъ твоее вочи^{n(ы)}, и тѣ^m и нынѣ потану^m по старинѣ ‘которые суды в твоей вотчине издавна относились к Москве, те пусть и теперь относятся, как раньше’ Ц36а (список 15 в.),

А что буде^m в^mна^l вѣць твои, кн(я)зь великы Гѣлегъ Иванович^ч, Татарьския мѣста и Морѣдовския, а та тобъ и есть ‘а которые

татарские и мордовские поселения завоевал твой отец, князь великий Олег Иванович, те тебе и принадлежат' Ц19 (список 15 в.).

Все эти три примера выписаны из списков грамот; возможно, в оригиналах вместо субстантивированного атрибутива в главной части была указательная группа с повтором существительного из придаточной части. Можно сравнить последнее предложение с аналогичным, в котором употреблена указательная группа:

А что буде^м w(те)ць наш кн(я)зь великы Дми^треи Иванови^ч wтаимал Татарьская мѣста и Мордовская мѣста, а ци перемени^м Б(о)гъ татарь, и та мѣста мнѣ 'а которые татарские и мордовские поселения завоевал наш отец, князь великий Дмитрий Иванович, если Бог избавит нас от татар, те принадлежат мне' Ц19 (список 15 в.).

Как нам кажется, субстантивированные атрибутивы использовались более часто для обозначения людей, а отсылка к предметам — это сокращение аналогичной указательной группы.

Прежде чем перейти к предложениям классического типа, в которых субстантивированные атрибутивы отсылают «вперед», приведем примеры предложений, в которых до и после главной части стоят синонимичные придаточные; указательное местоимение отсылает одновременно и «назад», и «вперед»:

А хто которому кн(я)зю служи^м, гдѣ бы ни жи^л, с тѣмъ ему и рѣхати, которому служи^м Ц67,

А которы^м есмь дѣте^м свои^м села подава^л во чье^м оудѣле ни буди, ино того и су^д на^д тѣми селы, кому дано Ц61.

Возможно, с увеличением числа предложений классического типа авторы грамот чувствовали потребность в употреблении придаточной части после вершины и добавляли ее, несмотря на то что в начале предложения уже находилась придаточная часть.

В предложениях **классического типа** также часто используются субстантивированные атрибутивы. Они в большинстве случаев отсылают к упомянутым в придаточной части людям:

А воимянуе^т третьи^х то^т, которои ище^т, а то^т бере^т, на которо^м ищю^т ‘называет кандидатов на третейского судью тот, кто подает в суд, а выбирает тот, кто отвечает на иск’ Ц34п,

... а мнѣ тобѣ тѣхъ сказати, оу кого есмь то серебро заимыва^т ‘а я тебе назову тех, у кого занимал эти деньги’ Ц30а,

... а тѣхъ ти послати к на^м, кого к тебѣ пришлю^т ‘пошли к нам тех, кого к тебе пришлют’ Ц76.

Было найдено всего одно предложение, в котором субстантивированный атрибутив относится не к людям, а к предмету (*пошлины*):

Да бл(а)г(о)^{с(ло)}в(л)аю г(осподи)на своего велико^{с(о)} кн(я)зѣ Ивана Васи^леви^{ч(а)} Ярослави^{ч(а)} с волостми и с селы и слободами и со всѣми пошлинами, впрочъ тѣхъ, которые есми да^т по своей д(у)ши ‘завещаю господину моему, великому князю Ивану Васильевичу, Ярославцу волостями, селами, слободами, со всеми пошлинами, кроме тех, которые завещал себе на помин’ Ц80а.

Возможно, в этом случае писец избегал повтора слова *пошлины*, который получился бы в главной части, если бы вместо субстантивированного атрибутива стояла указательная группа: **со всѣми пошлинами, впрочъ тѣхъ пошлинъ, которые...*

В целом, характеризуя употребление субстантивированного атрибутива *тотъ*, можно сказать, что он является вершиной придаточного в предложениях архаического и классического типов, а также в тех предложениях промежуточного типа, в которых от одной вершины-указательного местоимения зависят две придаточных части: одна стоит перед главной, другая — после.

3.3.3. Субстантив *то* в функции соотносительного слова.

Если субстантивированный атрибутив *тоть* употребляется преимущественно для отсылки к людям, то субстантив *то* отсылает к предметам или ситуациям, но не к людям. Было найдено всего одно предложение, в котором субстантив *то* отсылает к упомянутым в придаточном **людям**:

А что въ городъ въ Переславли твои люди тѣглы, которыхи посло⁶ корма^т, и мыта и иныи пошлыны, и мнѣ в то не вступати^с ‘а которые в городе Переславле податные люди, которые обеспечивают проживание послов, и таможенные и другие пошлины, на это я претендовать не буду’ Ц846.

Возможно, на выбор использования субстантива повлияло то, что вместе с людьми в придаточном перечисляются *мыта* и *пошлыны*. Во всех остальных предложениях в придаточном говорится о предметах или ситуациях.

Субстантив *то* часто употребляется в предложениях как архаического, так и классического типов. Приведем примеры предложений **архаического типа** с разными союзными словами. В большинстве примеров субстантив отсылает к предметам:

Которыи озора истоками падуть въ Яренгу рѣку, то все Яренскийи ‘которые озера истоками впадают в реку Яренгу, все относятся к Яренге’ Н135,

А что место воде моеа в Коутке и кол(ь)це мое золотое, а то даю сестре своей ‘а что касается моего водного угоды (?) в Кутке и моего золотого кольца, это всё завещаю моей сестре’ П33 [Марасинова 1966: 72–73],

А што мое^{2(о)} пла^{т(б)}я и судо⁶ серебряны^х и коней, и те^м жена моя Авдотья и дѣти мои Василеи да Ива^н подела^тся ‘а что касается моей одежды, серебряной посуды и коней, то моя жена Авдотья и мои дети Василий и Иван поделят между собой’ Ц86,

А што зберу^т наши даницики, и тому ити в мою казну ‘что соберут мои сборщики дани, то пусть поступит в мою казну’ Ц45 Ia.

Субстантивы отсылают и к **ситуациям**:

А которые дѣла суженые или поле не кончал^с, а то кончать ‘которые судебные дела уже решены или еще не произошел судебный поединок, то все нужно завершить’ Ц47,

А што с^а, г(о)^{с(поди)}не, тобѣ w^т на^с с^стало, а того ти, г(о)^{с(поди)}не, кн^а^{3(b)} велики(и), мнѣ не помн^ити ‘что с тобой, господин, случилось по нашей вине, за то на меня зла не держи’ Ц51a,

В Москвѣ и в пошлина^х ка^к было при мое^м отцѣ, при велико^м кн(я)зи Васильи Дми^триевич^е, и за мною, за велики^м кн(я)зе^м, и тобѣ, брате, всего того под мною, под велики^м кн(я)зе^м, и по^д моими дѣт(ь)ми блюсти ‘Москва и пошлины как были при жизни моего отца, великого князя Василия Дмитриевича, и при мне, великом князе, ты, брат, на это так и признавай права мои и моих детей’ Ц45 Ia.

Теперь рассмотрим предложения **классического типа**. В них в основном используются союзные слова *что* и *как*:

А тобѣ, великому кн(я)зю, того не правити, что ся в то верем^я оучинило в зам^ятное ‘а ты, великий князь, не мсти за то, что случилось во время междоусобицы’ Ц33,

А также ти, г(о)^{с(поди)}не, не вступи^ти^{с(я)} в то, что ти было мнѣ придати при моем w^тцѣ, Дми^тро^в с волост^ьми..., Сузда^ль с волост^ьми... ‘а также тебе, господин, не претендовать на то, что ты мне отдал при жизни моего отца: Дмитров с волостями... Суздаль с волостями...’ Ц62,

... и тотѣ дворѣ и Иван^вѣское мѣсто моеи w^сподрыни, матери моеи, великои кн(я)г(и)нѣ, со всѣ^м с тѣ^м, ка^к было при моеи бабѣ ‘этот двор и Ивановская усадьба моей госпоже, моей матери, великой княгине, со всем тем, что там было при жизни моей бабушки’ Ц68.

В качестве вершины придаточных образа действия в сочетании с союзным словом *как* использовалось сочетание *по тому*:

А что мт(е)ць наш, кня^{3(b)} велики, поволи¹ своеи боярынѣ М(а)рие Федѣровѣ Федѣрови^{ч(a)} Гол^таевѣ дати тобѣ свои села, и тобѣ тѣ села вѣдати по тому, ка^к были за М(а)риею, а су^д и дань на тѣ^х селе^х наша ‘а что касается того, что наш отец, великий князь, позволил своей боярыне Марии, жене Федора Федоровича Голтяева, завещать тебе свои села, и ты ими будешь владеть на тех же условиях, что и Мария, а суд и дань с тех сел принадлежит нам’ Ц69 Ia.

Употреблялись сочетания *по тому* в основном «при контактном положении коррелята и союзного слова» [Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение 1979: 355].

Встретились и предложения, в которых сочетание субстантива *то* и предлога *дѣла* отсылает к придаточным, присоединяемым союзами *что, чтобы*:

Да после ^{жс} своего живота даю брату своему кн(я)зю Ивану Юрьеви^ч свои селца Митинское да Олешковское да Бѣлые Колѣдѣзи тѣм² дѣла, что дарѣ⁶ его за мною мно^{2(o)} да и д(у)шу мою поминае^т ‘а после своей смерти завещаю брату моему, князю Ивану Юрьевичу, свои сельца Митинское и Олешковское, Белые Колодези, потому что у меня много подарков от него и чтобы он поминал мою душу’ Ц80в,

Зан[е]же того дѣла вамѣ повѣстуетѣ, чтобы вашему гостю накости не было ‘потому что к вам обращаемся для того, чтобы вашему купцу не было ущерба’ Н50.

В этих случаях соотносительное слово и союз образуют единое сочетание, которое служит показателем связи главного предложения и придаточного и определяет тип придаточного. «Некоторые наиболее употребительные предложно-местоименные сочетания следует рассматривать как вполне сложившиеся средства для обозначения — в соотнесении с союзами — семантико-синтаксических отношений между частями сложноподчиненных предложений. Таким одним из наиболее

употребительных был коррелят *для того* (или *того для*)» [Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение 1979: 309].

В заключение этого раздела опишем предложения с **множественной релятивизацией** с одним и тем же придаточным: в придаточном два союзных слова, а в главном предложении — два соотносительных. В них может использоваться как атрибутив *тотъ* (в составе указательной группы или субстантивированно), так и субстантив *то*:

А что оу страдны^x оу мои^x людеи моя животина, и оу ко^{2(o)} что буде^m моеи животины, тѣму тѣ и есть ‘а если какой-то мой скот есть у моих крестьян, у кого будет который скот, тому то и завещаю’ Ц80в,

А хто которому князю служи^m, тому с тѣ^m князе^m ходити (‘выступать в поход’) Ц24а,

... и в тѣ^x дворе^x вол(ь)на моя кн(я)г(и)ни, которы^m мои^m дѣте^m которое дастъ, ино то тому и есть ‘теми дворами распоряжается моя княгиня, каким моим детям что даст, то тому и есть’ Ц61б.

Приведенный материал свидетельствует о том, что указательное местоимение *тотъ* (*то*) очень часто использовалось в функции соотносительного слова для отсылки к придаточному предложению. Оно выступает как один из главных показателей наличия подчинительной связи наряду с союзным словом. В предложениях архаического типа с препозицией придаточного не всегда можно отличить функцию соотносительного слова от простой анафоры, однако в предложениях классического типа указательное местоимение однозначно отсылает не к прежде упомянутому человеку, предмету или ситуации, а только к тому, что говорится в придаточном, то есть выполняет только функцию соотносительного слова. Если атрибутивы *тотъ* в составе указательной группы факультативны, так как придаточное может присоединяться к существительному-вершине без помощи соотносительного слова, то субстантивированные атрибутивы *тотъ* и субстантивы *то* сами

являются вершинами придаточных предложений и являются необходимым компонентом связи придаточного предложения с главным.

Подобные предложения использовались и в грамотах XIV в. (см. главу 1, раздел 2.3). Мы сравнили в количественном отношении долю предложений архаического и классического типа в грамотах великорусского центра XIV и второй половины XV вв.

Таблица 1. Распределение относительных предложений с указательными местоимениями в грамотах великорусского центра XIV в.

№ грамоты	1	2	3	4	5	6	8	11	12	13	
Предложения архаического типа	13	2	3	8	14	1	3	14	19	23	всего 100
Предложения классического типа	0	0	1	0	1	1	0	1	1	1	всего 6
Союзные слова:											
<i>како/какъ</i>			1		1			1		1	всего 4
<i>кто</i>						1					всего 1
<i>что</i>											всего 0
<i>которыи</i>									1		всего 1
<i>гдѣ</i>											всего 0
Общее количество относительных предложений с указательными местоимениями											106

Заметно, что в XIV в. преобладают предложения архаического типа (100 предложений, 94,4% от общего числа относительных предложений с местоимением *тъ*). Однако были найдены и предложения классического типа, где указательное местоимение отсылает «вперед» (6 предложений, 5,6% от общего числа). Из них бóльшая часть, 4 предложения — с союзным словом *како*, а предложений с другими союзными словами (*кто*, *которыи*) всего 2 (1,8% от общего числа). Сравним эту ситуацию с

классификацией относительных предложений в подлинных грамотах второй половины XV в.

Таблица 2. Распределение относительных предложений с указательными местоимениями в грамотах великорусского центра второй половины XV в.

№ грамоты	45	46	56	57	61	71	80	81	82	
Предложения архаического типа	16	6	14	10	22	5	13	5	14	всего 105
Предложения классического типа	3	0	2	6	3	2	1	3	4	всего 24
Союзные слова:										
<i>кто</i>	2		1		2			2	2	всего 9
<i>кто</i>										всего 0
<i>что</i>	1		1	4	1	2	1	1	1	всего 12
<i>которые</i>				1					1	всего 2
<i>где</i>				1						всего 1
Общее количество относительных предложений с указательными местоимениями										129

По приведенным в таблице 2 данным видно, что предложения архаического типа с отсылкой «назад» по-прежнему преобладают (81,4% от общего числа относительных предложений с местоимением *ты*), однако количество предложений классического типа с отсылкой «вперед» увеличилось во второй половине XV в. по сравнению с XIV в. с 5,6% до 18,6% от общего числа. Указательное местоимение отсылает «вперед» не только к придаточным с союзным словом *како/какъ* (9 примеров), что было распространено и в грамотах XIV в., но и к придаточным с другими союзными словами: *что*, *которые*, *где* (12 примеров). Количество таких предложений увеличилось значительно, до 11,6% от общего числа

относительных предложений с местоимением *тъ*. Эта тенденция к увеличению доли предложений классического типа, в которых указательные местоимения отсылают к последующему тексту, способствует закреплению функции детерминатива как отдельной функции местоимения *тъ*, отличной от анафорической.

3.4. Местоимение *тотъ* в катафорической функции

В грамотах XV в. мы нашли всего одно предложение, в котором местоимение *тотъ* отсылало вперед, к последующему тексту. Это, как и в материале XIV в., пример из новгородской грамоты:

Посадникъ Дмитръ Кижѣ и Олфромъи Кузнечкои... говорили тыи рѣчи: сказываемъ вамъ по хрестному челованью, что товаръ вашъ в Полной рѣкѣ и разбоиники поиманъ ‘посадник Дмитр Кижѣ и Олфромей Кузнецкий говорили такие слова: говорим вам, по нашему договору, что ваш товар в Полной реке, а разбойники схвачены’ Н71, 1441 г.

В этом случае так же, как и в грамоте XIV в., местоимение используется для передачи прямой речи, но используется не субстантив *то*, а указательная группа *тыи рѣчи*. Видимо, местоимение могло употребляться в катафорической функции, но такое употребление не было распространено.

4. Местоимения *такои, таковъ*

Местоимение *такои* во всем корпусе грамот XIV–XV вв. было обнаружено всего 1 раз, в псковской грамоте П336, 1463–1465 гг.:

Иволтъ, стоя, говорилъ так: мои братъ не винова[тъ] былъ никому жь. И мы отвечаѣли Иволту: мы тебе с тымы люд(ь)мы судъ дадимъ по пско[вско]и послине. И онъ отвечаѣлъ: язъ приехалъ въ Псковъ не тягате. И вы, посадники рижскѣи и ратмани, не давате воли такимъ зброднямъ над нашими купчинами, чтобы опять не держалъ нашихъ купчинъ

никого 'Иволт на очной ставке говорил так: мой брат никому не был должен. И мы отвечали Иволту: мы тебе с этими людьми суд дадим по псковским правилам. А он отвечал: я приехал в Псков не судиться. И вы, рижские посадники и ратманы, не позволяйте таким злодеям вредить нашим купцам, чтобы он никого из наших купцов опять не арестовал' ПЗ36.

В данном случае местоимение реализует анафорическую функцию и обозначает тождество предметов по их свойствам: *такой* — похожий на описанного ранее обманщика Иволта. Однако в материале XVII в. (см. далее: глава 3, раздел 4) были найдены аналогичные примеры, где местоимение *такои* употреблялось с эмоционально окрашенными словами. Возможно, оно также подчеркивало отношение говорящего (положительное или отрицательное) к тому, о ком или о чем он говорит, и имело, помимо анафорической, также интенсифицирующую функцию (термин [Сатюкова, Воейкова 2010: 199]; подробнее в главе 3, раздел 4).

Местоимение *таковъ* было обнаружено в одной подлинной грамоте и в пяти предложениях из списков и черновиков грамот. Оно употреблено дважды в черновиках завещания князя верейского Михаила Андреевича:

Списо^к съ то^{2(o)} спи^ска с д(у)х(о)вн(о)го, что бы^л кня^{3(b)} Михаило Андрѣви^ч присла^л со кн(я)з(е)мъ с Васильемъ с Ромодановски^м, а хотѣ^л такову духовную писати, и кня^{3(b)} велики то^т списо^к велѣ^л перечинити 'список с той версии завещания, которую князь Михаил Андреевич прислал с князем Василием Ромодановским, и он хотел такое завещание написать, а великий князь эту версию велел переделать' Ц80а (грамота 1486 г., помета на обороте черновой грамоты почерком XV в.);

Тако⁶ списо^к посла^н со кн(я)з(е)мъ с Васильемъ с Ромодано⁶ски^м ко кн(я)зю к Михаилу к Он^{др}ѣвичю, а велѣно по тому д(у)х(о)вная писати 'такая версия [завещания] была послана с князем Василием Ромодановским князю Михаилу Андреевичу, велено по ней писать

завещание' Ц80б (1486 г., помета на обороте второй черновой грамоты почерком XV в.);

и 3 раза в грамотах, относящихся к канцелярии Великого Княжества Литовского:

Се язъ князь велики Борисъ Александровичъ тфѣрьскѣи взалъ есмь любовь такову с свои^м з(о)^{с(поди)}н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ князе^м Витовтомъ литовски^м 'вот я, великий князь тверской Борис Александрович, заключил такой мирный договор со своим господином, дедом, великим князем литовским Витовтом' Ц23 (1427 г., подлинник);

По Божье^и воли и по нашо^и любви взяли есмо любовь такову з братомъ своимъ Казимиромъ королемъ по^{л(б)}скимъ... и иныхъ, што жъ пособляти ему намъ везде, где будетъ ему надобе 'по Божьей воле и по нашему согласию мы заключили договор с нашим братом Казимиром, королем польским... и иных земель, что мы ему будем помогать во всем, что ему будет нужно' Ц54 (1449 г., список XVI в. из Литовской метрики);

И прыслаша чесныи бискупъ юрьевъскѣи, и посадники юрьевъскѣи, и вси юрьевцы пословъ своихъ... и прыконъчаша миръ на тридцать летъ таковъ. Што светыи Божьи церкви у Юрьевъ у Рускомъ конъци и рускии конецъ, а то честному бискупу юрьевскому... 'прислали уважаемый епископ тартуский, тартуские посадники и все тартусцы своих послов... и заключили мир на тридцать лет такой: что касается святых Божьих церквей в Юрьеве, в русском конце, и русского конца, это всё принадлежит уважаемому тартускому епископу' Н78 (список XVI в. из Литовской Метрики).

Во всех этих примерах местоимение *таковъ* упоминается в таких контекстах, которые обычно закреплены за местоимением *съ* (*сеи, сесь*): это формулы, начинающие грамоту и упоминающие ее саму (возможно, употребление *таковъ* вместо *съ* (*сеи, сесь*) в начинательной формуле было особенностью канцелярии великого князя литовского), и приписки на грамотах Ц80а и Ц80б, отсылающие к ним самим. По всей видимости,

таковъ в этом случае, как и местоимение *сь* (*сеи, сесь*), выполняет дейктическую функцию.

Глава 3. Функционирование указательных местоимений в деловой письменности XVI–XVII веков

1. Местоимение *сеи*²⁶

Период XVI–XVII вв. представляется очень важным для исследования значения и употребления местоимения *сеи*. Именно в это время происходит глобальная перестройка системы указательных местоимений в русском языке. Местоимение *сеи* (*сь*), ранее составлявшее в паре с местоимением *оныи* (*онь*) дейктическую оппозицию ‘ближний’ — ‘дальний’, теряет свое место в системе. Путем многих преобразований: утраты прежних функций, появления новых функций у имевшихся местоимений и даже появления новых местоимений — эта дейктическая оппозиция начинает выражаться при помощи местоимений *этот* — *тот* [Галинская 2015: 299].

Далее мы рассмотрим функционирование местоимения *сеи* в XVI–XVII вв. на материале памятников рязанской, московской и южнорусской деловой письменности [Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край 1978: 16–80, 88–123; Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 44–290; Памятники южновеликорусского наречия 1993: 12–147]. У примеров из многостраничных дел для удобства в скобках указан лист.

Местоимение *сеи* встречается в грамотах в довольно ограниченном числе случаев и только в дейктической функции. Указательные группы с атрибутивом *сеи*, как и в грамотах XIV–XV вв., чаще всего называют тот документ, в тексте которого употребляются:

*А учини^тца... убыто^к, и мнѣ, Ме^ншыку, то^т убыто^к Ивану плати^ти
по се^и записи* P24;

²⁶ Содержание данного раздела отражено в статье «Указательное местоимение *сеи* в деловой письменности XVI–XVII вв.» // Русский язык в научном освещении, № 2, 2023.

Тое кабалу закла^дную и купчую (о которых шла речь ранее — В. С.) на то^т свои дво^р я, княиня Соломанида, н(ы)нѣ имѣ, племя^ннико^м своимъ Васи^{л(б)}ю и Елиза^{р(б)}ю Яковлевы^м, выдала с сею своею даною вмѣсте М III, 46;

То^т мо^у дво^р нико^{му} не прода^н и не заложсе^н и ни у ково ни в че^м ни в какихъ крепо^стяхъ, акромѣ се^у ку^нче^у (‘ни у кого нет на него документов, кроме этой купчей’) М IV, 54;

А ся скаска пи^{с(б)}ма мое^у, Агафошковы, руки М III, 10д;

Гдѣ ана Пола^шка похоче^т жи^{т(б)} и ко^{му} сю о^тпу^сную дастъ, тому и кре^нка ‘где она, Палашка, захочет жить и кому даст эту свою вольную, тому и будет принадлежать’ М IV 9;

Пожалу^те меня, сироту своего, велите, г(о)^{с(у)}д(а)ри, в Ка^ргополе в приказно^у избѣ сию челобит^тную приня^{т(б)} М II, 133.

Указательная группа с съ (сеи) представлена в южнорусских текстах в распространенной формуле *которые в сеи челобитной имены (именами) писаны* ‘имена которых упомянуты в этой челобитной’. Ее использовали для того, чтобы не перечислять повторно тех людей, на которых бьет челом автор и которые уже были названы в начале текста:

Вели, г(о)^{с(у)}д(а)рь, мнѣ да^{т(б)} по те^х дете^у боя^рски^х, которыя именами в сеи челобит^тно^у писоны, свою г(о)^{с(у)}д(а)р(е)ву зозы^еною грамоту²⁷ Ю18,

Фе^нти^с Кра^снико^е <с> свои^м з брато^м и своими товарищи с теми, каторыя, г(о)^{с(у)}д(а)рь, в сеи челобит^тна^у имены писаны... Ю68,

Тѣ Микитины крестьяне <с> своими товарищи, ко<то>рыя в сеи челобитной имены писоны, стоя^т под дорогою (‘около дороги’) Ю27.

Похожие фразы встречаются в московских документах других жанров, тоже с использованием местоимения *сеи*:

²⁷ Зазывная грамота – «письменный вызов с предложением ответчику явиться в суд» [СлРЯ XI–XVII 5: 201]

... о тѣх кр(е)стьянх, которые написаны ему в се^и памяти, о передѣле не би^{м(б)} челомъ 'о переделе тех крестьян, которые написаны для него в этом документе, ему не просить' М IV, 3;

По^и Ки^рякъ в мѣста свои^х дѣте^и д(у)х(о)вны^х, кои в се^и обыску²⁸ имены писаны... М V, 11.

Взять имѣ, кн(я)зь Якову з братьями и с племянники, кои в се^и записи имяны [видимо, пропущено «писаны»], по се^и записи за неусто^ику по триста ру^блевъ М IV, 33.

Во многих документах после основного текста подпись авторов и свидетелей включает в себя указательную группу с *сеи*, которая называет жанр документа:

К сеи записи я^з Ларкя послу^х руку свою приложи^и Р11;

К сеи купчей грамоте я^з Косте послу^х и руку свою приложи^и Р15;

К сеи межевой выписи Григоре^и Иванови^и Ве^ияминов печа^{м(б)} приложи^и Р47;

К сеи свое^и извѣстно^и челоби^мно^и ²⁹ лебедянецъ с(ы)нѣчишко боя^рско^и Дани^ико Ряховско^и руку приложи^и Ю52;

К се^и мирово^и челоби^мно^и ³⁰ кодашеве^и ('житель Кадашевской слободы') Афо^ика... руку приложи^и М II, 67;

К сеи скаске Ива^и Мя^ико^и руку приложи^и М III 2а;

К сеи досмотренои памети³¹ Ивашъ Моисее^и руку приложилъ М IV, 2;

К се^и о^мпу^скно^и Сава Васильчиковъ руку приложи^и М IV, 7,

К си^и обы^скны^и рече^и Василе^и Мозале^иска^и... руку приложи^и Ю132,

К се^и роспросны^и и пыто^ичны^и рѣче^и по^{д(б)}яче^и... [далее утрата] Ю140,

²⁸ Обыскъ – «свидетельские показания, данные дознания» [СлРЯ XI–XVII 12: 214].

²⁹ Извѣтный – «содержащий сообщение-донос на кого-л. о незаконных или нежелательных действиях, поступках» [СлРЯ XI–XVII 6: 118].

³⁰ Мировая запись – «документ, скрепляющий примирение, полюбовное разрешение ссоры, тяжбы» [СлРЯ XI–XVII 9: 171].

³¹ Досмотренная записка – «запись о произведенном досмотре» [СлРЯ XI–XVII 4: 330].

К сеи челобитнаи Сенка Тютчев руку приложи^н Ю9,
К сем речем Куземка Кулаков руку приложи^н Ю136,
К сему об(ы)ску дмитевска пѣно [так!] Гаврила и прихоженъ
своихъ вмѣста руку приложи^н Ю137.

Указательные группы с другим местоимением в тексте подписей, которые бы называли сам документ, в котором они употреблены, в исследованном материале не были зафиксированы.

Во всех этих примерах, на наш взгляд, местоимение-атрибутив *сеи* выполняет дейктическую функцию: оно не отсылает к какому-либо упоминанию документа выше в тексте, как местоимения в анафорической функции, а имеет значение ‘ближайший к говорящему и пишущему, актуальный в данный момент’ и может быть понято только с учетом фигуры говорящего (пишущего) и основных дейктических понятий «здесь» и «сейчас» [Апресян 1995: 631].

В позднейших приписках, которые сделаны на московских грамотах другим почерком и содержат резолюцию ответственного за разбирательство лица, основной документ, к которому сделана приписка, практически всегда называется указательной группой с *сеи*:

Записа^{т(б)} в кн(и)ги [далее другим почерком:] *РКЗ^{с(о)} а^сгу^ста КВ^{де} ся*
ку^нчая в кн(и)ги записана М IV, 49,

Г(о)^{с(у)}д(а)рь пожаловалъ, велѣлъ зятя ево постави^{т(б)} в Розряд^д и
проти^с сего чел(о)бы^{т(б)}я [так в ркп.] *роспроси^{т(б)}* ‘государь пожаловал, велел его зятя вызывать на допрос в Разрядный приказ и насчет этой челобитной допросить’ М II, 61,

Сыска^с тѣхъ до^нски^х казако^с, противъ сего челобитья допросить и
записа^{т(б)} М II, 138,

По указу великого г(о)^{с(у)}д(а)ря взя^т к сему челобитью ^з закла^дно^н
списо^к М II, 141,

Всего в одной резолюции употреблено местоимение *тот* вместо *сеи*:

[в конце челобитной, вторым почерком:] *И с то^у яво^{чно} челоби^{тно}* ('документ, который содержит официальное уведомление властей о чем-л.') *писана слово слово* [так в ркп.]. *РЧ 20^{ду} ма^{рта} въ де^н записано челоби^{те}* М II, 117.

Объяснить, почему именно в этом документе не было использовано местоимение *сеи*, как во всех прочих, затруднительно. Никаких упоминаний других челобитных, к которым местоимение *тотъ* могло бы отсылать в анафорической функции, в тексте нет.

Указательная группа с *сеи*, называющая документ, может отсылать и к моменту его составления, как, например:

Та моя Иванова половина двора моего и со всякимъ дворовы^м строе^не^м напере^д сего и сеи закла^дной ('до этого момента и до составления этой закладной' *иному никому не продана и не заложена* М IV, 48,

или:

... всякие г(о)^{с(у)}д(а)ревы платежи плачены по сию купчую ('до момента составления этой купчей') М IV, 51.

Во всем исследованном массиве грамот нам не встретилось местоимение *сеи*, которое бы достоверно отсылало к другому документу, кроме как к тому, где оно употребляется.

Пограничными примерами, которые могли бы быть трактованы как анафорическая отсылка к прежде упомянутому документу, являются некоторые местоимения в текстах многостраничных правых грамот, где в пределах одного документа излагается ход судебного дела и куда вписаны копии других документов, в которых, в свою очередь, уже были употреблены местоимения *сеи*, отсылавшие к оригинальным грамотам, как, например, в грамоте Р17 или Р83:

Тега^нся... игу[мен]... з бортники... по жалобнице, и в жалобнице пишет: 'судился... игумен... с бортниками... написав жалобную грамоту, а в жалобной грамоте пишет' [далее копия текста жалобной грамоты игумена, заканчивается словами:]... *что ты, г(о)^{с(у)}д(а)рь,*

укаже^ш; и проти⁸ сея жалобницы... бо^ртники... о^твечали за себя... а в ответе сказали: [далее копия ответной грамоты] Р83 (лл. 1–2).

Как нам кажется, такие примеры могут быть поняты и как дейксис (возможно, это была приписка на оригинале жалобной грамоты), и как анафора (отсылка к прежнему упоминанию *жалобницы*), а конструкция «документ внутри документа» затемняет разницу между ними и для исследователей, и для самих писцов.

Говоря о местоимении в сфере пространственного дейксиса, нужно упомянуть и формулу *отходя сего свѣта* (т.е. ‘находясь при смерти’), известную в духовных грамотах XIV–XV вв. Однако в нашем материале она встречается в грамотах других жанров:

То^т Денис^с, вбояся то^у мое^у записи, зда^л брату о^тца свое^{с(о)} поместь^{<е>}, а мое^{с(о)} брата Ермолы Григорова с(ы)на Шилова шестдеся^т семь четвертеи и мо^у жерѣбе^у два^тце^{м(б)} семь чети^и с осминою, что мне было о^тказа^л, о^тходя сево света, то^т мо^у бра^тм Ермола Григор^евъ ‘этот Денис, испугавшись этого моего документа, отдал брату поместье своего отца, моего брата Ермолы Григорьевича Шилова, 67 четвертей, и мою часть, 27 четвертей с осьминой, которые мне завещал, находясь при смерти, этот мой брат Ермола Григорьевич’ Ю93,

А ка^к мо[й кре]стьяни^и о^тходи^т сево света, и сказа^л то... [утрата 4–6 букв]...*ла попу Стефану, о^тцу дхвно^{му}: О^тхожу д[е я] сево света о^т бою роспопина* ‘а когда мой крестьянин находился при смерти, он сказал... священнику Стефану, своему духовнику: умираю я от побоев священника, лишенного сана’ Ю131,

Дядя нашъ, о^тходя сего свѣта, приказыва^т словесно... М III, 12.

В этой формуле *сеи свѣтъ* — мир живых людей в противоположность загробному, то есть, опять же, более близкий говорящему или пишущему.

Местоимение *сеи* в других контекстах в значении пространственной близости встречается чрезвычайно редко. Достоверным можно назвать всего одно употребление:

Све^рхъ, г(о)^{с(у)}д(а)рь, те^х лошеде^и по^имал о^и Василе^и Ше^тневъ наси^иство^и на дороге с ве^рсту о^и Дорогобужа по сю сторону у людише^к мои^х дву^х лошеде^и, выпрягчи ис теле²: лоша^{д(б)} карю да лоше^{д(б)} в рыже лысу ‘кроме, государь, этих лошадей захватил он, Василий Шетнев, насильно на дороге в версте от Дорогобужа по эту сторону границы у моих людей двух лошадей, выпрягши их из телег: карюю и рыжую с белым пятном на голове’ М II, 55.

Это ценный, редкий пример однозначно дейктического употребления *сеи*, не связанного с названием документа. Никаких других упоминаний *сторон* в тексте нет, установить значение местоимения можно только с помощью географического контекста: *ся сторона*, как мы можем предположить, — это земли, которые находятся ближе к пишущему и читающему, то есть событие произошло в версте от Дорогобужа на дороге, идущей в Москву.

Обращает на себя внимание отсутствие местоимения в этом значении в тексте выписей из межевых книг (Р 46–50). Жанр этих документов предполагает отказ от дейксиса как субъективного элемента, поэтому писцы отдавали предпочтение точным пространственным обозначениям:

... о^и устья реки Раки чере³ Оку реку на липовую верею³², на Борисо⁶скую по^жню Михина, да ³ Борисо⁶ские по^жни на До^лгое озеро, да ³ До^лгово озера на Ще^рчекъ да на Че^рную Воду да на Голую Колоду, да по Чѣ^рной Водѣ в Жары х Коза^рскому рубежу да в Муже^искои <и>стокъ, да по^дль Муж^иня истока по перевѣ^{с(б)}я³³, а о^и переве^{с(б)}я чере³ верею в Поганое озеро во вл(а)^{д(б)}чне... Р47.

³² Верея – «участок земли или леса» [СлРЯ XI–XVII 2: 88].

³³ Перевесье – «угодьё для ловли птиц при взлете (перевесами)» [СлРЯ XI–XVII 14: 218].

Местоимение *сеи* употребляется не только в сфере пространственного дейксиса, но и для обозначения ближайшего к пишущему времени. В этом значении оно используется в устойчивых сочетаниях и в современном русском языке, ср.: *по сей день*, *сию минуту* и др. Атрибутив *сеи* в исследованном материале встречается в устойчивом выражении *с тѣхъ мѣсть и по ся мѣста*, которое означает ‘с момента прежде описанной ситуации до настоящего момента’:

... я тово детину *взыма^л* и *приве^л* в *Бо^лхо^в* в *Ра^зря^д*... и воевода *ево посади^л* в *тю^рму* и *с те^с, з(о)^{с(у)}д(а)рь*, *мѣсть и по ся мѣста* *мне холопу твоему не о^тдасть* ‘я этого парня задержал и привез в Болхов в Разрядный приказ... и воевода его посадил в тюрьму и с тех пор, государь, и до сего момента мне, твоему холопу, не отдал’ Ю60,

Оси^нка Ивано^в да брата моево крестяни^н *Ми^нка Охрѣма^в* бѣгали *с тѣ^х мѣсть и по ся мѣста*, и нонеча *то^т* брата моево крестяни^н *живе^т* у *Ел(е)цком жа уезде* Ю39,

И *н(ы)нече*, *з(о)^{с(у)}д(а)рь*, *то^т* Томила *Бро^ннико^в* да *Елфимъ Туленино^в* *те^х мои^х дене^с сороко рублевъ* не *о^тдаду^т* *с те^х мѣсть и по се мѣста* Ю15,

А какъ^{де} *ево* пытали *вне^рвые*, и *с тѣ^х мѣсть* *о^н бесе^у* (‘бесов’) *и по ся мѣ^ста* *не вида^т* М V, 18 (л. 87).

Может использоваться только второй компонент этого выражения, *по ся мѣста*, со значением ‘до текущего момента, до сих пор’:

Да у нихъ жа, *з(о)^{с(у)}д(а)рь*, *остался крестья^н мои^х живото^в* *десе^{т(б)}улье^в*, *пчелы...* и *о^т тѣ^х, з(о)^{с(у)}д(а)рь*, *пче^л* *по ся мѣста* *приплоду стала у ни^х сто дваца^{т(б)}улье^в* Ю35,

И о^н Петруша на сро^к не ста^л и *по се мѣста* *к Москве не быва^л* ‘и он, Петруша, в положенный срок не пришел для дачи показаний и до сей поры в Москве не бывал’ Ю53,

И тѣ^м мои^м живото^м то^т Фир^{<с>}ъ и *по ся мѣста* *иза^влодѣ^л* ‘и этим моим имуществом этот Фирс до сих пор владеет’ Ю64.

В одной из московских грамот указательная группа с *сеи* употребляется также с предлогом *по*, однако стоит не в винительном, а в родительном падеже:

То, з(о)^{с(у)}д(а)рь, третеиское су^дное дѣло и по стѣ^х мѣстѣ не ве^ршено
'это, государь, дело на третейском суде до сих пор не решено' М V, 3д.

Вероятно, это выражение стало результатом смешения двух других: *по ся места* и *до стѣхъ мѣстѣ*; последнее встречается в московской и более ранней рязанской грамотах в том же значении:

Ива^н Васи^левъ с(ы)нѣ Селиванова тому се^м лѣ^т ту Онѣгову поляну
у Покро^вско^{2(о)} монастыря о^тня^л... и наше^т ту землю и покосы коси^т по
рекѣ по Осетру и до стѣ^х мѣстѣ Р16,

Она Да^шка по ведо^вству жо^нки колду^ни Настѣки че^рниго^вки на слѣ^д
з(о)^{с(у)}д(а)р(ы)ни ц(а)р(и)цы сыпала пепе^л, и о^т того времени и до стѣ^х
мѣстѣ ме^же и з(о)^{с(у)}д(а)ре^н скорбѣ М V, 16 (л. 39).

В московских грамотах для выражения временного дейксиса местоимение активно употребляется со словами *время*, *число*:

... онѣ Ко^нстятинѣ то^т мо^у медѣ с того числа и по се число не
привазилѣ М II, 74,

... би^л чело^мѣ тебѣ великому з(о)^{с(у)}д(а)рю Д(а)вы^д... и по его,
з(о)^{с(у)}д(а)рь, челобитью сижуся, холо^н тво^у, в Розря^{де} скова^н с того числа
и по се время М V, 6д,

... тому подана роспи^{с(б)} за руками ('с подписями') в Сыскно^м
приказе, и по се время про то не розыскивано М II, 131,

... она Дарѣя к су^ду не становилась ('на суд не приходила') и по се
число М V, 21 (л. 8),

... нанелѣ о^н Лука... дворово^у земли... с сего числа впре^{д(б)} на деся^{т(б)}
лѣтѣ да токова^ж числа М IV, 43.

Важно отметить, что выражения с местоимением *сеи* всегда относятся к моменту написания текста. Если возникает необходимость отметить какой-то другой момент в прошлом, то сначала этот момент

называется, а далее в тексте используется анафорическое местоимение *тотъ* в составе схожих выражений:

... а ⁶ допросе сказа^л: тому ^{де} четве^рто^у де^{н(б)}, какъ то^т Офонка Наумено^к ему Ивану о^тда^н из Новыа че^ти (‘из Приказа новой четверти’), а до тѣхъ ^{де} мѣстѣ о^н Офонка сидѣ^л в тѹ^{р(б)}мѣ М V, 18 (л. 3).

Субстантив *се* используется в грамотах XVI–XVII вв. в двух значениях. Чаще всего он употребляется в сфере временного дейксиса для обозначения момента, который говорящий или пишущий грамоту считают настоящим. В этой функции местоимение с предлогами *преже* (*преж*) и *напередъ* образует адвербиальное сочетание и употребляется в значении ‘до сих пор’ Семантических различий между этими двумя конструкциями замечено не было.

В рязанских грамотах XVI в. сочетание *напередъ сего* встречается чаще, чем *преже (преж) сего*:

Напере^д сего поса^дицкиа кр(е)^стияне су^{д(б)}ю на ту землю имывали ^{л(б)} (‘брали ли’)? Р26 (л.3),

... влѣ(а)д(ѣ)ти у вл(а)^{д(б)}ки реза^нско^{з(о)} по пре^жнему, по тому ^ж, ка^к было напере^д се^{з(о)} Р47,

Воевода... присуди^л и велѣ^л вѣдати и косити пожни... къ и^х помѣстью по старинѣ, ка^к онѣ тѣ пожни косили пре^ж сего Р31.

В 320 московских грамотах *напередъ сего* встретилось 10 раз, а *преже (преж) сего* — 14 раз, ср. несколько примеров:

... о^{б(б)}евило^с в мошо^нке (‘в кошельке’) пя^{т(б)}ру^бле^с с по^лтиною днѣ, и те днѣ пя^{т(б)}ру^бле^с с рости^сю напере^д сего о^тданы в Прика^з сыскны^х де^л М V, 9ж,

[резолуция:] Выписать, напере^д сего тѣ запасы гдѣ покупаны и по которо^у ценѣ М III, 11л,

... Се^нку Евского поклепа^л (‘оклеветал’) напра^сно по недру^жбе за то, что онѣ пре^ж сего ме^ж собою бранивали^с М V, 19 (л. 19),

В южнорусских грамотах XVII в. встретилось только выражение *преже* (*преж*) *сего*, например:

А которыя, г(о)^{с(у)}д(а)рь, моя бра^тя преж сего из полону вы[ха]живали (‘освобождались из плена’), *и и^м по твоему г(о)^{с(у)}д(а)р(е)ву ука^зу даво[ны] лготы Ю75* (*преже сего* — до момента написания челобитной);

А преже, г(о)^{с(у)}д(а)рь, сего о^н Федо^р в два^тце^{м(б)} лѣтъ в то^м делѣ на меня, холопа твое^{с(о)}, тебѣ, г(о)^{с(у)}д(а)рю... не бива^т челомъ Ю83,

То я вѣдаю, как преж се^{с(о)} то^м Ива^нка жил в во^тчине въ Еле^нкомъ уѣ^зде... Ю158.

Выражение *напередъ сего* в южнорусских грамотах зафиксировано не было.

Второе, менее распространенное значение субстантива *се* таково: он используется в конструкциях *выше сего* и *ниже сего* для обозначения места в тексте, до которого или после которого содержится упоминаемая информация:

А что в обыскѣ^х обыскные люди (‘допрошенные люди’) *сказа^{ли}, и то писано ниже сего* [далее текст обыскной грамоты] М V, 18 (л. 47), 1642–1643 гг.

А что по и^х же осмотру Гаврилово^у и Богданово^у ру^хляди (‘имущества Гаврила и Богдана’), *и тому ро^спись ниже сего. Роспи^с Гаврилово^у ру^хляди:* [далее перечень] М V, 7а, 1676 г.

... о^тдала пла^{м(б)}я всякого, что писано в се^у челоби^тно^у выше сего М V, 21 (л. 3), 1688 г.

А буде^т онъ Лука за н(а)шею по^пукою живучи у него Ивана на то^у ево землѣ стане^т каки^м воро^ство^м воров^а^{м(б)}, какъ писано выше сего... ‘а если он, Лука, с нашим поручительством, живя у Ивана на упомянутой его земле, станет нарушать закон, как перечислено выше...’ М IV, 43, 1696 г.

Местоимение-субстантив *се* в этом случае можно отнести к сфере **пространственного дейксиса**.

Нужно отметить, что встречаются выражения *выше сего* и *ниже сего* только в московских документах, а большинство примеров, кроме одного вышеприведенного, — в последнюю четверть XVII в. Возможно, эти выражения только начали входить в норму делового языка.

Итак, местоимение *сеи* (*се*) в большинстве случаев, за исключением нескольких оговоренных нами употреблений, сохраняет свое исходное дейктическое значение ‘близкий говорящему или пишущему во временном или пространственном отношении’. Во всем корпусе исследованных документов не были найдены однозначные примеры анафорического употребления *сеи*. К схожим выводам приходит А. П. Майоров: «...местоимение *сь/сей* употреблялось в памятниках деловой письменности. Здесь уже встречаем преимущественное, если не исключительное, функционирование местоимения в дейктическом значении... В деловой письменности это местоимение употребляется с дейктическим значением, указывая на тот вид документа, который актуален в данный момент делопроизводственной деятельности» [Майоров 2004: 225–226]. Вместе с тем, как было показано выше, употребление этого местоимения не ограничивается лишь указанием на жанр грамоты.

Схожая ситуация была выявлена нами и в грамотах XIV–XV вв., в тексте которых местоимение *сь* (*сеи*) тоже употребляется преимущественно в дейктической функции. Если сравнивать те конструкции, в которых было зафиксировано это местоимение в текстах XIV–XV вв., с более поздними, то можно отметить несколько различий. К примеру, в позднейших текстах не употребляется субстантив *се* для обозначения содержания всего документа (как в распространенной в XIV–XV вв. формуле *на семъ на всемъ целуи крестъ* или *на се послухи*), однако он появляется в значении ‘конкретное место документа, в котором

местоимение употреблено' в конструкциях *выше* или *ниже сего*, примеры чего не фиксируются ранее XVII в.

Атрибутив *сеи* в поздних текстах встречается в намного более ограниченном числе контекстов. Если в деловых текстах XV в. (при меньшем объеме материала!) он был зафиксирован в сочетании с разными существительными в сфере временного дейксиса: *сеи годъ, отъ сего собору, въ сию замятню*, то в грамотах XVI–XVII вв. он не употребляется в этой функции ни с какими существительными, кроме *мѣсто, время, число*, с которыми составляет устойчивые сочетания.

Однако нельзя говорить, что это местоимение застыло в определенных формах. Оно используется активно, в разных падежах, встречается почти в каждой грамоте, присутствует орфографическая вариативность (например, *сего* и *сево*). По всей видимости, к XVII в. *сеи* в качестве основного местоимения ближнего дейксиса было вытеснено появившимся местоимением *этой*, однако оно по-прежнему использовалось в устойчивых сочетаниях, прежде всего во временном значении, и сохранялось в пассивной памяти говорящих, так что в деловых текстах его в строго определенных контекстах могли употребить и писцы, и обычные люди, «прикладывавшие руки» в конце документа.

2. Местоимение *оныи*

Местоимение *оныи* не встретилось ни в одном из исследованных документов. Однако в нашем материале не было найдено ни одного контекста, в котором было бы употреблено дейктическое местоимение, называющее более дальний предмет (то значение, которое было зафиксировано в грамотах XV в.).

3. Местоимение *тотъ*

Местоимение *тотъ* в деловых текстах XVI–XVII вв. становится очень распространенным. А. П. Майоров считает, что местоимение *тотъ* выступает «в качестве стилеобразующего средства приказного слога» [Майоров 2004: 232]. Ввиду большого количества однотипных примеров функции местоимения *тотъ* будут рассмотрены только на материале текстов XVII в. по изданию [Памятники южновеликорусского наречия 1993].

3.1. Местоимение *тотъ* в анафорической функции

3.1.1. **Атрибутив** *тотъ* в анафорической функции в текстах XVII в. сближается с местоимениями в артиклевой функции, поэтому примеры с местоимениями-атрибутивами будут рассмотрены в следующем разделе.

3.1.2. **Субстантивированный атрибутив** *тотъ* в анафорической функции употреблялся и в грамотах XIV–XV вв., хотя реже, чем местоимение *онъ*–*его*. Схожая ситуация представлена и в исследованных деловых текстах XVII в.: было найдено 4 случая субстантивированных атрибутивов, которые отсылали к прежде упомянутым **людям**:

А говори^т, г(о)^{с(у)}д(а)рь, то^т Василеи, похваля^{с(б)}: «У Григорья де у Киртьевского на Москвѣ друзе^н много, и тово де я и бра^тевъ ево упрод^а, и запи^{с(б)} де на нево [документ о владении им] и на братьевъ на ево взя^н» Ю52;

Въ нонешнем, г(о)^{с(у)}д(а)рь, во РЛЗ-м году... зва^н, г(о)^{с(у)}д(а)рь, меня по^н егоревъскои Федо^р к себѣ на бесѣду, и я, г(о)^{с(у)}д(а)рь, холо^н твои, к тому попу на бесѣду приеха^н (с) своимъ брата^м Бо^дана^м, и у тово, г(о)^{с(у)}д(а)рь, учели меня, холопа твоево, и брата моево би^{т(б)} и граби^{т(б)} Ю44;

Воевода... би^н мене, халона твоего, приговарива^н: «Ты де не велѣ^н всему стану ко мнѣ ржи на дво^р вестъ», а я, холо^н тво[й], не вѣдоу ничево, и в тѣ поры лучился дворени^н околнице[го] кн(я)зя Дми^трея

Петровичя Лвова, ево полка, в съѣзже^u 34 избѣ, тот мнѣ да^л свѣту виде^{m(b)} [‘помог’?], би^л чело^m обо мнѣ, и воевода, того стыдяся, велѣ^л покину^{m(b)}, а я, халоⁿ тво^u, ево дворенина имени не вѣдаю Ю130.

Было также обнаружено одно местоимение *тотъ*, которое отсылало к предмету — четверику ржи:

... бу^oта во Брянску ржи купить дабыть не умѣть, хтотя [так!]
де хто и покажетъ на дру^c четьвери^k ржи, и за то^m бу^oта дать по
четыря гривны Ю9.

Мы затрудняемся сказать, почему именно в этих контекстах авторы выбирали указательное местоимение *тот*, а не *онъ-его* или указательную группу, тем более что в тех же предложениях для отсылки к тем же лицам употреблены и указательные группы (к *тому попу*, см. выше в примере из Ю44), и местоимение *онъ-его* (на *нево* Ю52, *ево дворенина* Ю130).

3.2.3. Субстантив *то* в анафорической функции используется в исследованных текстах XVII в. только для отсылки к прежде описанным ситуациям:

В ныншнѣ^m, г(о)^{c(y)}д(а)рь, во сто четьрѣдеся^m тре^mе^m году у
Велико^u месеа^o [время от Рождества до Великого Поста] побержа^л,
г(о)^{c(y)}д(а)рь, от меня, холопа твоево, сынишка мо^u Свири^oка бе³ве^cна [‘без
вести’], а ка^k, г(о)^{c(y)}д(а)рь, оⁿ о^m меня збержа^л, и я, холоⁿ твои, у Рылскѣ у
сье³жеи избе воеводе изве^cнаю³⁵ явку пр[и]наси^л, и после, г(о)^{c(y)}д(а)рь,
тово объявилс[я] за рубежс^m у Но^gгородско^m уезде Ю63,

И ваевода Иваⁿ Еропкиⁿ таво маево бѣглава крестьянина Афоⁿка
Нестерова мнѣ не отда^л, отда^л за пристава да твое^{c(o)} г(о)^{c(y)}д(а)р(е)ва
указу и а то^m писа^л тебѣ, г(о)^{c(y)}д(а)рю, к Москвѣ Ю54.

³⁴ Съезжий – «используемый для осуществления общих дел, проведения собраний, встреч» [СлРЯ XI-XVII 29: 127].

³⁵ Извѣстный — «содержащий известие, сообщение» [СлРЯ XI-XVII 6: 114].

Нам не удалось найти примеры, в которых субстантив отсылал бы к людям или предметам.

3.2. Местоимение *тотъ* в артиклевой функции³⁶

Артиклевая функция местоимения *тотъ* в деловых текстах XVII в. становится очень распространенной. «Каждое повторение однажды названного сопровождается указательным местоимением, которое по существу выполняет здесь функцию определенного артикля» [Хабургаев 1990: 229]. Повторение указательного местоимения в сочетании с существительным, называющим уже упомянутый предмет, становится практически обязательным:

Приустали, г(о)^{с(у)}д(а)рь, у меня шестера лошаде^и на дороги, и я тѣ, г(о)^{с(у)}д(а)рь, лошеди покину^и, пришель, г(о)^{с(у)}д(а)рь, я на Волуику, учель я наима^{м(б)} на Волуики с с(о)бою товарище^и ити^{м(б)} для тѣ^х свои^х устола^х лошаде^и, и свѣдали, г(о)^{с(у)}д(а)рь, про тѣ лошеди волуискія стоничные яздоки Орѣхъ Девочки^и да Онтонъ Мосѣявъ зе^{м(б)}я, а отцо^м, г(о)^{с(у)}д(а)рь, и^х имени не упомню, а цена г(осу)д(а)рь, мои^м лошаде^и три^мца^{м(б)} ру^бле^е, и тѣ, г(о)^{с(у)}д(а)рь, мои лошеди то^м Орѣхъ да Онтонъ имали на степѣ, привели на Волуику, и тѣхъ, г(о)^{с(у)}д(а)рь, мои^х лошаде^и тѣ е³даки с тѣхъ мѣсть не отдали Ю40.

Но всё же нельзя согласиться с Г. А. Хабургаевым в том, что указательное местоимение стоит при каждом повторном упоминании предмета. Например, в конструкции «*цѣна* + Дат.» систематически не употребляется указательное местоимение, несмотря на то что всегда в ней называется уже упомянутый ранее предмет:

³⁶ Содержание данного раздела отражено в статье «Артиклевая функция указательного местоимения *тотъ* в южнорусской деловой письменности XVII в.» // Филология и культура. Philology and Culture, № 4 (74), 2023.

... сняли с мене, халопѧ твое^{2(o)}, зипун³⁷ вышнево^u, цена зипуну се^м руб^ле⁶ Ю114

... у меня у Пронки уме^p з голоду ко^{h(b)}, цена коню одиⁿнацца^{m(b)} руб^ле⁶ Ю77

Затруднительно определить, с чем это было связано; возможно, в данной конструкции имелся в виду не тот же самый предмет ('этот зипун'), а аналогичный ('любой зипун'), то есть при таком употреблении меняется категоризация объекта.

Однако нами были найдены и другие случаи, в которых указательное местоимение при повторном обозначении опускалось:

Написа^l отписку³⁸ к тебе, г(о)^{c(y)}д(а)рю, одиⁿ кн(я)зь Олексеи своею рукою на на^c, на холопеи твои^x, и на посадъци^x кр(е)стьяⁿ, и тае оⁿ кн(я)зь Олексе^u свою отписку показыва^l таварыщемъ свои^m Ивану да подъячему Савину, а в отпискѣ, г(о)^{c(y)}д(а)рь, написано ... и таварыщъ ево Иванъ да подъячеѣ Савиⁿ, вуслуша⁶ [так, вм. выслушав] гво отписку, в то^m ему кн(я)зю Олексею отказали... имеⁿ свои^x ему кн(я)зю Олексею в тое отписку писать не велели, а в отпискѣ, г(о)^{c(y)}д(а)рь, у ево написано... Ю9.

Указательные местоимения часто употребляются и при повторном именовании **людей**:

Извещае^m холоⁿ твои г(осу)д(а)р(е)въ оско^lско^u стрелец Миⁿка Глозуⁿ но оско^lского стрелца но Ивана Хлопо⁶скаго. Дѣлося, г(о)^{c(y)}д(а)рь, н(ы)н(е)ш[него] РЛА-^{2(o)} году ѡевроля въ де, пере^d усее^dною неделю были, г(о)^{c(y)}д(а)рь, мы но твои г(о)^{c(y)}д(а)р(е)во^u службе но короуле у городе, а то^m Иваⁿ у на^c десятни^k да ста^l но мене находи^{m(b)} неподело^m, и я тому Ивану уче^l говори^{m(b)}: «За што, Иваⁿ, но мене находи^{m(b)}? мнѣ на тебе би^{m(b)} чело^m г(о)^{c(y)}д(а)рю», и то^m Иваⁿ уче^l говори^{m(b)} мнѣ... 'донос пишет твой, государя, холоп, оскольский стрелец

³⁷ Зипунъ — «одежда в виде кафтана» [СлРЯ XI-XVII 6: 5].

³⁸ Отписка — «письменное уведомление, донесение, распоряжение» [СлРЯ XI-XVII 13: 299].

Минька Глазун на оскольского стрельца Ивана Хлоповского. Происходило [так]: в нынешнем 121 году, в феврале, перед всеедной неделей (которая начинается за 3 недели до Великого поста), были мы на твоей, государя, службе на карауле в городе, а этот Иван у нас десятник (управляет 10 людьми) и стал на меня нападать, а я этому Ивану стал говорить: «За что, Иван, ты на меня нападаешь? Я на тебя пожалуюсь государю». И этот Иван стал говорить мне...’ Ю10

Местоимения могут согласоваться только с первым существительным из нескольких, связанных сочинительной связью, однако по смыслу относятся ко всем (об этой особенности говорилось в главе 2), поэтому в таких случаях мы считали, что второе и последующее имя тоже включается в указательную группу:

Жалаба, г(о)^{с(у)}д(а)рь, мнѣ но вороножски^х на торговы^х люде^и на Томилу Иванова с(ы)на Бронникова да но Елфима Оедо^тева с(ы)нѣ Туленина; в прошло^м, г(о)^{с(у)}д(а)рь, во РКД-^м году взяли, г(о)^{с(у)}д(а)рь, у мене то^т Томила да Е^нфимѣ для покупки взоимы сорокѣ ру^блевѣ дене² на време, и н(ы)нече, г(о)^{с(у)}д(а)рь, то^т Томила Бро^ннико⁶ да Елѣимѣ Туленино⁶ те^х мои^х дене² сороко ру^блевѣ не о^тдаду^т Ю15.

Однако, как уже отмечал Г. А. Хабургаев [Хабургаев 1990: 229], указательные местоимения в конструкциях с именами людей могут быть заменены на местоимение *онѣ*—*его*, которое употребляется как атрибутив:

Жалаба, г(о)^{с(у)}д(а)рь, мнѣ на ельченина ж на Саву Сухинина... и то^т, г(о)^{с(у)}д(а)рь, Сава са многими лю^дми прѣѣха^н в мое памѣ^стъишка... и тот, г(о)^{с(у)}д(а)рь, Сава после мене на мое дв[о]ри^шка взметался (‘набросился’) са многими людми... и, знаячи ево Сава, жанишка моя вчала (‘начала’) говори^{т(б)}: «Почему де ты, Сава, прѣезжае^ш в полно^ч?», и о^н Сава поче^т женишку маю лая^{т(б)} (‘оскорблять’) матерѣна и всякою неподобною лаею, да то^т жа Сава взя^т у мене, халона твоего, шестера

кошевы^{х39} лошаде<й>... вели, $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}ь$, в то^м м[о]емъ иску на того Саву да^{м(б)} сваю $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}(\text{e})\text{ву}$ грамоту Ю7.

Но имена могли использоваться и без указательных местоимений, и без местоимения *онъ—его*. Например, имена воевод не употреблялись в сочетании с местоимением, даже если все остальные имена в тексте обязательно употреблялись в указательной группе:

Я, хало^н твои... подава^л челобитною в Курску твоему $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}[\text{e}]\text{ву}$ воеводе Семену Ивановичю Жеребцову... а мои, $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}ь$, искъдеся^{м(б)} ру^бле^и с ру^бле^м с полтиною твои $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}(\text{e})\text{въ}$ во[е]вода Семе^н Ивано^вич Жеребцо^в не добрави^л [так, вм. доправил], а на правежи⁴⁰, $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}ь$, то^м Меленте^и стая^л дватца^{м(б)} недѣ^{л(б)}, и приѣх[а]^л в Курескъ на смѣну Семену Ивановичю Жеребцову твои $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}ь$ воевода Степа^н Миха^илови^ч Ушако^в, и твои $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}(\text{e})\text{въ}$ воевода Степа^н Миха^илови^ч Ушако^в без твоев[о] $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}(\text{e})\text{ва}$ указу дѣла моево не верши^м... вели, $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}ь$, да^{м(б)} свою црьскою грамоту в Курескъ воеводе Степану Миха^иловичю Ушакову Ю11,

Я, бгомалец твои, би^л чело^м на Ливна^х воеводе кн(я)зю Михаилу Григо^ревичю Ко^зло^вскому, и тѣхъ дете^и боярски^х с приставо^м переима^л... и тово своево грабежнова живота (‘награбленного имущества’) и безчесть[я] своево на то^м Иване Павлове да Елистрате Онисимове да на Ку^рдюме Овсяникове перед воеводою перед кн(я)зе^м Михаило^м Ко^зло^вски^м иска^л... и с тово моево иску воевода кн(я)зь Михаилу Ко^зло^вскои на тѣхъ детехъ боярски^х твои $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}(\text{e})\text{вы}$ пошлины доправи^л... $\text{г}(\text{o})^{\text{с}(\text{y})}\text{д}(\text{a})\text{р}ь$... вели мнѣ да^{м(б)} на Ливны к воевода^м ко кн(я)зю Михаилу Григо^ревичю Ко^зло^вскому да к Федору Ивановичю Грекову на те^х детѣи боярски^х... Ю6.

³⁹ Кошевой – «походный, обозный» [СлРЯ XI–XVII 7: 392].

⁴⁰ Стояти на правежѣ — «упорно отказываться от уплаты налогов или долгов» [СлРЯ XI–XVII 18: 105].

На этом фоне выделяется грамота Ю9 — жалоба на воеводу, князя Алексея Долгорукого, в которой он 14 раз называется *онъ кн(я)зь Олексеи* и 12 раз — просто *кн(я)зь Олексеи*, без местоимения. Можно предположить, что указание на определенность, выраженное местоимением *тотъ*, требовалось в том случае, когда назывались основные участники разбираемой ситуации, особенно те, кто был неизвестен адресату (дворяне, на которых жалуются, беглые крестьяне и т.д.), и не требовалось для обозначения известных людей (воевод).

В одной исследованной челобитной Ю13 имена участников-крестьян и детей боярских всегда употребляются без местоимений:

Бежали из-за [‘от’] меня, халопы тво^{е(о)}... кр(е)стьяне мои Панка Васи^ле^с да Ор^птюшка Олеши^н с(ы)нъ Бочеро^с да Ивашка Е^оимо^с з женами и з де^тми и со в^ст^ми своими кр(е)стьянскими животы, а б^ггоючи, г(о)^{с(у)}д(а)рь, жили у Елецко^м у^зде за елчаны де^тми боярскими: Панка Васи^ле^с за Несвитае^м за Копырины^м, а Ор^птюшка за Мо^ис^тье^м за Воробевы^м, а Ивашка за Иева^м Кле^сцовы^м... и по тв[оей] г(о)^{с(у)}д(а)р(е)ве грамоте Панка Васи^ле^с бы^л мн^г выдо^н и бы^л у меня ту^м же на Елц^г, а н(ы)не б^ггоючи живе^т за елчанино^м за Семено^м Моняхины^м, а Ор^птюшк[а] и н(ы)не живе^т за Моис^тье^м за Воро^бевы^м, а к Б^леву Кле^сцову приставлива^л⁴¹ я, холо^н тво^у, на Москв^г из Розряду, и су^д у меня с ни^м бы^л в н(ы)нешне^м въ РЛ[А]-[М] году, а с суда со мною помирился и запи^{с(б)} на себя да^л, что ему отда^{т(б)} мн^г кр(е)стьянина мое^{с(о)} Ивашку Е^оимова
Ю13.

В сочетании с географическими названиями местоимение *тотъ* не встретилось ни в одном исследованном документе, хотя встречаются контексты с повторным упоминанием одних и тех же населенных пунктов:

⁴¹ Приставливати — «призывать к суду через пристава» [СлРЯ XI–XVII 20: 29].

То^т Сенка, Игнатка^в оте^ц, прихажива^т се [так, вм. съ] Елца и пожи^т на Гниловода^х лѣтъ з десе^{т(в)}, и з Гниловодѣ выше^т на Вешки, за Дорофея Дурова Ю153.

Таким образом, местоимение *то^т* активно употреблялось в артиклевой функции в документах XVII в. Однако, анализируя приведенные выше примеры, можно сказать, что употребление указательного местоимения в артиклевой функции было широко распространено, но так и не стало обязательным во всех случаях, когда используется именная группа с определенной референцией. Кроме того, оно не используется в некоторых других контекстах, свойственных артиклю, например, для обозначения универсальной именной группы (вместе с существительным, которое представляет весь класс предметов; подробно различия между местоимением и артиклем рассмотрены, в частности, И. И. Крамским [Крамский 1963], Х. Дисселем [Diessel 1999]). Хотя указательные местоимения в разных языках могут становиться историческим источником для формирования определенного артикля [Diessel 1999: 115], нельзя в данном случае говорить о грамматикализации местоимения, т.е. превращении его в полноценный артикль.

3.3. Местоимение *то^т* в функции детерминатива

3.3.1. **Атрибутивы** *то^т*, включенные в указательную группу, активно участвуют в установлении связи между главной и зависимой клаузами. В исследованных текстах XVII в. они были найдены в предложениях как классического, так и архаического типов. Отсылая к придаточному в препозиции, они сочетаются с союзными словами *которыи*, *кои*, существительное в придаточной части и главной повторяется:

А которые, $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)рь}$, стрелецкие и козацкие бобыли на нево Василья толку^m и мелютъ и вина куря^m на нево Василья, и оⁿ тѣмъ бобылямъ избы топи^m и вина кури^m Ю52,

И каи^x, $\text{г(осу)}\text{д(а)рь}$, оⁿ, Фода^p, на мнѣ крестеяⁿ искаⁿ, и тѣхъ крестеяⁿ о^mпустиⁿ изюбо Фодара^p дядя Ю81.

Или же в придаточном может быть опущено существительное, употреблены субстантивы *кто, что, которые*:

Да будетъ оⁿ в то[м] воро^pстве учне^m на ково говори^{m(b)}, и те^x людеⁿ по таму же вѣлено роспрашива^{m(b)} накрепко и сыскава^{m(b)} всякими обычеи, и кто давед[е]тца да пытки, и тех людеи велено пыта^{m(b)} ‘Против кого он в этом преступлении станет свидетельствовать, тех людей так же велено допрашивать с пристрастием и вести розыск всеми средствами, кого придется пытать, тех людей велено пытать’ Ю140,

А что оⁿ, Петрѣ, у тово старца пограбилъ, и то^m грабѣжъ (‘награбленное’) и н(ы)не у нево Ю106,

А с емски^x, $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)ри}$, охотнико^p для посоⁿскова с обиход[а] всево взята шездеса^m лошедеⁿ в по^pводы, и т[е], $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)ри}$, н(а)шии лошади, которые ходя^m в по^pвода^x да Д[он]ца и на поворо^m наза^p до Оскола, многие с ноцад[ы] и с росжогы (‘от напряжения сил и изнурения’) помираю^m, а которы^x отдаду^m живы^x, и тѣ, $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)ри}$ н(а)шии по^pво^pдные лошади, волоча^{c(b)} недѣ^{n(b)} ня^{m(b)} и шесть и деса^{m(b)} и поⁿгода, о^m тоⁿ жа роз[жо]ги и нацады то^ж помираю^m Ю58.

Применительно к предложениям архаического типа можно говорить о нейтрализации функций детерминатива и анафорической (как и в более ранних памятниках, см. главу 1, раздел 2.3; главу 2, раздел 3.3). К схожим выводам, анализируя синтаксис тверских деловых текстов XVI–XVII вв., приходит Е. А. Тихомирова: «Т-слова [в нашем случае *тотъ* — В. С.] в таких построениях выполняют двойную функцию, т.е. они сочетают анафорическую функцию (показатели смысловой связи в составе линейного ряда) с союзной (показатели синтаксической связи

предикативных единиц в составе сложного предложения)» [Тихомирова 1987: 118].

Атрибутивы используются и в предложениях **классического типа**:

А тѣхъ $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)рѣ}$, кр(е)стьянъ, кои^x оⁿ Федоръ на мнѣ искаⁿ, отпустиⁿ из-за себя ево Федоро⁶ дядя Ю83.

Придаточные с как стоят после указательной группы, как и в грамотах XIV–XV в.:

По $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)р(е)ву}$ указу подьяче^u Савиⁿ Нефедьевъ пытаⁿ накрепко и огне^m зжоⁿ за то воровство (‘преступление’), ка^k оⁿ хатеⁿ зажечь съезжую избу Ю140,

Бежаⁿ из-зо меня крестьяниⁿ мо^u Осиⁿка Овдѣе⁶... да взяⁿ с собою хлѣба мое^{c(o)} овса дваца^{m(b)} ня^{m(b)} чети болю^u оскоⁿско^u мѣры в то число, как я, холоⁿ твои, быⁿ на твоё^u $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)р(е)ва^u службе на Волюки$ Ю100.

Можно отметить, что предложения с повтором двух существительных становится более редкими, чем в текстах XV в.: в предложениях классического типа существительное из указательной группы не повторяется в придаточном.

3.3.2. Найденные в исследованном материале примеры употребления **субстантивированного атрибутива тотъ** отсылают только к **людям**, которые описаны в придаточном предложении. Им могут соответствовать союзные слова *которыи, кто*:

А которые, $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)рѣ}$, моя бра^{m(b)}я тебѣ, $\text{г(о)}^{c(y)}\text{д(а)рю}$, тѣ службы служили со мною в ря^o (‘вместе’), и тѣ твоимъ црски^m жалова^{n(b)}емъ [пожало]ваны Ю70,

И оⁿ Алексе^u на которы^x нашей бра^{m(b)}и рожѣ браⁿ, и тѣ^m в гора^o вели^m всюду ѣзд[ить] и по вестя^m посылает^m Ю130,

А серы де оⁿ купиⁿ Савинко самъ в таргу полфунта, а у ково он купиⁿ, таво оⁿ не упомянуть имене^m Ю140.

Все эти предложения — архаического типа, в материале не встретились предложения, в которых субстантивированный атрибутив отсылал бы вперед.

Предложений, в которых субстантивированный атрибутив отсылал бы к **предметам**, найдено не было.

3.3.3. Субстантив *то*.

Субстантив *то* может отсылать к **предметам** (соотносится с союзным словом *что*):

А что, г(о)^{с(у)}д(а)ри хлѣбца упаше^м не по велику ('немного'), *и то завсегда не роди^мца* Ю58,

И мы, холопи твои, и сами темъ сыти в го^о, что закупи^м на то^рги хлеба зимою Ю9.

То часто отсылает и к **ситуациям**, описанным в придаточном:

Да кромского стрелца Офонки Мелина жена Лукерица приходила к нему, к папу к Петру, на покаянния, и что ана у пакаяннии сказала, и о^н, по^н Петръ, о то^м писа^н к мужу ея на Усердъ Ю106,

И коково, г(о)^{с(у)}д(а)рь, о^м тово на^о городамъ и над посадомъ дурно учини^мца о^м пожара о^м ево Васильево^н угрозы, и на^м бы холопомъ в томъ о^м тебя, г(о)^{с(у)}д(а)ря в казни не бы^{м(б)} Ю52,

... и бьючи на^с, холопе^н твои^х, похваляе^мца: я де присла^н на то, что ва^с би^{м(б)} и мучи^{м(б)} Ю9.

В исследованных текстах преобладают предложения **классического** типа. Случаев, в которых субстантивы использовались бы для отсылки к **людям**, описанным в придаточном предложении, найдено не было.

3.4. Местоимение *то* в катафорической функции

В исследованных документах XVII в. был найден пример с субстантивом *то*, который отсылает к последующему тексту:

Жалоба, г(о)^{с(у)}д(а)рь, мнѣ но елченина с(ы)на боярско^{2(о)} но Фирсо Сове¹ева с(ы)на Климова в то^м: дѣло^{с(б)}, г(о)^{с(у)}д(а)рь, в прошло^м во РМА-^м году Велико^и месое^д ѣхо^и, г(осу)д(а)рь, я, холо^и твои, и <с> женишко^м...
Ю64.

В данном случае местоимение отсылает ко всей ситуации, по поводу которой написана челобитная.

Как и в текстах XIV–XV вв., местоимение могло употребляться в катафорической функции, однако такие примеры остаются немногочисленными.

4. Местоимения *такои, таковъ*

Такои во всем исследованном материале встретилось в нескольких функциях. Во-первых, это функция анафорическая, значение местоимения схоже с тем, которое имеет в современном русском языке *такой*: обозначает свойства и качества предмета, описанные в предыдущих высказываниях. Например, *такая отпускная отпись, такая духовная и записи* — те, содержание которых описано в предыдущем тексте:

Воевода, г(о)^{с(у)}д(а)рь, на судѣ спроси^и таво Степана: вѣда^и ди ты, Степа^и, что стараи сынъ боярскаи Микула Проскурни^и да^и и^м отпу^сную отпи^{с(б)}, что кто после Микулина живота ро^д, племя Микули^и или сторонне^и члвкѣ вѣступитца за ни^х во кр[е]стья^истве, ина, г(о)^{с(у)}д(а)рь, на вступицику взяти сто робле^с дене^с на г(о)^{с(у)}д(а)ря, и Степа^и скоза^и на судѣ: вѣда^и ди я, г(о)^{с(у)}д(а)рь, что стараи сын боярскаи да^и им отпу^сную отпи^{с(б)} такую Ю80;

Они Иван и Олехъи... принѣсли к то^{му} вершеному делу спорную челобитную, а в челоби^{тно} свое^и пише^т, бутѣто о^тцѣ их, Фома Малыгинъ, с тѣсте^м моимъ ро^здели^л тое во^тчину по духовно^и о^тца своего и по записямъ... и у меня, холопа вашего, тако^и дхо^вно^и и записе^и не^т, а хотя бы, гсдри, та дхо^вная и записи и были, и и^х к то^{му} делу класть не для чего МП, 119.

Однако в других случаях обращает на себя внимание использование местоимения *такои* в сочетании с эмоционально окрашенными словами. К примеру, в челобитной Ю66 *такои* сочетается с существительными *воры* и *воровство*:

Бью^т челом извещаю^т б(о)гомолцы твои г(о)^{с(у)}д(а)р(е)вы... все^{с(о)} горада Путивля на варо^в и на т[а]тѣи и на разбоиниковъ: на Гаврилу Дамысленцова да на Ивашку Дховско^с... а прежде, г(о)^{с(у)}д(а)рь, те вары Гаврикъ Дамыслинцо^с да Ивашка Дховско^{с(о)} с поличны^м въ приводе бывали (‘были арестованы с поличным’), и на пытка^х пытаны, и по торго^м кнута^м биваны, а Гаврика Домыслинцова въ прошлы^х въ прѣжни^х годехъ по твоему г(о)^{с(у)}д(а)р(е)ву указу за е^{с(о)} варавство велена было е^{с(о)} верши^{т(б)} (‘казнить’), и в прѣжни^х, г(о)^{с(у)}д(а)рь, годехъ при прежни^х ирѣхъ токие ^{жс} лихие вары у Путивле бывали и, заварова⁶⁴², г(о)^{с(у)}д(а)рѣ^м измѣняли... и многую бѣду и тѣсноту и убытки городу чинивали, а о^т тѣ^х, г(о)^{с(у)}д(а)рь, варо^в мы таго ^{жс} чае^м... а товарищѣи ихъ единомысленны^х вели, г(о)^{с(у)}д(а)рь, сыска^{т(б)}, с кѣ^м онѣ такое великое варавство держа^т, и мѣ^{жс} дву г(о)^{с(у)}д(а)р(с)твѣ смуту чиня^т, и н(а)ши пражитки, к[о]ни, и каровы, и пла^{т(б)}я, и всякую рухле^{д(б)} заодно промышляю^т, что^б на^м, бгомолцемъ твои^м и холопѣ^м и сирота^м, и всему городу Путивлю о^т таких варовъ вконецъ не по[ги]ну^{т(б)} Ю66.

Схожие примеры есть и в московских грамотах:

⁴² Заворовати — «начать мятежные, противоправительственные действия» [СлРЯ XI–XVII 5: 158].

... толмачъ Иванъ Григорьев сынъ Кучюмо⁶... учаль меня, холопа твоего, и о^тца моево и мать мою брани^{т(б)} всякою неподобною бранью... вели, г^сдрь, про ево Иваново озорьничество и про брань ево сыска^{т(б)}... вели сво^у праведно^у ука^з учини^{т(б)}, чтобы и впре^{д(б)} токимъ озорьникомъ не повадно было МП, 76,

... являетъ холо^н твои кадашевецъ Никитка Леонтьевъ на безвъстны^х плуто⁶... вели, г^сдрь, челоби^{т(б)}е мое и явку записа^{т(б)}, что^б мнѣ, хо[ло]пу твоему, о^т таки^х плуто⁶ дурна какова не учинило^с МП, 84. (аналогичная конструкция со словосочетанием *токихъ плутов* есть и в М П, 131).

... брани^т меня то^т Василе^у и позори^т всяки^{ми} позорны^{ми} рече^{ми} свои^{ми} и называ^т меня воро^м... и меня, холопа твоего, то^т Василе^у брани^т и позори^т напрасно, а в Можаске бы^{ти} обо ^мне про тво^у гсдрвь недоборобыски, и таки^х рече^у на меня в обыска^х мирски^х и всяки^х чино⁶ люде^у позорны^х и укорны^х не о^{б(б)}явило^{с(б)} МВ, 1а (л. 15).

Эти указательные группы напоминают единственный пример местоимения *такои* в грамотах XIV–XV вв.: *не давите воли такимъ зброднямъ над нашими купчинамы* ПЗ36. По всей видимости, местоимение *такои* подчеркивало отношение говорящего (положительное или, в данных случаях, отрицательное) к тому, о ком или о чем он говорит, и имело, помимо анафорической, также интенсифицирующую функцию (эта функция описана в [Сатюкова, Воейкова 2010: 199–201] на материале современной русской разговорной речи). В этой функции *такой* «может определять как имя прилагательное, так и имя существительное. В первом случае местоимение, как правило, выражает экспрессию, характеризуя высокую степень обозначаемого прилагательным признака» [Сатюкова, Воейкова 2010: 200], что можно отнести к вышприведенным примерам *такое великое воровство, такихъ речи позорныхъ и укорныхъ*. Когда же местоимение относится к существительным, что аналогично нашим примерам: *такимъ зброднямъ*,

отъ такихъ воровъ, отъ такихъ плутовъ, такимъ озорникомъ, — «оно означает высокую степень положительной или отрицательной оценки или степень интенсивности денотата существительного» [Сатюкова, Воейкова 2010: 200]. Небольшое количество примеров в исследованном нами материале можно, на наш взгляд, объяснить тем, что интенсифицирующая функция могла восприниматься носителями языка как не подходящая в стилистическом отношении для делового документа.

Местоимение *таковъ* используется, как и в XV в., в дейктической функции для обозначения документа, в тексте которого употреблено:

[Приписка к купчей:] *продаве^ц сказа^л: дворъ продалъ и такову купчую да^л* MIV, 50

[Последние слова расспросных речей:] *Посланъ на Вологду голова моско^вски^х стре^лцовъ Микита Борисовъ да с нимъ стре^лцовъ деся^м члвкъ, и наказъ ему Миките данъ таковъ*. MV, 7д.

В Стрелецко^у прика^з послана памя^т такова. MV, 19 (л. 22).

Это местоимение, как и *такои*, может использоваться в анафорической функции и также обозначает тождество содержания документов:

Положи^л вл^дчнь слуга перед писцы з грамоты с писцовы с ро^зг^же^у списокъ Федора Волы^нско^{з(о)}, а после то^{з(о)} положи^л пере^д писцы вл^дчнь же слуга грамоту ро^зг^жую, и та грамота с списокомъ сошла^{с(б)}... а горо^дцкие лю^ди сказа^{ли}, что писе^ц Федо^р Волы^нскои на то^у землѣ у них бы^л, да межи имъ не учини^л и таковы ро^зг^жие имъ не далъ, и тогъ ро^зг^жие у в^лдкии не видали P26.

В функции детерминатива *таковъ* используется в формуле *таковъ*, как в *спискъ писано* в рязанских и московских текстах судебных грамот:

Князь великий, выслушавъ се^{с(б)} списокъ, спроси^л обои^х исцовъ: бы^л ли [так!] вамъ тако^в су^д, ка^к в се^м списке писано? И обои исцы сказали, что и^м су^д тако^в бы^л, какъ в се^м списке писано P17;

Исцы... сказа^{III}, что и^M на меже не пожни на Ковери ро³гъздъ тако⁶ бы⁷, ка^K в списку тисано P31;

Приказъ от него таков ли былъ, какъ в сеи ево дховной и в списке написано? MIV, 61 (л. 24 об.).

Таким образом, местоимение *таковъ* в текстах XVI–XVII вв. могло использоваться в функциях анафорической, дейктической и детерминатива. Несмотря на такое большое количество функций, оно встречается редко и, на наш взгляд, не конкурирует с другими указательными местоимениями, так как указывает на тождество предметов по их свойствам, а не используется для нейтрального указания на предмет. Интересно отметить, что в тексте исследованных южнорусских челобитных оно не было зафиксировано, что, возможно, объясняется его в целом нечастым употреблением и жанровой принадлежностью текстов.

Заключение

В деловых текстах XIV–XVII вв. самыми употребительными указательными местоимениями можно назвать *тѣ* (*тотъ*) и *сѣ* (*сеи, сесѣ*). Местоимение-атрибутив *оныи* было зафиксировано только в грамотах XV в. В материале грамот не встретились другие указательные местоимения, как, например, *овѣ*, *сицѣ*, *сицевѣ*, *саковѣ* (см. перечень местоимений в [Шахматов 1957: 174–183]).

Диалектные различия в составе и функционировании исследованных местоимений найдены не были, зафиксированы лишь некоторые отличия, которые касаются лексической сочетаемости указательных местоимений. Например, в грамотах Московского княжества XVI–XV в. писцы использовали формулу *на семъ на всемъ цѣлуи* (*цѣловали есмы*) *крестъ* и повторяли ее в каждой грамоте, тогда как в похожих формулах в новгородских грамотах наряду с *се* использовано местоимение *то*, а в грамотах канцелярии Великого княжества Литовского XV в. — только *то* (см. главу 2, раздел 1). Другой пример: наречное сочетание *напередъ сего* использовалось чаще, чем синонимичное ему *преже* (*преж*) *сего*, в рязанских текстах XVI в., в московских текстах XVII в. они встречаются наравне с небольшим преобладанием *преже* (*преж*) *сего*, а в южнорусских текстах XVII в. *напередъ сего* не зафиксировано вовсе (см. главу 3, раздел 1).

Далее приводятся таблицы, в которых обобщены и систематизированы выводы о том, в каких функциях зафиксированы указательные местоимения в грамотах XIV в. (таблица 3), XV в. (таблица 4) и XVI–XVII вв. (таблица 5).

Знак «+» означает фиксацию как минимум нескольких примеров местоимения в определенной функции, «—» — отсутствие примеров, «?» — специально оговоренные после таблиц случаи.

Таблица 3. Функции указательных местоимений в текстах XIV в.

	<i>сь (сеи)</i> <i>атрибу-</i> <i>тив</i>	<i>се</i> <i>субстан-</i> <i>тив</i>	<i>тъ</i> <i>(тоть)</i> <i>атрибу-</i> <i>тив</i>	<i>тъ (тоть)</i> <i>субстанти-</i> <i>вированный</i> <i>атрибутив</i>	<i>то</i> <i>субстан-</i> <i>тив</i>
Функции:					
(1) дейктическая функция:	+	+	—	—	—
пространственный дейксис	+	+	—	—	—
временной дейксис	+	+	—	—	—
(2) анафорическая функция:	—	?	+	+	+
отсылка к предметам	—	—	+	—	+
отсылка к ситуациям (предикативный антецедент)	—	?	+	—	+
отсылка к людям	—	—	+	+	—
(3) функция детерминатива	—	—	+	+	+
(4) катафорическая функция	—	—	—	—	+

Местоимение *се* употребляется для отсылки к предикативному антецеденту в случаях, когда анафорическая и дейктическая функции нейтрализуются: для отсылки ко всему содержанию той грамоты, в тексте которой местоимение употреблено (подробнее см. главу 1).

Переходя к таблице 4, следует заметить, что здесь есть и сходства, и различия по сравнению с ситуацией, восстанавливаемой для XIV в., и касаются они как состава местоимений, так и их функций.

Таблица 4. Функции указательных местоимений в текстах XV в.

Функции:	<i>сь</i> (<i>сеи, сесь</i>) атрибутив	<i>сь</i> (<i>сеи, сесь</i>) субстантивированный атрибутив	<i>се</i> субстантив	<i>оныи</i> атрибутив	<i>тъ</i> (<i>тоть</i>) атрибутив	<i>тъ</i> (<i>тоть</i>) субстантивированный атрибутив	<i>то</i> субстантив	<i>такои</i> атрибутив	<i>таковъ</i> атрибутив
(1) дейктическая	+	+	+	+	—	—	—	—	+
пространственный дейксис	+	+	?	+	—	—	—	—	+
временной дейксис	+	—	+	—	—	—	—	—	—
(2) анафорическая	?	—	?	—	+	+	+	+	—
отсылка к предметам	?	—	—	—	+	+	+	—	—
отсылка к ситуациям (предикативный антецедент)	—	—	?	—	+	—	+	—	—
отсылка к людям	—	—	—	—	+	+	+	+	—
(3) функция детерминатива	—	—	—	—	+	+	+	—	—
(4) катанфорическая функция	—	—	—	—	+	—	—	—	—
(5) интенсифицирующая функция	—	—	—	—	—	—	—	+	—

Как и в XIV в., в этот период использовались местоимения *сь* (*сеи, сесь*), *се*, *тъ* (*тоть*), *то* — атрибутивы и субстантивы, а также

субстантивированные атрибутивы *тъ* (*тоть*). Однако были зафиксированы и новые местоимения: субстантивированный атрибутив *сь* (*сеи, сесь*), атрибутивы *оныи, такои* и *таковъ*. Скорее всего, их отсутствие в более ранних грамотах XIV в. можно объяснить ограниченностью материала, так как эти местоимения присутствуют, например, в летописях XIII–XV вв. [СлРЯ XI–XVII, 12: 377–378; 24: 35–36; 29: 204, 206].

Что касается функционирования местоимений, то в целом местоимения *тъ* (*тоть*), *то* и *сь* (*сеи, сесь*), *се* используются так же, как и в грамотах XIV в.: для *тъ* (*тоть*) и *то* основной функцией является анафорическая, для *сь* (*сеи, сесь*) — дейктическая; в функции детерминатива выступают только *тъ* (*тоть*) и *то*.

Местоимение *се*, как и в грамотах XIV в., употребляется в формулах, где нейтрализуются дейктическая и анафорическая функции (в таблице 4, как и в таблице 3, соответствующие ячейки в колонке «субстантив *се*» помечены вопросительным знаком). Однако появились надежные примеры функционирования этого местоимения в сфере временного дейксиса (в сочетаниях *преже сего*).

Если говорить о функциях местоимений, использованных впервые в нашем материале в XV в., то можно с уверенностью сказать, что местоимение *оныи* употреблено в дейктической функции. Местоимение *такои* использовалось в анафорической функции и, возможно, имело интенсифицирующую функцию; *таковъ* использовалось в дейктической функции.

Зафиксировано несколько единичных случаев употребления местоимений в функциях, которые не были отмечены в материале XIV в. Это, во-первых, несколько примеров употребления атрибутива *сь* (*сеи, сесь*) в, предположительно, анафорической функции (подробнее в главе 2, раздел 1); в таблице 4 соответствующие ячейки в колонке «атрибутив *сь* (*сеи, сесь*)» помечены вопросительным знаком. Функцию местоимения

в большинстве таких примеров можно объяснить как мысленный дейксис: указательная группа отсылает только к тем предметам, которые находятся в центре внимания говорящего, поэтому, на наш взгляд, несмотря на наличие антецедента, такое употребление скорее относится к сфере дейксиса. Пример из московской грамоты Ц51 (*держати ти их, з(о)^{с(поди)} не, по сѣ^м по наши^м доко^нчалны^м грамота^м и по сеи грамотѣ*), как кажется, можно объяснить ошибкой писца: в том же тексте во всех других аналогичных случаях при отсылке к тому же антецеденту было употреблено местоимение *тѣ* (*тотѣ*).

Во-вторых, субстантивированный атрибутив *тотѣ* один раз используется для отсылки не к людям, а к предметам. В-третьих, субстантив *то* дважды используется для отсылки к людям — холопам и мастерам. В катафорической функции использовался атрибутив *тѣ* (*тотѣ*).

В системе, выстраиваемой на основе исследованных текстов XVI–XVII в., прослеживаются изменения (см. таблицу 5).

Таблица 5. Функции указательных местоимений в текстах XVI–XVII вв.

Функции:	<i>сь</i> (<i>сеи</i> , <i>сесѣ</i>) атри- бутив	<i>се</i> суб- стан- тив	<i>тѣ</i> (<i>тотѣ</i>) атри- бутив	<i>тѣ</i> (<i>тотѣ</i>) субстан- тивиро- ванный атри- бутив	<i>то</i> суб- стан- тив	<i>такои</i> атри- бутив	<i>таковѣ</i> атри- бутив
(1) дейктическая:	+	+	—	—	—	—	+
пространствен- ный дейксис	+	+	—	—	—	—	+
временной дейксис	+	+	—	—	—	—	—
(2) анафорическая	—	—	+	+	+	+	+

отсылка к предметам	—	—	+	+	—	+	+
отсылка к ситуациям (предикативный antecedent)	—	—	+	—	+	—	—
отсылка к людям	—	—	+	+	—	+	—
(3) функция детерминатива	—	—	+	+	+	—	+
(4) катафорическая функция	—	—	—	—	+	—	—
(5) интенсифицирующая функция	—	—	—	—	—	+	—

В XVI–XVII вв. субстантивы, и атрибутивы *сь* (*сеи*, *сесь*), *се* выполняют только дейктическую функцию. Однако это местоимение используется в более ограниченном числе конструкций, чем раньше. Не было также зафиксировано субстантивированных атрибутивов *сь* (*сеи*, *сесь*). По всей видимости, к XVI–XVII в. это местоимение начало выходить из употребления и продолжало использоваться в некоторых конструкциях и формулах по традиции.

Местоимение *оныи* не было зафиксировано вовсе, хотя это можно объяснить отсутствием контекста, подходящего для местоимения дальнего дейксиса. В более поздних деловых памятниках оно могло использоваться в анафорической функции (по данным, приведенным в [Биктимирова 2017], [Калмыкова 2004]), но в исследованном нами материале нет примеров такого рода.

Атрибутивы, субстантивированные атрибутивы и субстантивы *тъ* (*тоть*), *то* являются основными средствами анафоры. Они также широко представлены в функции детерминатива. Местоимение *тъ* (*тоть*) по-прежнему не использовалось в дейктической функции (что напоминает

функционирование образованного от *тотъ* местоимения *тот-то* в современных курских говорах, см. [Галинская 2017]).

Было зафиксировано несколько употреблений местоимения *такои* в анафорической функции, а также, как и в единственном зафиксированном примере в грамоте XV в., оно имело, помимо анафорической, интенсифицирующую функцию и употреблялось в составе указательной группы с негативной семантикой.

Отмечено несколько случаев использования местоимения *таковъ* в трех функциях: дейктической, анафорической, детерминатива. Несмотря на такое большое количество функций, оно встречается редко и, на наш взгляд, не конкурирует с другими указательными местоимениями, так как указывает на тождество предметов по их свойствам (в случаях, когда речь идет о документах, — делает акцент на их содержании), а не используется для нейтрального указания на предмет.

Ни в одном тексте не было зафиксировано местоимение *этомъ* (*етомъ*). Однако оно, безусловно, уже функционировало в XVI–XVII вв. в разговорном языке. Самый ранний пример, отмеченный Б. А. Успенским [Успенский 1992: 109], — упоминание *этомъ* в словаре и грамматике Марка Ридлея, английского врача, приехавшего в Московскую Русь в конце XVI в. и составившего словарь и грамматическое описание русского языка [A dictionarie of the Vulgar Russe Tongue 1996]. В его перечне парадигм местоимений (*A Pronowne*) находятся три указательных местоимения: *се, sea, see: this; mou, ma, тотъ, тотже: th[a]t; ето, ета, етомъ: this* [A dictionarie of the Vulgar Russe Tongue 1996: 47–48]. Факсимиле страницы с записью, не оставляющее сомнений в достоверности этого свидетельства, помещено на вклейке в конце издания (изображение 4). Это свидетельствует о существовании местоимения *этом* в языке XVI–XVII вв., хотя оно и не зафиксировано в исследованных нами памятниках. Т. С. Шулькина, изучавшая рукописные памятники южнорусской деловой письменности

XVII в., во всем изученном ею корпусе текстов нашла всего один случай употребления местоимения *етоть* [Шулькина 1979: 11]. В бытовой же письменности XVII в. местоимение *етоть* нередко использовалось [Галинская 2015: 300], [Лысакова 1971].

Чтобы сравнить функционирование местоимений в XIV–XVII вв. с более ранней ситуацией, построим аналогичную таблицу, основываясь на системе указательных местоимений в древнерусском языке XII–XIII вв., которую описала Т. А. Сумникова [Сумникова 1995: 364–373] (таблица 6) (в работе нет деления на субстантивы и субстантивированные атрибутивы). Нужно отметить, что в её описании учитывается материал текстов не только некнижных, к которым относится деловая письменность, но и книжных, например, житий.

Таблица 6. Функции указательных местоимений в древнерусском языке XII–XIII вв. по данным Т. А. Сумниковой

Функции:	<i>сь</i> (<i>сеи</i> , <i>сесь</i>) атри- бутив	<i>оныи</i> атри- бутив	<i>тъ</i> (<i>тоть</i>) атри- бутив	<i>сь</i> (<i>сеи</i> , <i>сесь</i>), <i>се</i> субста- нтивы	<i>оныи</i> , <i>оно</i> субста- нтивы	<i>тъ</i> (<i>тоть</i>) и <i>то</i> субста- нтивы
(1) дейкти- ческая	+, ‘близкий к говоря- щему’	+, ‘дале- кий от говоря- щего’	+, указывает на обще- извест- ность	+, «семантические отношения нивелируются»	+, «в семанти- ческом отноше- нии обесцве- чено»	
(2) анафори- ческая	+, но менее употре- бительны, чем атрибутив <i>тъ</i>		+, (наиболее часто)	+, «теряли свои различия и выступали как семантически нейтральная анафора» [Сумникова 1995: 372]		
(3) детерми- натив	+, (но всего	+, (часто)	+, (наиболее часто)	+, (мало)	+, (два примера)	+, (наи-

	<i>сь (сеи, сесь)</i> атри- бутив	<i>оныи</i> атри- бутив	<i>тъ (тоть)</i> атри- бутив	<i>сь (сеи, сесь), се</i> субста- нтивы	<i>оныи, оно</i> субста- нтивы	<i>тъ (тоть) и то</i> субста- нтивы
Функции:	один пример)					более часто)

Основные различия между системой указательных местоимений в древнерусском языке XII–XIII вв. и системой, которую можно воссоздать на нашем материале, таковы:

1) Местоимения *сь (сеи)* и *се* в исследованных памятниках деловой письменности XIV–XVII вв. не употребляются в функции соотносительного слова при придаточном, а также, с вышеприведенными оговорками, в анафорической функции. Нужно отметить, что во многих примерах, приводимых Т. А. Сумниковой к анафорической функции, может быть выделена скорее дейктическая функция, так как, например, изображена ситуация речи: *въ оковахъ съдѣи... молю сѧ... да мѧ избавиши о(т) оузь сихъ* Сказание о чудесах Николая Мирликийского в Торжественнике XII в., 75а, или обозначена ситуация, близкая к говорящему, например, перемирие: *оутвърдили миръ... пре [вм. про] сеи миръ троудили сѧ дѣбрии людие* Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г.

2) Местоимения *тъ (тоть)* и *то* в дейктической функции в исследованных памятниках деловой письменности XIV–XVII вв. не зафиксированы. Возможно, в грамотах просто не было необходимости употребить *тъ (тоть)* в узкоупотребительном значении общеизвестности, о котором пишет Т. А. Сумникова, или же *тъ (тоть)* действительно не употреблялось в этой функции.

3) Местоимение-атрибутив *оныи* в исследованном материале представлено малочисленными примерами и встречается только в грамотах XV в. Оно используется только в дейктической функции и не

используется в нашем материале в анафорической функции и в функции соотносительного слова.

Сравним теперь набор местоимений и их функций в исследованных нами грамотах с системой указательных местоимений современного русского литературного языка, как она описана Е. В. Падучевой [Падучева 2016]. Возьмем основные местоимения *этот*, *это* и *тот*, *то* (таблица 7).

Таблица 7. Функции указательных местоимений в современном русском языке

Функции:	<i>этот</i> атрибутив	<i>это</i> субстантив	<i>тот</i> атрибутив	<i>тот</i> субстантив- вирован- ный атрибутив	<i>то</i> субстантив
(1) дейкти- ческая	+, ‘близкий к говоря- щему’	+, ‘близкое к говоря- щему’	+, ‘отдален- ный’		+, ‘отдален- ное’
(2) анафори- ческая	+, «ближняя анафора»	+, «ближняя анафора»	+, «дальняя анафора»		+, «дальняя анафора»
отсылка к прежде упомяну- тому лицу				+, (при отсылке к одному из двух лиц)	
(3) детерми- натив			+	+	+

Главное отличие функционирования указательных местоимений в текстах XIV–XVII вв. от современной системы — утрата местоимений *сь* (*сеи*, *сесь*) и *оныи* и закрепление местоимения *этот*. Произошло и перераспределение функций: местоимение *этот* стало нейтральным

способом выражения анафорической функции вместо местоимения *тотъ*, а *тот* получило дейктическую функцию и заняло место утраченного *оныи*.

Подытоживая сказанное выше и сравнивая между собой периоды развития системы указательных местоимений от древнерусского до современного, можно назвать систему, представленную в грамотах XIV–XV вв., промежуточным звеном между древнерусской и современной. В этот период у местоимений *сь* (*сеи*, *сесь*) и *оныи* осталась дейктическая функция, а анафорическая функция и функция детерминатива перешли к местоимению *тъ* (*тотъ*).

Впоследствии же функция показателя дальнего дейксиса от местоимения *оныи* перейдет к местоимению *тот*, тогда как к появившемуся местоимению *этот* перейдут функция показателя нейтральной анафоры от местоимения *тот* и дейктическая функция от местоимения *сь* (*сеи*, *сесь*). Часть этих процессов, как можно предположить, происходила в XVI–XVII вв., хотя это нашло лишь косвенное отражение в исследованном материале деловой письменности в виде более ограниченного использования *сь* (*сеи*, *сесь*) и отсутствия местоимения *оныи*.

Источники

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 408 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 585 с.
3. Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / Под ред. А. М. Сахарова. М.: Издательство Московского университета, 1966. 211 с.
4. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968.
5. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Изд. подготовили С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1978.
6. Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подготовили С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. Отв. ред. В. П. Вомперский. М.: Наука, 1993.

Список использованной литературы

1. Аванесов Р. И. Проблемы образования языка великорусской народности // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 20–42.
2. Адамец П. Функции указательных местоимений в чешском языке в сравнении с русским // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М.: Издательство МГУ, 1983. С. 173–191.
3. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

4. Афанасьева Т. И. Местоимения 3 лица // Евхологий Великой Церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст. Отв. ред. Т.И. Афанасьева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. С. 104–115.
5. Басенко К. В. К вопросу об употреблении неличных местоимений в древнерусском языке. Львов: Львовский гос. пед. ин-т, 1958. 56 с.
6. Биктимирова Ю. В. Указательные местоимения семантического трехчлена в памятниках письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67). Ч. 1. С. 68–72.
7. Благова Э. К значению и употреблению местоимения *jь в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 34–42.
8. Богатырева Г. Д. Основные семантико-синтаксические значения местоимений съ, ть, онъ, (и) в древнерусском языке XI–XIV вв. (Материалы к спец. семинару по ист. грамматике рус. яз.). Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1968. 43 с.
9. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев: Радянська школа, 1952. 447 с.
10. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Москва: Издательство иностранной литературы, 1952. 446 с.
11. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1974. 224 с.
12. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015. 416 с.
13. Галинская Е. А. Указательное местоимение *тот-то* в курских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 12. Диалектология / Под ред. А. М. Молдована. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2017. С. 73–87.

14. Галинская Е. А. К вопросу о языке Северо-Восточной Руси XV в. // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2 (44). С. 125–137.
15. Гард П. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике, 15. М.: Прогресс, 1985. С. 215–226.
16. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
17. Демидов Д. Г. Артиклевая и анафорическая функции русского указательного местоимения в историко-типологическом аспекте // Вестник СПбГУ. 2011. Вып. 2. С. 104–110.
18. Живов В. М. История языка русской письменности. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 815 с.
19. Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981. С. 89–107.
20. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
21. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
22. Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Opera selecta. Выпуск 35. М.: «Языки русской культуры»; «Русские словари», 1997. С. 59–107.
23. Иванов В. В. Вопросы исследования истории русского языка и лингвистического источниковедения в трудах С. И. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. 1987. М.: Наука, 1987. С. 3–13.
24. Иорданиди С. И. К истории постпозитивных и препозитивных артиклей в славянских языках // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 147–165.

25. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. / Под ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979. 459 с.
26. Калмыкова Т. С. Местоимения в деловом языке второй половины XVIII века: семантика, грамматика, функционирование: По архивным материалам. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 2004. 21 с.
27. Касаткина Р. Ф. Псевдоартикли и предартикли в севернорусских говорах // Slavica Helsingiensia. 2007. № 32. С. 101–110.
28. Касаткина Р. Ф. Русский язык ищет артикли // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 3–9.
29. Крамский И. К проблеме артикля // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 14–26.
30. Кржижкова Е. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках // Русское и славянское языкознание: к 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 144–153.
31. Крысько В. Б., Кузнецов А. М., Пенькова Я. А. Местоимение // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь. Отв. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 172–189.
32. Кузнецов А. М. Употребление указательных местоимений съ, тъ, онъ в Зографском Евангелии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 1. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. / Отв. ред. выпуска Г. И. Кустова, А. А. Пичхадзе. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2020. С. 123–134.
33. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Издательство Московского университета, 1953. 305 с.

34. Курц Й. Проблема члена в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага: Изд-во Чехослов. акад. наук, 1963. С. 121–182.
35. Лысакова И. П. Указательные местоимения в языке русской частной переписки XVII – начала XVIII века. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1971. 21 с.
36. Майоров А. П. Местоимения сей, тот, оной в деловом языке XVII–XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 224–239.
37. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4. С–Я. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 390–391.
38. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 510 с.
39. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 492 с.
40. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: [б.и.], 2004. 48 с.
41. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 01.03.2024).
42. Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1984. 87 с.
43. Падучева Е. В. Значение и синтаксические функции слова *это* // Проблемы структурной лингвистики 1980 / АН СССР. Институт русского языка; отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1982. С. 76–91.

44. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Изд. 6-ое, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.
45. Падучева Е. В. Указательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Указательные_местоимения (дата обращения 01.03.2024).
46. Палкина Е. Н. К вопросу о членных и удвоенных формах древнерусских указательных местоимений // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 1. С. 86–93.
47. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
48. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. Учебник. М.: Академический проект: Парадигма, 2005. 256 с.
49. Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 256–274.
50. Ревзин И. И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 121–137.
51. Романова Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.
52. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
53. Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения такой в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований

- РАН. Т. VI. Ч. 2. Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. С. 184–224.
54. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. Под ред. Л. В. Черепнина. М.: Издательство Московского Университета, 1959. 236 с.
55. Сибирцев И. М., Шахматов А. А. Еще несколько Двинских грамот XV века (Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 5). СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, 1909. 23 с.
56. Сичинава Д. В. Части речи // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III: Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 9–39.
57. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.: Наука; Азбуковник; Нестор-история, ЛЕКСРУС, 1975–.
58. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М.: Университетская типография, 1907. 309 с.
59. Современный русский литературный язык: учебник / П.А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин; под ред. П. А. Леканта. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. 766 с.
60. Сумникова Т. А. Местоимение // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1995. С. 326–374.
61. Тихомирова Е. А. Семантико-стилистические функции указательных местоимений в тверской деловой письменности XVI–XVII вв. // Среднерусские говоры и их история. Калинин: КГУ, 1987. С. 115–121.
62. Толстой Н. И. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикля // Всесоюзная конференция по славянской филологии. Тезисы докладов. Л.: [б. и.], 1962. С. 125–126.
63. Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Доломоновский период русского

- литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language. Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г. Stockholm, 1992 (Slavica Suecana. Series B – Studies. Vol. 1). С. 63–169.
64. Федорова М. В. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. 202 с.
65. Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969. С. 104–126.
66. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 295 с.
67. Хабургаев Г. А., Горшкова К. В. Историческая грамматика русского языка: Учебн. пособие для ун-тов. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.
68. Халанский М. Г. Из заметок по истории русского языка. О члене в русском языке // Известия ОРЯС. Т. VI, 1901. Кн. 3. С. 127–169.
69. Холодилова М. А. Относительные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Относительные_придаточные (дата обращения 01.03.2024).
70. Чапаева Л. Г. Оппозиции указательных местоимений в славянских языках в дейксисе и анафоре // Русский язык: история, диалекты, современность. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Выпуск XVIII. Отв. ред. Л. Ф. Копосов. М.: Изд-во МГОУ, 2019. С. 293–298.
71. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. Отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
72. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 472 с.

73. Шахматов А. А. Исследование о Двинских грамотах XV в. Ч. I и II. (Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 3). СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, 1903. 184 с.
74. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 401 с.
75. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
76. Шулькина Т. С. Указательные местоимения в языке южнорусской деловой письменности XVII столетия. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Воронеж: [б. и.], 1979. 23 с.
77. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
78. Элсберг И. Я. Значение и употребление указательного местоимения *тъ, та, то* в роли местоименного определения в памятнике XII века "Хождение Даниила игумена" // Вопросы языка и литературы. Рига: Звайгзне, 1967. С. 47–68.
79. A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue: Attributed to Mark Ridley. Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1996. 518 pp.
80. Clark H. H. Bridging // Johnson-Laird P.N., Wason P.C. (Eds.) Thinking: Readings in Cognitive Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 411–420.
81. Diessel H. Demonstratives. Form, function, and grammaticalization. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1999.
82. Slovník jazyka staroslověnského — Slovník jazyka staroslověnského. Репринтное издание. Т. I–IV. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.